

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

3/2024

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева** (Томск), д. ю. н., проф. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора), д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова** (Москва), д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская** (Москва), д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая** (Калининград), д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина** (Саратов), д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (Фехта), д. ю. н., проф. **И. А. Игнатъева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. В. Кодан** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова** (Москва), к. ю. н. **Я. Койстинен** (Хельсинки), д. ю. н., проф. **В. В. Комарова** (Москва), к. ю. н., доц. **Т. В. Кондрашова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **П. И. Кононов** (Киров), д. ю. н., проф. **Э. А. Кочкарлова** (Бишкек), д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева** (Москва), д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова** (Пермь), д. ф. н., проф. **И. П. Малинова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Е. В. Марковичева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин** (Тюмень), д. ю. н., доц. **М. В. Мещанова** (Минск), д. ю. н., проф. **С. П. Мороз** (Алматы), д. и. н., проф. **В. П. Мотревич** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **В. В. Никишин** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев** (Екатеринбург), проф. **П. Поликастро** (Щецин), д. ю. н., проф. **С. Б. Поляков** (Пермь), д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **С. В. Рыбакова** (Саратов), д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова** (Красноярск), д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин** (Тюмень), д. ю. н., проф. **А. И. Стахов** (Москва), д. ю. н., проф. **В. Л. Толстых** (Москва), д. ю. н., проф. **А. Трунк** (Киль), д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **С. Д. Хазанов** (Екатеринбург), проф. **Хуан Даосю** (Пекин), д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров** (Красноярск), проф. **П. Шокинс** (Лёвен)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof., Tomsk), **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Huang Daoxiu** (prof., Beijing), **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Khazanov** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **E. Kochkarova** (doctor of legal sciences, prof., Bishkek), **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences, Helsinki), **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Kondrashova** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof., Kirov), **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **A. Lisachenko** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **T. Loginova** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Perm), **I. Malinova** (doctor of philosophical sciences, prof., Yekaterinburg), **E. Markovicheva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **M. Miashchanava** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Minsk), **S. Moroz** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **P. Policastro** (prof., Szczecin), **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, prof., Perm), **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg), **S. Rybakova** (doctor of legal sciences, prof., Saratov), **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **O. Siegmunt** (doctor of philosophy, Vechta), **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof., Kiel), **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **P. Schoukens** (prof., Leuven), **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof., Kaliningrad), **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **T. Zаметина** (doctor of legal sciences, prof., Saratov)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207

Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,

редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375-54-20.

E-mail: rzh@usla.ru.

electronic.rzh.org.

Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Магомедова О. С. (Москва)* Проблемы развития концепции
 международно-правовой политики государства 5

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Балакшин В. С. (Екатеринбург)* Основания возрождения института возвращения
 судом уголовного дела для производства дополнительного расследования 18
- Кузнецова Е. В. (Екатеринбург)* О некоторых проблемах завершающего этапа
 дознания в сокращенной форме 28

ТРУДОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

- Корсаков К. В., Серова А. В. (Екатеринбург)* Социальные аспекты и правовые
 инструменты регулирования внешней трудовой миграции в России
 в современных условиях 34

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Опря М. В. (Екатеринбург)* О наследовании исключительных прав
 на средства индивидуализации 48

СТУДЕНЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

- Заднепровская А. О. (Москва)* Понимание тоталитаризма в научной
 и художественной литературе в контексте прав человека 57
- Шарифулин А. А. (Москва)* К вопросу о недопустимых основаниях пересмотра
 судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам 67

CONTENTS

PUBLIC ISSUES AND POLITICAL SCIENCE

- Magomedova O. (Moscow)* Problems of the development of the concept
 of international legal policy of state 5

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- Balakshin V. (Yekaterinburg)* Grounds for the revival of the institution of the court's return
 of a criminal case for additional investigation 18
- Kuznetsova E. (Yekaterinburg)* Some problems of the final stage of inquiry
 in abbreviated form 28

LABOUR AND SOCIAL LAW

- Korsakov K., Serova A. (Yekaterinburg)* Social aspects and legal instruments for regulating
 external labor migration in Russia in modern conditions 34

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- Oprya M. (Yekaterinburg)* On inheritance of exclusive rights to means of individualization 48

STUDENTS' BULLETIN

- Zadneprovskaya A. (Moscow)* Understanding of totalitarianism in scientific
 and fiction literature in context of human rights 57
- Sharifulin A. (Moscow)* On the issue of unacceptable grounds for reviewing court
 rulings on newly discovered circumstances 67

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Магомедова Ольга Сергеевна

Аналитик Института международной экономики и финансов Всероссийской академии внешней торговли при Минэкономразвития РФ (Москва), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0003-0593-3101, e-mail: olga.magomedova.96@mail.ru.

В научных публикациях исследователи, как правило, рассказывают о готовых результатах проведенных исследований и проверенном пути к ним. Но в поиске верного пути исследователи неизбежно проходят по тупиковым тропам, которые остаются неизвестны аудитории. Это разумный подход к развитию дисциплинарных знаний. Но в случае привнесения в научное поле новой идеи, требующей дальнейшей разработки, стоит сделать исключение из этого правила и осветить ложные пути рассуждений в развитии тех или иных предположений. Сегодня отечественные юристы-международники обращаются к концепции международно-правовой политики государства, сформулированной во французской научной школе и разработанной зарубежными исследователями. С целью поддержать дальнейшее развитие концепции на фундаменте российской теории международного права настоящая статья освещает основные препятствия и ловушки для исследователей. Раскрывается проблема ограниченных источников данных для анализа международно-правовой политики государств как последовательной стратегии. Рассматриваются нюансы ретроспективного анализа международно-правовой политики государства. Представлен обзор некоторых тезисов концепции и подводных камней в их интерпретации. Разъясняется значение систематизации международно-правовой практики государств в контексте проблемы схематизации международно-правовых доводов государств.

Ключевые слова: международно-правовая политика, теория международного права, нормы международного права, согласование воле государств, национальные интересы, легитимация

Для цитирования: Магомедова О. С. Проблемы развития концепции международно-правовой политики государства // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 3. С. 5–17. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_3_5.

PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF INTERNATIONAL LEGAL POLICY OF STATE

Magomedova Olga

Analyst, All-Russian Academy of Foreign Trade under the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Moscow), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0593-3101, e-mail: olga.magomedova.96@mail.ru.

Published research works usually present achieved results and tested paths to them. But in search for this right way researchers inevitably discover dead-end paths that remain unknown to the audience. This is a reasonable approach to the development of disciplinary knowledge. But if a new idea is introduced into the discipline and requires further development, it is worthwhile to make an exception to this rule and to highlight false ways of reasoning in the development of certain theses. Nowadays Russian international lawyers are addressing the concept of international legal policy of state, formulated in the French scholarship and advanced by foreign researchers. In order to support the further development of the concept on the foundation of the Russian theory of international law, this article highlights main obstacles and traps for researchers. The article highlights the problem of limited data sources for the analysis of

international legal policies of states as consistent argumentative strategies; examines the nuances of the retrospective analysis of international legal policies of states; provides review of some theses of the concept and pitfalls in their interpretation. The article explains importance of systematization of international legal practice of states in the context of the problem of schematization of international legal arguments of states.

Key words: international legal policy, theory of international law, international legal norms, coordination of sovereign wills, national interests, legitimacy

*For citation: Magomedova O. S. (2024) Problems of the development of the concept of international legal policy of state. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 5–17, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_3_5.*

Введение

Термин «международно-правовая политика государства» (далее также – МППГ) широко известен в российской науке международного права и часто применяется в работах по разным темам. Однако само понятие МППГ как полноценной теории только проходит этап становления в отечественной науке. Тема МППГ появилась в поле российских правовых исследований на фоне возвращения интереса зарубежных ученых к авторской концепции Г. Л. де Лашаррьера, сформулированной в 1980-х гг. Идея Г. Л. де Лашаррьера заключалась в том, что каждое государство проводит специальную политику в отношении международного права, направленную на легитимацию его позиций по тем или иным вопросам в международном праве¹. Такая политика проводится путем последовательного аргументированного представления государством своей позиции с целью убеждения международного сообщества в ее соответствии основам международного права и необходимости в современных условиях. По мере легитимации предлагаемых позиций государства формируют актуальное содержание международного права.

В 2010-х гг. трансформационные процессы в международных отношениях, обострение дискуссии о роли международного права в текущих обстоятельствах вновь привлекли внимание некоторых зарубежных исследователей к социологическому аспекту поднимаемых вопросов – отношению государства к международному праву². Такой ракурс современных проблем заинтересовал и российских исследователей³. Следует заметить, что в зарубежной теории международного права, где авторская концепция Г. Л. де Лашаррьера стала классической идеей, научная дискуссия по проблематике МППГ направлена на своего рода «переосмысление» классических положений. Такое развитие дискуссии возможно именно потому, что идея МППГ была изначально серьезно воспринята французской доктриной и за десятилетия значительно обогатилась разработками зарубежных авторов по отдельным вопросам, поднимаемым концепцией.

В российскую науку международного права концепция привнесена как новелла из зарубежных исследований, а потому требует особой осторожности в развитии ее положений на фундаменте, заложенном отечественными международно-правовыми школами. Так, развитие идеи МППГ российскими учеными сопровождается риском отождествления явлений, определенных термином «международно-правовая политика» в ранее опубликованных исследованиях, с понятием МППГ, за которым стоят строгие тезисы. Кроме того, универсальное значение концепции (т. е. возможность ее применения при изучении международно-правовой практики каждого из государств) может создавать мнимое впечатление простоты ее тезисов, из чего следуют риски опрометчивых суждений. Поэтому задача настоящей статьи – предупредить та-

¹ De Lacharrière G. L. La politique juridique extérieure. P.: Economica, 1983. 231 p.

² Kolb R. Réflexions sur les politiques juridiques extérieures. P.: Pedone, 2015. 138 p.; Mégret F. Foreign Legal Policy as the Background to Foreign Relations Law? Revisiting Guy De Lacharrière's La Politique Juridique Extérieure // Encounters between Foreign Relations Law and International Law: Bridges and Boundaries / ed. by H. P. Aust, T. Kleinlein. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 108–129.

³ Вылегжанин А. Н., Дудыкина И. П. Понятие «международно-правовая политика государства» // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 24.

кие ложные пути разработки концепции МППГ. Для этого необходимо ясно очертить ее рабочее поле и прояснить некоторые нюансы в раскрытии ее положений.

1. Ограниченные источники данных о международно-правовой политике

Отличительной чертой МППГ является ее недеклалируемость государствами. Другими словами, само понятие международно-правовой политики государства – исключительно продукт доктринального осмысления действий государств как значимых для развития международного права. Такое происхождение понятия МППГ накладывает свой отпечаток и на возможности исследования международно-правовой практики государств как выражения политики в отношении международного права. Здесь намеренно опускается термин «методология», поскольку концепция МППГ не предлагает специальных методов исследования или собственного понятийного аппарата.

1. Прежде всего исследование международно-правовой практики государств обязывает ученых идентифицировать действия и заявляемые позиции государств как значимые в международном праве. При этом среди юристов-международников нет единого представления о том, что из себя представляет собственно международно-правовая практика, чем она должна принципиально отличаться от любых других видов деятельности публичного аппарата конкретного государства¹.

Интуитивно мы понимаем, что к международно-правовой практике можно отнести любые действия и позиции, в обоснование которых государство прямо ссылается на международно-правовые нормы или которые осуществлены в исполнение государством его международно-правовых обязательств. Однако критерий прямого указания государством на международно-правовое значение своих действий существенно ограничил бы изучаемые источники. Тогда можно положиться на институциональный критерий и включать в число анализируемых практик решения, принимаемые национальными органами, наделенными компетенциями в проведении внешней политики. Но проблема в том, что международно-правовая политика государства является частью внешней политики. Как тогда обособить МППГ от шагов, наделенных исключительно политическим содержанием?²

Интересно, что в оригинальной концепции Лашаррьера проблема идентификации международно-правовой практики государств разрешается с помощью презумпции действия правовых норм в межгосударственных отношениях: международно-правовая политика определяется как «политика в отношении *юридических аспектов* международных отношений» (курсив автора)³. Идея полноты международного права (*completeness of the law*), сформулированная Г. Лаутерпахтом, не позволяет исключать практику государств из-под международно-правового регулирования ввиду ее «политического характера»⁴. Как отметил Международный суд ООН, политический аспект спора не препятствует рассмотрению его юридического аспекта⁵. В то же время исследователь, следующий данной идее, оказывается обречен на постоянный поиск грани правового и политического в каждом действии или заявлении государства, более того, с риском механического переноса структур из поля политического дискурса в поле дискурса международно-правового.

Отсюда возникает необходимость обращения к качественному критерию *значимости действий государства для международного права*. Предполагается, что действия государства непременно встроены в межсубъектные (межгосударственные) отношения: речь идет уже не о ригидной системе абстрактных норм и понятий между-

¹ Parry C. The Sources and Evidences of International Law. Manchester: Manchester University Press, 1965. P. 34–35, 37–38. См. также: Carty A. Doctrine Versus State Practice // The Oxford Handbook of the History of International Law / ed. by B. Fassbender, A. Peters. Online ed. Oxford: Oxford Academic, 2012. P. 972–996.

² Клайв Пэрри рассуждал о том, что значимость международных соглашений зачастую лежит не в их статусе результата согласования воли, но в их статусе правового утверждения военно-политических достижений. В этом отношении наиболее показательны примеры мирных соглашений и других договоров, венчающих завершение военного или политического конфликта. Parry C. Op. cit. P. 40.

³ De Lacharrière G. L. Op. cit. P. 5.

⁴ Lauterpacht H. Some Observations on the Prohibition of 'Non Liquef' and the Completeness of the Law // Sources of International Law / ed. by M. Koskenniemi. Routledge, 2000. P. 199.

⁵ ICJ. Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Jurisdiction and Admissibility, Judgment of 26 November 1984, 1984 ICJ Rep. 293. P. 431–436, paras. 89–98.

народного права, но о международном праве как текущем результате непрерывного согласования воли государств. Если рассматривать все действия государства как адресные доводы для других государств, то их значимость в международном праве оценивается по его весомости (актуальной или потенциальной) для остальных участников согласования воли, будь то действие, способное создать прецедент допустимого поведения, или позиция, способная найти как ярых противников, так и активных сторонников.

Казалось бы, такое решение проблемы выявления международно-правовой практики государства избавлено от субъективно обусловленных погрешностей определения действия как юридически значимого. Но возникает иная проблема – доступность исследователю достоверных источников данных о международно-правовых позициях и действиях государств.

II. Обычно исследователи МППГ не имеют прямого доступа к механизмам разработки МППГ, а потому могут судить о международно-правовой практике государства только по ее видимым или вербализованным свидетельствам.

Материалами служат договоры, которые заключают государства (или к которым присоединяются), оговорки и декларации о толковании, политические декларации, меморандумы о взаимопонимании и другие (публично доступные) договоренности государств. Исследовать международно-правовую политику по тому, что «сказало государство», означало бы следовать волюнтаристскому подходу. Ведь, как отмечает ирландский юрист-международник Э. Карти, политические заявления и прочие формы изречения международно-правовой позиции государства наиболее близки к выражению его «воли»¹. Очевидно, декларируемые позиции представляют только вершину айсберга международно-правовой политики. В то же время если исследователи обращаются к анализу практики, то за неимением сведений о логике выстраивания международно-правовой политики государства юрисконсультами внешнеполитического ведомства все причинно-следственные связи и международно-правовые доводы оказываются только умозрительными выводами. Но как быть уверенным в соответствии выводов действительности? Ведь разработка международно-правовых доводов государства предполагает последовательный выбор решений, за которыми могут стоять различные факторы и мотивы субъектов, вовлеченных в принятие решений².

В этом отношении концепция международно-правовой политики представляет очередную попытку осмыслить (объяснить) поведение государств и их истинное отношение к международному праву. Предположение существования цельной аргументативной стратегии государства обеспечивает возможность анализировать международно-правовую практику государств линейно, исключая мотивы и версии, не соответствующие стержневой линии международно-правовых доводов государства. Несмотря на кажущуюся объективность в выделении «лейтмотива» международно-правовой политики по характеру превалирующих практик, ее содержание все же определяется доминирующими нарративами в академическом поле дисциплины международного права³. Поэтому высока вероятность «доктринизации» феномена международно-правовой политики государства, т. е. отрыв идеи доктрины от действительности. Вероятность не значит неизбежность. Ловушку «домысливания» можно обойти, если анализировать наиболее полный массив сведений о проведении государством международно-правовой политики, включая дипломатическую переписку, протоколы переговоров по разработке конвенции, воспоминания непосредственных участников и др. Проблема в том, что такая полнота сведений достигается

¹ *Carty A. Op. cit. P. 981.*

² Помимо объективных факторов, автор концепции Лашаррьер указывает и на влияние внутренних механизмов, баланса сил, распределения компетенций, а также личностного фактора (*De Lacharrière G. L. Op. cit. P. 208*).

³ Значение нарративов в международном праве занимает особое место в теории международного права. Для целей настоящей статьи следует отметить способность нарративов создавать и укреплять в правовом сознании современные представления, которые могут расходиться с историей дисциплины и другими историческими свидетельствами. Примечательна работа Агаты Вердебут, последовательно развенчивающая предположение, что международное право не смогло предотвратить войны XX в., поскольку не было достаточно международно-правового регулирования применения силы (*Verdebut A. Rewriting Histories of the Use of Force: The Narrative of 'Indifference' // Cambridge Studies in International and Comparative Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 376 p.*).

с течением времени, а потому анализ международно-правовой политики государства всегда ретроспективен.

2. Ретроспективность анализа МППГ

Ретроспективный анализ необходим для исследования МППГ, поскольку понимание развития международно-правовой практики государства по соответствующему вопросу в целом позволяет составлять представление о международно-правовом обосновании решений и действий недавнего прошлого. Как подчеркивает немецкая исследовательница С. Маркс, «прошлое определяет возможности настоящего»¹.

Ретроспективный характер анализа обусловлен самими принципами проведения МППГ: о содержании МППГ можно судить только по ее результатам. Дело в том, что государства не провозглашают свою международно-правовую политику, она никак документально не зафиксирована, прежде чем будет проведен ее анализ. При этом проявить линию международно-правовой аргументации государства возможно, только проследив ее ретроспективно от видимого результата в международно-правовой практике, т. е. когда международно-правовая позиция государства становится ясно выражена. Очевидно, что выражению позиции в международно-правовом дискурсе предшествует длительная внутренняя работа государства, собственно, по выстраиванию МППГ.

Подводным камнем в линейном анализе МППГ выступает *ошибка ложного детерминизма*, когда все прошлые действия государства оказываются подчинены одной цели, значением которой наделен некоторый свершившийся факт². Нередко исследователи в сфере гуманитарного знания считают поиск причинно-следственных связей не чем иным, как желанием уйти от случайного и неожиданного³. Концепция МППГ особенно чувствительна к последствиям детерминированного подхода, поскольку в анализе международно-правовой практики государства все «неслучайное» может быть приписано к «намеренному», а с учетом естественной последовательности развития МППГ такое допущение влечет цепочку ложных рассуждений об интересах и мотивах государства поступать так, а не иначе⁴.

Поэтому в ретроспективном анализе так важно понять взаимоотношение фактов-намерений и фактов-обстоятельств – то, что исследователи называют отношением между «структурой и волевым действием» (*relation between structure and agency*)⁵. Речь идет о необходимости предотвращения ошибки представления «случайного» как «закономерного» или наоборот. С. Маркс использует понятия «*false necessity*» и «*false contingency*» соответственно⁶. Если быть точнее, то, в частности, проблема «*false contingency*» заключается даже не в простой подмене намеренно созданных обстоятельств совпадениями, а в пренебрежении аспектами возможного и необходимого (*necessary or determined aspects*) в оцениваемых обстоятельствах⁷. Ведь порядок вещей в настоящий момент отражает одну реализованную возможность из множества. По этой причине сложно судить об успешности МППГ как таковой: успешна политика

¹ В оригинале: «...the past shapes the possibilities of the present» (*Marks S. False contingency // Current Legal Problems. 2009. Vol. 62. № 1. P. 9*).

² Ложный детерминизм совсем не означает отрицание социальных или волевых факторов (*human agency*) в истории (это как раз характерно для фатального в противоположность научному детерминизму), речь идет именно о рассмотрении развития событий прошлого как единственно возможного сценария. *Marks S. Op. cit. P. 4*.

³ «There is a deeply human longing for reasons in a world that is contingent». См.: *Adorno Th., Horkheimer M. Dialectic of Enlightenment / transl. by J. Cumming. N. Y., 1997. 270 p.* Цит. по: *Venzke I. Situating Contingency in the path of International Law // Contingency in International Law: On the Possibility of Different Legal Histories / ed. by I. Venzke, K. J. Heller. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 8*.

⁴ Например, автор концепции МППГ предпринимает попытку определить случаи отклонения от системного курса МППГ как ошибки (*erreurs*) или нестыковки (*incoherences*). См.: *De Lacharrière G. L. Op. cit. P. 177–194*. Проблема в том, что оценка действия как ошибочного может быть обусловлена не только аналитическим выявлением недостатков акта для достижения целей МППГ, но и ошибочной реконструкцией самой МППГ государства. Ведь истинное содержание МППГ всегда остается вне ведения исследователей.

⁵ *Marks S. Op. cit. P. 9*. С. Маркс формулирует это так: «What relation is established between structure and agency».

⁶ *Marks S. Op. cit. P. 10*.

⁷ *Ibid. P. 20*.

в силу убедительности аргументов или в силу удачной постановки вопроса в предположенных обстоятельствах?

Кроме того, ретроспективный анализ международно-правовой практики государств требует понимания исторического контекста. Причем в контексте важны не только обстоятельства, в которых принималось то или иное решение, но и значимость этого действия именно в условиях, существующих на момент его свершения, а также «*habitus*» тех, кто принимал участие в данном решении¹. Стоит помнить, что интерпретации событий и текстов прошлого всегда несут на себе след вопрошающего исследователя сегодня: его установки, убеждения, понимания хода истории². А самое главное, что обращение к теме в прошлом обычно сопряжено с возобновлением проблемы в настоящем, потому рассмотрение прошлых действий зачастую происходит через призму предустановленных акцентов³.

По этой причине в зарубежных исследованиях ученые обращаются к методам контрфактического исторического анализа международно-правовых практик⁴. Выявляя альтернативные пути развития событий и идентифицируя факторы, препятствовавшие реализации иных путей, возможно понять действительное значение в итоге согласованных норм в международном праве. Как отмечает Дж. Гордон, легитимность действующих норм становится тем более очевидна, когда учитывается роль случайного и возможного⁵.

3. Мнимая простота общих закономерностей

Поскольку идея международно-правовой политики государства направлена на раскрытие общих закономерностей в международно-правовой практике государств, то ее тезисы формулируются универсалистски. Соответственно, эти тезисы не сводимы к грубому обобщению частных наблюдений, напротив, они указывают сами принципы реализации международно-правовой политики государством.

1. В соответствии с тезисами концепции МППГ политика государства в отношении выбора применимых источников международного права определяется *возможностью оказывать максимальное влияние на содержание международного права*⁶. Однако необходимо понять, чем измеряется такая возможность.

С одной стороны, первичным критерием может выступать техника формализации международно-правовой нормы, поскольку для государства важны условия фиксации результата согласования воли. В таком случае данный тезис мог бы служить доказательством «наблюдаемой» предпочтительности договорной формы источников права перед всеми иными: по данным «World Treaty Index», на протяжении XX в. было заключено более 55 тыс. международных соглашений⁷. Однако Г. Л. де Лашаррьер начинает рассуждения о политике государств в отношении источников международного права как раз с опровержения такого допущения. Например, довод о возможности быстрого согласования договорных норм оспаривается проблемой отложенного вступления этих норм в силу (как в случае недостаточного числа ратификаций). В свою очередь, довод о преимуществе точных формулировок в договоре опровергается стремлением государств оставлять за собой свободу юридического маневрирования при толковании⁸.

С другой стороны, может быть важнее, *какие преимущества* к утверждению своей международно-правовой позиции дает государству тот или иной источник международного права *в зависимости от положения данного государства в дискурсивном поле международного права*. Например, можно предположить, что государства

¹ Здесь термин «*habitus*» из социологии П. Бурдьё емко выражает систему индивидуальных установок, восприятие и образ мыслей.

² Nijman J. An Enlarged Sense of Possibility for International Law // Contingency in International Law: On the Possibility of Different Legal Histories. P. 101.

³ Ibid. P. 102.

⁴ Venzke I. What if? Counterfactual (Hi)Stories of International Law // Asian Journal of International Law. 2018. Vol. 8. № 2. P. 403–431.

⁵ Gordon G. The Time of Contingency in International Law // Contingency in International Law: On the Possibility of Different Legal Histories. P. 163.

⁶ De Lacharrière G. L. Op. cit. P. 41.

⁷ World Treaty Index. URL: <http://db.lib.washington.edu/wti/wtdb.htm> (дата обращения: 10.07.2024).

⁸ De Lacharrière G. L. Op. cit. P. 29–30.

с многовековой международно-правовой практикой будут чаще полагаться на обычно-правовые нормы, обладающие общеобязательным действием, т. е. стремиться сохранить *status quo*, обеспеченный согласованными нормами. Тогда как новообразованные государства будут всячески препятствовать действию обычно-правовых норм, в формирование которых они не были вовлечены по объективным причинам. В частности, такое допущение разрабатывается в исследованиях научного направления TWAIL (Third World Approach to International Law)¹. Но в сущности любая норма международного права является достоянием всего международного сообщества, как «державных» государств², так и малых.

В то же время критерием могут стать сущностные свойства самого источника права. Например, распространено представление о гибкости договорных норм в противоположность «отвердевшему» в длительной практике международному обычаю³. Однако многочисленные исследования показывают, что международный обычай и международный договор могут в равной степени обеспечивать гибкость и стабильность международно-правового порядка и, более того, не только из обычной нормы международного права может возникнуть договорная норма, но и наоборот⁴.

Таким образом, ни одна из характеристик источника, взятого *in abstracto* или в отношении некой категории субъектов, не может быть *предопределяющим фактором* в том, как государство относится к данному источнику международного права при проведении своей международно-правовой политики. Сам выбор источника для закрепления согласованных позиций государств в международном праве является стратегическим шагом в рамках международно-правовой политики.

II. В основе концепции МППГ лежит идея *легитимирующего эффекта* международно-правовой аргументации. Это значит, что государство может с использованием международно-правовых доводов достичь признания его позиции как допустимой, и далее общеприемлемой в международном праве, даже если изначальная позиция государства расходится с существующим общим пониманием международно-правового урегулирования того или иного вопроса. Поскольку данное утверждение преимущественно поддерживает возможность изменения содержания международно-правовых норм по инициативе каждого из государств, процесс легитимации ложно подменяется односторонним правовым обоснованием позиций или действий. Однако между двумя этими процессами – легитимацией и односторонним обоснованием – есть существенные различия.

Во-первых, в одностороннем обосновании не проводится различия легитимных национальных интересов и интересов, противоречащих нормам международного права, что значимо для легитимации⁵.

Во-вторых, односторонние обоснования используются казуально, однократно, а потому не вносят вклад в последовательное развитие международного права.

В-третьих, одностороннее обоснование заявляется, но не адресуется аудитории международного сообщества государств. Это значит, что формальные юридические обоснования не преследуют цель убеждения в необходимости и правильности международно-правовой позиции.

В данном отличии заключается важный посыл концепции МППГ: принципиальная необходимость диалога для легитимации любых международно-правовых позиций.

¹ Galindo G. R. B., Yip C. Customary International Law and the Third World: Do Not Step on the Grass // Chinese Journal of International Law. 2017. Vol. 16. № 2. P. 251–270.

² Г. И. Тункин использовал термин «великие державы». Тункин Г. И. Теория международного права. М.: Зерцало, 2006. С. 244.

³ Glennon M. J. How International Rules Die // Georgetown Law Journal. 2005. Vol. 93. P. 941; Weil P. Towards Relative Normativity in International Law? // American Journal of International Law. 1983. Vol. 77. P. 438; Trachtman J. The Growing Obsolescence of Customary International Law // Custom's Future: International Law in a Changing World / ed. by C. Bradley. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 172–204.

⁴ D'Amato A. The Concept of Custom in International Law. Ithaca; N. Y.: Cornell University Press, 1971. P. 104–164; Thirlway H. W. A. International Customary Law and Codification: An Examination of the Continuing Role of Custom in the Present Period of Codification of International Law. Leiden: Brill Academic Pub., 1972. P. 80–89; Crootoof R. Change without Consent: How Customary International Law modifies Treaties // The Yale Journal of International Law. 2016. Vol. 41. P. 237–299.

⁵ Как отмечает Г. И. Тункин, «международное право может быть опорой только той внешней политики, которая ему соответствует». Тункин Г. И. Указ. соч. С. 261.

Юристы могут филигранно выстроить обоснование международно-правовой позиции – блестяще сформулированное и идеально встроенное в конструкцию международно-правовой политики государства. Но без обращения аргументов к другим участникам развития международного права такое обоснование превращается в выстраивание «стены», а не диалога. В частности, по этой причине такую реакцию неприятия среди некоторых юристов-международников вызывает идея «rules-based order» (порядок, основанный на правилах) – термин, недавно получивший широкое распространение в политическом дискурсе многих стран, в том числе на площадках международных организаций¹. Введение такого понятия иногда рассматривают как попытку выделения некоего нового дискурсивного поля, отличного от международного права². Можно ли говорить о «взаимопонимании» в дискуссии на разных языках?

III. Утверждается равенство участников международно-правовой аргументативной практики. Однако данный тезис отнюдь не является калькой с принципа суверенного равенства, утвержденного Уставом ООН. Более того, концепция МППГ как теория, основанная на опыте применения социологического подхода к международному праву, прямо допускает различный «вес» мнений участников поля международно-правового дискурса, различные исходные условия для формирования индивидуальных международно-правовых позиций и способов их продвижения³. Здесь речь идет не о формально-юридическом равенстве субъектов, а о включенности в одно дискурсивное поле, в равном доступе к средствам формализации своих международно-правовых позиций, в равной возможности формулировать международно-правовые аргументы, полагаясь на одну систему норм и принципов.

Гипотезу о неизбежном «уравнивании» участников дискурса в международно-правовой аргументации иллюстрирует давнее наблюдение, что малые государства более активны в обращении к средствам международного правосудия, чем «державные» государства⁴. Объясняется это, в частности, тем, что малые государства, обращаясь к процедурам независимой оценки международно-правовых позиций участников спора, стремятся исключить возможность применения «неправовых» средств урегулирования международного спора⁵. Тогда как сильные государства стремятся оставить за собой последнее слово в международно-правовом споре⁶. Но зачастую обе стороны, несмотря на различия в их положении, заинтересованы в аргументированном «диалоге на равных», поскольку в конечном счете каждая из сторон стремится к легитимации представляемых позиций.

IV. Неотъемлемым элементом МППГ является декларируемая приверженность верховенству международного права в международных отношениях. Однако данный тезис не позволяет отнести концепцию к числу идеалистических правовых теорий. Концепция МППГ не доказывает авторитет международного права перед государствами и не списывает случаи «несоблюдения» международно-правовых норм на обстоятельства и издержки юридической техники оформления норм, подлежащих выполнению⁷. При этом удивительным образом исследование причин апеллирования государств к нормам международного права в тех ситуациях, где они едва применимы, только подтверждает существенное значение, которое государства придают международному праву.

¹ Jorgensen M. The Jurisprudence of the rules-based order: the power of rules consistent with but not binding under international law // Melbourne Journal of International Law. 2021. Vol. 22. № 2. P. 1–38.

² Вылегжанин А. Н., Нефедов Б. И., Воронин Е. Р., Магомедова О. С., Зотова П. К. Понятие «порядок, основанный на правилах» и международное право // Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 54–55; Dugard J. The choice before us: International law or a 'rules-based international order'? // Leiden Journal of International Law. 2023. № 1. P. 1–10.

³ Landheer B. Contemporary Sociological Theories and International Law // Cours de l'Académie de Droit International de La Haye. 1957. Vol. 91. P. 44–61.

⁴ De Lacharrière G. L. Op. cit. P. 139; Lauterpacht H. The Function of International Law in the International Community. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 177.

⁵ De Lacharrière G. L. Op. cit. P. 183.

⁶ Ibid. P. 137–139.

⁷ Chayes A., Chayes A. H. On Compliance // International Organization. 1993. Vol. 47. № 2. P. 175; *idem*. The New Sovereignty: Compliance with International Regulatory Agreements. Harvard: Harvard University Press, 1995. P. 3.

С точки зрения МППГ международно-правовой дискурс является естественной средой коммуникативного взаимодействия государств: говорить на «языке международного права» – значит быть частью международного сообщества государств. Можно пойти дальше: говорить на одном языке – значит оперировать одними и теми же понятиями, внимать одним и тем же идеям, транслируемым в языке. При этом общий язык – куда более устойчивый порядок вещей в международных отношениях, чем баланс сил. Ведь баланс сил – это факт, зафиксированный в момент времени, в каждый следующий момент необходимы большие усилия акторов, чтобы его подтвердить снова и снова. Международное право, напротив, как воплощение согласованных идей об устройстве международного правопорядка оказывает стабилизирующее действие на всякое решение государств. Как выразился Ф. Ф. Мартенс, «факты, по природе своей, проходящи и изменчивы: они часто являются результатом произвола или случая. Напротив, идеи, которые проникают известную историческую эпоху, которые лежат в основании всех фактов, ее наполняющих, дают возможность разобраться, найтись в огромной массе частных условий и обстоятельств...»¹. Следовательно, для государства принимать решение вне международно-правовых аргументов означало бы оставаться на зыбкой почве ускользающих фактов.

Таким образом, концепция представляет международное право не только и не столько как авторитетное, но прежде всего как необходимое. При этом не опровергается, что «международное право есть дитя политики»². Но уточняется: «...дитя политики не одного конкретного государства, а многих поколений государств»³, возвращенное под влиянием множества факторов и достигшее той зрелости, когда оно способно само задавать контекст поведению государств.

4. Системность без схематизации

Хотя концепция МППГ раскрывает общие закономерности в поведении государств, она не предлагает универсальных доступных схем продвижения и отстаивания международно-правовых позиций государством. Во-первых, для схематизации доступно только конкретное, т. е. определенное во времени, в пространстве, в круге вопросов. Поэтому схематизировать возможно систему аргументов или алгоритм шагов конкретного государства в конкретной ситуации, но не международно-правовую политику в целом (даже в отдельном вопросе). Во-вторых, схематизация требует фиксации элементов схематизируемого явления. Но исследование международно-правовой политики по тому или иному вопросу основано на *контекстуальном подходе*. Очевидно, что схематизация международно-правовых аргументов вне контекста проблемы, по которой проводится политика, и вне взаимосвязи с другими частями международно-правовой политики соответствующего государства будет малоинформативна.

Однако данные условия не препятствуют исследователям предпринимать попытки к систематизации шагов государств по согласованию волей. В этом отношении примечательна работа Дэвида Хьюза «Как государства убеждают». В ней ученый представляет алгоритм отстаивания своей международно-правовой позиции государством в виде пяти последовательных этапов ее обоснования⁴. Сначала в своей аргументации государство апеллирует к общепризнанным правовым основаниям для своей позиции – к международному праву. Далее государство ссылается на свою репутацию правопослушного государства (*reputation of legal fidelity*). Следующий шаг – демонстрация авторитета международно-правовых суждений (например, ссылки на правительственные акты в части подтверждения международно-правовой практики). Затем следует аргументация, направленная на расширение границ допустимого довода с точки зрения международного сообщества государств (*instilling the standard of the Acceptable Legal Argument*). В заключение государство обращается к предшествующей международно-правовой практике для демонстрации общности своих частных доводов.

¹ Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1898. Т. 1. С. 23.

² Giraud E. Le droit international et la politique // Recueil des cours de l'Academie de droit international. T. 110 (1963-III). P. 428.

³ Вылегжанин А. Н., Дудыкина И. П. Указ. соч. С. 24.

⁴ Hughes D. How States Persuade: An Account of International Legal Argument Upon the Use of Force // Georgetown Journal of International Law. 2019. Vol. 50. № 4. P. 871–872.

Обращает на себя внимание, что схема поэтапного обоснования спорной международно-правовой практики государства основана на ситуациях схожего типа: ситуация необходимости легитимации модели действий, которые большинством членов международного сообщества государств квалифицируются как нарушение норм международного права. В частности, исследователем рассматривается обоснование США применения доктрины «Unwilling or Unable» для военных действий на территории третьих стран¹. В процессе аргументации государство представляет свою позицию перед международным сообществом государств как потенциально легитимную. Вопрос только в том, насколько представленный алгоритм действий позволяет государству достигать цели его международно-правовой политики. Другими словами, схематизация аргументативной стратегии государства не позволяет судить об ее эффективности. В концепции МППГ целесообразность и весомость действий в достижении цели легитимации имеет принципиальное значение. Об эффективности МППГ можно судить, только рассматривая международно-правовую аргументацию как многосторонний процесс, где равно систематизируются аргументы ратора и анализируется реакция аудитории. Ведь достичь легитимации – значит сделать свою практику или позицию не только допустимой, но и доступной для использования третьими государствами как естественной неотъемлемой части современного международного права.

Можно сделать вывод, что разработка схем аргументативной стратегии безусловно представляет исследовательский интерес и может вносить существенный вклад в опыт систематизации поведения государств на международной арене. Однако представление таких схем как универсальных эффективных алгоритмов проведения международно-правовой политики государства было бы ошибочным. В частности, поэтому концепция МППГ не может применяться как инструмент прогнозирования. Тем не менее систематизация международно-правовых шагов как цельной международно-правовой политики государств имеет практическое значение. Это необходимо для понимания легитимных ожиданий аудитории международного сообщества по поводу поведения каждого государства, а соответственно, и возможности данного государства легитимировать свои позиции с учетом таких ожиданий.

Выводы

В заключение следует обозначить основные задачи исследователей международно-правовой политики государств с учетом отмеченных нюансов в понимании положений концепции.

Во-первых, необходимо принимать наиболее широкий подход к выбору источников международно-правовых позиций государств, не ограничиваясь формальными результатами взаимодействия государств, а также учитывая фактические действия, заявления на международных площадках, позиции, представляемые в процессе переговоров по международным договорам (*travaux préparatoires*). Концепция МППГ рассматривает международное право в динамике становления его содержания, т. е. «в процессе согласования воле государств», а значит, учитывает и «невербализованное» согласование воле государств.

Во-вторых, ввиду того что международно-правовая политика государства исследуется в ретроспективе, исследователям важно проявлять осторожность в пересмотре оценок международно-правовой политики по мере пополнения источников для ее изучения. Так, исследователям важно избегать отрыва от контекста межгосударственных отношений в период проведения государством исследуемой международно-правовой политики. Равно как необходимо опасаться формирования «предвзятых» интерпретаций прошлых практик, например, фиксирующих одну логику реализации МППГ и подчиняющих этой логике все обстоятельства проведения МППГ (интерпретации, связанные с ложным детерминизмом).

В-третьих, необходим критический подход к формулированию закономерностей в международно-правовой политике государств. Например, частота обращения государства к одним источникам международного права в одном случае не может

¹ В соответствии с доктриной «unwilling or unable» государство вправе принимать экстерриториальные меры самообороны против угрозы, исходящей с территории государства, правительство которого «не желает или не способно» пресечь данную угрозу.

свидетельствовать об их предпочтительности в международно-правовой политике этого государства во всех прочих обстоятельствах. Нужно ясное понимание отличий некоторых конструкций концепции от общеизвестных понятий, например условий легитимации посредством международно-правовой аргументации от простого юридического обоснования (оправдывающего, нежели убеждающего); понимание отличия равенства в доступе к «коммуникативным» средствам международного права от принципа суверенного равенства.

В-четвертых, важно избегать излишних обобщений в анализе различных сегментов международно-правовой политики. Так, выявление алгоритмов в представлении государством своих международно-правовых доводов применимо только для аргументации по конкретным вопросам. Но такой подход к анализу МППГ не позволяет судить об эффективности выявленного алгоритма в проведении международно-правовой политики. Наиболее полное изучение МППГ охватывает как доводы самого государства, так и реакцию аудитории, которой они были адресованы, прежде всего формирование легитимных ожиданий в отношении дальнейшего поведения данного государства.

Список литературы

Вылегжанин А. Н., Дудыкина И. П. Понятие «международно-правовая политика государства» // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 21–37.

Вылегжанин А. Н., Нефедов Б. И., Воронин Е. Р., Магомедова О. С., Зотова П. К. Понятие «порядок, основанный на правилах» и международное право // Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 35–60.

Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб.: Типография А. Бенке, 1898. Т. 1. 434 с.

Тункин Г. И. Теория международного права. М.: Зерцало, 2006. 416 с.

Adorno Th., Horkheimer M. Dialectic of Enlightenment / transl. by J. Cumming. N. Y., 1997. 270 p.

Carr E. H. What is History? 2nd ed. L.: Penguin, 1990. 188 p.

Carty A. Doctrine Versus State Practice // The Oxford Handbook of the History of International Law / ed. by B. Fassbender, A. Peters. Online ed. Oxford: Oxford Academic, 2012. P. 972–996.

Chayes A., Chayes A. H. On Compliance // International Organization. 1993. Vol. 47. № 2. P. 175–205.

Chayes A., Chayes A. H. The New Sovereignty: Compliance with International Regulatory Agreements. Harvard: Harvard University Press, 1995. 417 p.

Crootoof R. Change without Consent: How Customary International Law modifies Treaties // The Yale Journal of International Law. 2016. Vol. 41. P. 237–299.

D'Amato A. The Concept of Custom in International Law. Ithaca; N. Y.: Cornell University Press, 1971. 286 p.

De Lacharrière G. L. La politique juridique extérieure. P.: Economica, 1983. 231 p.

Dugard J. The choice before us: International law or a 'rules-based international order'? // Leiden Journal of International Law. 2023. № 1. P. 1–10.

Galindo G. R. B., Yip C. Customary International Law and the Third World: Do Not Step on the Grass // Chinese Journal of International Law. 2017. Vol. 16. № 2. P. 251–270.

Giraud E. Le droit international et la politique // Recueil des cours de l'Académie de droit international. T. 110 (1963-III).

Glennon M. J. How International Rules Die // Georgetown Law Journal. 2005. Vol. 93. P. 939–991.

Gordon G. The Time of Contingency in International Law // Contingency in International Law: On the Possibility of Different Legal Histories / ed. by I. Venzke, K. J. Heller. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 162–174.

Hughes D. How States Persuade: An Account of International Legal Argument Upon the Use of Force // Georgetown Journal of International Law. 2019. Vol. 50. № 4. P. 839–946.

Jorgensen M. The Jurisprudence of the rules-based order: the power of rules consistent with but not binding under international law // Melbourne Journal of International Law. 2021. Vol. 22. № 2. P. 1–38.

Kolb R. Réflexions sur les politiques juridiques extérieures. P.: Pedone, 2015. 138 p.

Landheer B. Contemporary Sociological Theories and International Law // Cours de l'Académie de Droit International de La Haye. 1957. Vol. 91. P. 44–61.

Lauterpacht H. Some Observations on the Prohibition of 'Non Liqueur' and the Completeness of the Law // Sources of International Law / ed. by M. Koskenniemi. Routledge, 2000. P. 196–221.

Lauterpacht H. The Function of International Law in the International Community. Oxford: Oxford University Press, 2011. 528 p.

Marks S. False contingency // Current Legal Problems. 2009. Vol. 62. № 1. P. 1–21.

Mégret F. Foreign Legal Policy as the Background to Foreign Relations Law? Revisiting Guy De Lacharrière's La Politique Juridique Extérieure // Encounters between Foreign Relations Law and

International Law: Bridges and Boundaries / ed. by H. P. Aust, T. Kleinlein. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 108–129.

Nijman J. An Enlarged Sense of Possibility for International Law // Contingency in International Law: On the Possibility of Different Legal Histories / ed. by I. Venzke, K. J. Heller. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 92–107.

Parry C. The Sources and Evidences of International Law. Manchester: Manchester University Press, 1965. 122 p.

Thirlway H. W. A. International Customary Law and Codification: An Examination of the Continuing Role of Custom in the Present Period of Codification of International Law. Leiden: Brill Academic Pub., 1972. 158 p.

Trachtman J. The Growing Obsolescence of Customary International Law // Custom's Future: International Law in a Changing World / ed. by C. Bradley. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 172–204.

Venzke I. Situating Contingency in the path of International Law // Contingency in International Law: On the Possibility of Different Legal Histories / ed. by I. Venzke, K. J. Heller. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 1–19.

Venzke I. What if? Counterfactual (Hi)Stories of International Law // Asian Journal of International Law. Vol. 8. № 2. P. 403–431.

Verdebot A. Rewriting Histories of the Use of Force: The Narrative of 'Indifference' // Cambridge Studies in International and Comparative Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 376 p.

Weil P. Towards Relative Normativity in International Law? // American Journal of International Law. 1983. Vol. 77. P. 413–442.

References

Adorno Th., Horkheimer M. (1997) *Dialectic of Enlightenment*, transl. by J. Cumming. New York, 270 p.

Carr E. H. (1990) *What is History?* 2nd ed., London, Penguin, 188 p.

Carty A. (2012) Doctrine Versus State Practice. In Fassbender B., Peters A. (Ed.) *The Oxford Handbook of the History of International Law*, online ed., Oxford, Oxford Academic, pp. 972–996.

Chayes A., Chayes A. H. (1993) On Compliance. In *International Organization*, vol. 47, no. 2, pp. 175–205.

Chayes A., Chayes A. H. (1998) *The New Sovereignty: Compliance with International Regulatory Agreements*. Harvard, Harvard University Press, 417 p.

Crootof R. (2016) Change without Consent: How Customary International Law modifies Treaties. In *The Yale Journal of International Law*, vol. 41, pp. 237–299.

D'Amato A. (1971) *The Concept of Custom in International Law*. Ithaca, New York, Cornell University Press, 286 p.

De Lacharrière G. L. (1983) *La politique juridique extérieure*. Paris, Economica, 231 p.

Dugard J. (2023) The choice before us: International law or a 'rules-based international order'? In *Leiden Journal of International Law*, no. 1, pp. 1–10.

Galindo G. R. B., Yip C. (2017) Customary International Law and the Third World: Do Not Step on the Grass. In *Chinese Journal of International Law*, vol. 16, no. 2, pp. 251–270.

Giraud E. (1963) Le droit international et la politique. In *Recueil des cours de l'Académie de droit international*, vol. 110, pp. 419–810.

Glennon M. J. (2005) How International Rules Die. In *Georgetown Law Journal*, vol. 93, pp. 939–991.

Gordon G. (2021) Time of Contingency in International Law. In Venzke I., Heller K. J. (Ed.) *Contingency in International Law: On the Possibility of Different Legal Histories*. Oxford, Oxford University Press, pp. 162–174.

Hughes D. (2019) How States Persuade: An Account of International Legal Argument Upon the Use of Force. In *Georgetown Journal of International Law*, vol. 50, no. 4, p. 839–946.

Jorgensen M. (2021) The Jurisprudence of the rules-based order: the power of rules consistent with but not binding under international law. In *Melbourne Journal of International Law*, vol. 22, no. 2, pp. 1–38.

Kolb R. (2015) *Réflexions sur les politiques juridiques extérieures*. Paris, Pedone, 138 p.

Landheer B. (1957) Contemporary Sociological Theories and International Law. In *Cours de l'Académie de Droit International de La Haye*, vol. 91, pp. 44–61.

Lauterpacht H. (2000) Some Observations on the Prohibition of 'Non Liqueur' and the Completeness of the Law. In Koskeniemi M. (Ed.) *Sources of International Law*. Routledge, pp. 196–221.

Lauterpacht H. (2011) *The Function of International Law in the International Community*. Oxford, Oxford University Press, 528 p.

Marks S. (2009) False contingency. In *Current Legal Problems*, vol. 62, no. 1, pp. 1–21.

Martens F. (1898) *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov* [Modern international law of civilized nations]. Saint-Petersburg, Tipografiya A. Benke, vol. 1, 434 p.

Mégret F. (2021) Foreign Legal Policy as the Background to Foreign Relations Law? Revisiting Guy De Lacharrière's *La Politique Juridique Extérieure*. In Aust H. P., Kleinlein T. (Ed.) *Encounters between*

Foreign Relations Law and International Law: Bridges and Boundaries. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 108–129.

Nijman J. (2021) An Enlarged Sense of Possibility for International Law. In Venzke I., Heller K. J. (Ed.) *Contingency in International Law: On the Possibility of Different Legal Histories*. Oxford, Oxford University Press, pp. 92–107.

Parry C. (1965) *The Sources and Evidences of International Law*. Manchester, Manchester University Press, 122 p.

Thirlway H. W. A. (1972) *International Customary Law and Codification: An Examination of the Continuing Role of Custom in the Present Period of Codification of International Law*. Leiden, Brill Academic Pub, 158 p.

Trachtman J. (2016) The Growing Obsolescence of Customary International Law. In Bradley C. (Ed.) *Custom's Future: International Law in a Changing World*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 172–204.

Tunkin G. I. (2006) *Teoriya mezhdunarodnogo prava* [Theory of international law]. Moscow, Zertsalo, 416 p.

Venzke I. (2018) What if? Counterfactual (Hi)Stories of International Law. In *Asian Journal of International Law*, vol. 8, no. 2, pp. 403–431.

Venzke I. (2021) Situating Contingency in the path of International Law. In Venzke I., Heller K. J. (Ed.) *Contingency in International Law: On the Possibility of Different Legal Histories*. Oxford, Oxford University Press, pp. 1–19.

Verdebut A. (2021) *Rewriting Histories of the Use of Force: The Narrative of 'Indifference'*. In *Cambridge Studies in International and Comparative Law*. Cambridge, Cambridge University Press, 376 p.

Vylegzhanin A. N., Dudykina I. P. (2016) Ponyatie «mezhdunarodno-pravovaya politika gosudarstva» [The concept of «international legal policy of the state»]. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 4, pp. 21–37.

Vylegzhanin A. N., Nefedov B. I., Voronin E. R., Magomedova O. S., Zotova P. K. (2021) Ponyatie «poryadok, osnovannyi na pravilakh» i mezhdunarodnoe pravo [The concept of «order based on rules» and international law]. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 2, pp. 35–60.

Weil P. (1983) Towards Relative Normativity in International Law? In *American Journal of International Law*, vol. 77, pp. 413–442.

ОСНОВАНИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ ИНСТИТУТА ВОЗВРАЩЕНИЯ СУДОМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Балакшин Виктор Степанович

Профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор, ORCID: 0000-0001-2345-6789, e-mail: balacshin.viktor@yandex.ru.

Исправление ошибок, допущенных как на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, так и при рассмотрении уголовных дел судами, – это не прихоть следователя, прокурора, судьи, других участников со стороны защиты или обвинения. Это общепризнанная обществом и государством необходимость. Избежать ошибки невозможно в любой сфере человеческой жизни. Это относится и к уголовному процессу. Одним из институтов, позволявших с соблюдением прав и интересов участников процесса исправлять немало ошибок, являлся институт возвращения уголовных дел судом прокурору для производства дополнительного расследования. Однако в действующем с 1 июля 2002 г. УПК РФ данный институт не был предусмотрен. По этой причине возник ряд проблем, которые не решены до настоящего времени. В статье дается анализ этих проблем, рассматриваются основные причины их возникновения, вносится очередное предложение о возрождении в уголовном процессе России указанного института.

Ключевые слова: досудебное и судебное производство, предварительное расследование, нарушения, дополнительное расследование, основания для производства дополнительного расследования

Для цитирования: Балакшин В. С. Основания возрождения института возвращения судом уголовного дела для производства дополнительного расследования // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 3. С. 18–27. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_3_18.

GROUND S FOR THE REVIVAL OF THE INSTITUTION OF THE COURT'S RETURN OF A CRIMINAL CASE FOR ADDITIONAL INVESTIGATION

Balakshin Viktor

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0001-2345-6789, e-mail: balacshin.viktor@yandex.ru.

Correcting mistakes made both at the pre-trial stages of criminal proceedings and during the consideration of criminal cases by the courts is not a whim of the investigator, prosecutor, judge, other participants on the part of the defense or prosecution. This is a necessity universally recognized by society and the state. It is impossible to avoid mistakes in any area of human life. This also applies to criminal proceedings. One of the institutions that allowed correcting many mistakes while respecting the rights and interests of the participants in the process was the institution of returning criminal cases by the court to the prosecutor for additional investigation. However, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which has been in force since July 1, 2002, did not provide for this institution. For this reason, a number of problems have arisen that have not been resolved to date. The article analyzes these problems, main causes of their occurrence are considered, another proposal is made to revive this institution in the criminal process of Russia.

Key words: pre-trial and judicial proceedings, preliminary investigation, violations, additional investigation, grounds for additional investigation

*For citation: Balakshin V. (2024) Grounds for the revival of the institution of the court's return of a criminal case for additional investigation. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 18–27, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_3_18.*

Одним из камней преткновения, рожденных Уголовно-процессуальным кодексом РФ, принятым в 2001 г. и введенным в основной своей части в действие с 1 июля 2002 г., явился институт возвращения судом уголовного дела для производства дополнительного расследования. Ученые и практики диаметрально противоположно оценили инициативу разработчиков и законодателя, в целом отменивших данный институт. Некоторые посчитали такое решение одним из достижений демократических идей, отказом от, как они выражались, инквизиционной модели российского уголовного процесса¹. Этой точки зрения отдельные авторы придерживались и далее. Например, по мнению А. А. Козьявина, «...разработчики УПК РФ в 2002 г. упразднили институт возвращения уголовных дел на дополнительное расследование, разрешив таким образом противоречие между научным взглядом на то, как должен поступить суд при недостаточности доказательств виновности подсудимого (его следует оправдать), и правоприменительной практикой, когда суд не брал на себя смелость выносить оправдательный приговор, а предоставлял „второй шанс“ стороне обвинения, часто, кстати, бесполезный шанс»².

Однако практика применения уголовно-процессуального закона недвусмысленно свидетельствовала о том, что отмена указанного института – решение поспешное, непродуманное, порождающее процессуальные тупики, более того, в отдельных ситуациях вынуждающее суды принимать заведомо незаконные решения. При этом законодатель не учитывал, что в такой сфере общественно-правовых отношений, как уголовное судопроизводство, ошибки были, есть и будут. А если это так, то должны быть и средства их исправления. Как отмечал еще до принятия УПК РФ, в период обсуждения данной проблемы В. А. Кобзарь, основываясь на богатом личном опыте практика и ученого, «...в любой отрасли человеческой деятельности предусмотрены механизмы исправления возможных ошибок. Там, где принимаются особо ответственные решения, влияющие на судьбы многих людей, существуют **дублирующие** (выделено нами. – В. Б.) системы профилактики ошибок и устранения их последствий. Непонятно, почему же в сфере уголовного судопроизводства, одной из ответственных отраслей человеческой деятельности, где предусмотрены контрольные стадии проверки законности постановленных решений, учреждается положение, при котором ошибки одной из сторон процесса, безусловно влияющие на законность решения, исправлению не подлежат»³.

Ни разработчики, попавшие под гипноз англосаксонской модели, ни законодатель не захотели услышать мнение названного ученого и других, объективно оценивающих ситуацию, и реально посмотреть на очевидные вещи.

Проблемы обнажились сразу после введения в действие закона. Как впоследствии справедливо заметила О. А. Волторнист, «необходимость корректировки оснований возвращения судом уголовного дела прокурору диктовалась и потребностями правоприменительной практики. Так, в случаях выявления в судебном разбирательстве неправильной квалификации органами расследования верно установленных фактических обстоятельств суды оказывались в весьма затруднительном положении. Правовая неопределенность в этом вопросе приводила к тому, что одни суды в данной ситуации возвращали дело прокурору для уточнения квалификации содеянного, другие – при обнаружении аналогичного нарушения, выразившегося в неправильном применении закона, с учетом требований ст. 252 УПК РФ о недопусти-

¹ См., например: *Вичин С.* Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // *Российская юстиция.* 2003. № 6. С. 55; *Гаврилов Б. Я.* Возврат к институту доследования: за и против // *Уголовный процесс.* 2005. № 2. С. 28–29 и др.

² *Козьявин А. А.* Теория и практика отправления правосудия по уголовным делам и их оксиологическое противоречие // *Мировой судья.* 2011. № 9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ *Кобзарь В.* Отказ прокурора от обвинения // *Законность.* 2001. № 4. С. 25–26.

мости изменения в суде обвинения, если этим ухудшается положение подсудимого, рассматривали уголовное дело по существу и выносили итоговое решение в рамках обвинения, предъявленного органами расследования. Однако неукоснительное соблюдение в этом конкретном случае положений ст. 252 УПК РФ о пределах судебного разбирательства, по сути, превращало приговор в противоречивый акт, не отвечающий требованиям законности, обоснованности и мотивированности»¹. Вывод о необходимости реанимации института дополнительного расследования сделала К. А. Трифонова по итогам своего диссертационного исследования. «Анализ развития и становления института возвращения уголовного дела на дополнительное расследование, – считает она, – позволяет говорить о преждевременном исключении, без учета объективных потребностей правоприменительной практики, исторически сложившихся оснований дополнительного расследования, изложенных в ст. 232 УПК РСФСР 1960 г. Необходимо их восстановление в тексте закона и дальнейшее совершенствование на основе дифференциации инициативы сторон по возвращению уголовного дела из судебных стадий с учетом современных реалий состязательного уголовного процесса»².

Эти и другие обстоятельства не могли не изменить уже более существенно правовую позицию Конституционного Суда РФ, ранее придерживавшегося позиции о недопустимости возвращения судом уголовного дела для дополнительного расследования по инициативе суда, изложенную в постановлении от 20 апреля 1999 г. № 7-П. В данном постановлении Конституционный Суд указывал: «Положения ст. 232 и 258 УПК РСФСР, предусматривающие направление судом находящегося в его производстве уголовного дела для дополнительного расследования ввиду его неполноты, противоречат также ст. 46 (ч. 1) и 52 Конституции Российской Федерации, поскольку создают возможность отказа гражданину в эффективном восстановлении его прав судом, не обеспечивая ни обвиняемым в совершении преступлений, ни потерпевшим от преступных действий доступ к правосудию в разумный срок. Более того, рассмотрение дела судом вообще может не состояться, поскольку действующее уголовно-процессуальное регулирование допускает прекращение уголовных дел в ходе дополнительного расследования». Подобной позиции придерживаются отдельные ученые до настоящего времени. Например, М. С. Матейкович утверждает, что возврат уголовного дела на дополнительное расследование ставит в затруднительное, а зачастую и безвыходное положение органы расследования и прокуратуры, поскольку восполнить неполноту расследования невозможно в силу объективных обстоятельств. Кроме того, суд, возвращая дело на дополнительное расследование, уходит от ответственности за принятие решения и необоснованно перекладывает эту обязанность на прокурора и следственные органы»³.

Своего рода переломным моментом в решении затронутых в данной статье проблем явилось постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда»⁴. В этом постановлении Конституционный Суд вплотную приблизился к тому, чтобы вернуть институту дополнительного расследования пусть не в полном объеме, но в принципе статус легитимного. Он признал не соответствующей Конституции ч. 1 ст. 237 УПК РФ в той мере, в какой положения данной нормы в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с ч. 2 ст. 252 УПК, исключают в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, не соответствующую Конституции, так как препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические об-

¹ Волторнист О. А. Трансформация института возвращения уголовного дела прокурору // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 4. С. 54–55.

² Трифонова К. А. Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 9.

³ Матейкович М. С. Реализация конституционных норм и защита прав человека в отечественном уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 30.

⁴ Российская газета. 2013. 12 июля.

стоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте (постановлении), свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

Необходимо отметить, что такой вывод Конституционный Суд РФ сделал не сразу. Потребовалось более десяти лет, чтобы на базе конкретных следственных и судебных ситуаций, свидетельствующих о грубейших нарушениях конституционных прав как обвиняемых, подсудимых, так и потерпевших, Конституционный Суд все-таки пришел к выводу о необходимости комплексно, во взаимосвязи с требованиями уголовного и уголовно-процессуального закона, норм и принципов международного права, разрешать вопросы, касающиеся конституционности норм УПК РФ, блокирующих возвращение судом уголовных дел прокурору для устранения нарушений закона, препятствующих рассмотрению уголовного дела по существу с принятием законного и обоснованного судебного решения. Вызывали недоумение ситуации, когда применение норм уголовно-процессуального закона блокировало нормы Уголовного кодекса РФ или не до конца продуманный принцип состязательности сторон. Поэтому вывод, сделанный в указанном постановлении Конституционного Суда, следует признать объективно учитывающим жизненные ситуации.

Сделан в названном постановлении и еще один вывод, на наш взгляд, концептуального характера, призванный напомнить всем исследователям, ради чего принималась Концепция судебной реформы, почему в ст. 1 Конституции РФ провозглашено, что Россия есть демократическое федеративное правовое государство. Автор на данное обстоятельство уже обращал внимание¹, но позволит себе напомнить об этом еще раз. Мы имеем в виду положение суда в государстве, которое должно учитываться при разработке и принятии любой нормы закона, в том числе норм УПК РФ. Суть его в том, что «безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны»².

В связи с этим нет оснований полностью соглашаться с А. В. Смирновым, утверждающим, что «вряд ли можно считать разумным с точки зрения основ правосудия, когда сторона, виновная в нарушении своих процессуальных обязанностей и не доказавшая обвинения в установленной законом форме, вместо наказания за это получает от суда шанс повторить неудавшуюся попытку еще и еще раз». Хотя, продолжает названный автор, «...именно сторона обвинения в силу закона несет бремя доказывания виновности, т. е. тяжесть неблагоприятных последствий ее недоказанности! Где же эти неблагоприятные последствия, если нерадивому обвинителю суд будет назначать „перезамену“ до тех пор, пока он наконец не преуспееет в уголовном преследовании хотя бы на „удовлетворительно“? Следует указать и на то, что подавляющее большинство демократических государств обходится без инквизиционного института дополнительного расследования»³. Да, действительно, обходятся. Но только те, в судопроизводстве которых, как правило, отсутствуют досудебные стадии и в уголовном процессе которых доказательства собираются, формируются сторонами и представляются непосредственно в суд. Если, конечно, не вести речь о так называемых сделках о признании вины. Поэтому, что касается государств, в которых нет данного института, то довод, приведенный указанным автором, – это не аргумент. Ибо у них, во-первых, другой исторический тип уголовного процесса. А во-вторых, как минимум некорректно причислять все случаи применения института дополнительного рассле-

¹ Балакшин В. С. Институт направления уголовных дел для производства дополнительного расследования: аргументы «за» и «против» // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 617.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П.

³ Смирнов А. В. Состязательные и инквизиционные элементы в современном уголовном процессе постсоветских государств Среднеазиатского региона (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан) // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

дования к тем, которые являются следствием действий нерадивого обвинителя. Кто расследовал хотя бы одно уголовное дело, тот хорошо понимает, что уголовные дела различаются по многим параметрам. Эти обстоятельства в статье невозможно перечислить, настолько по-разному складываются обстоятельства при расследовании уголовного дела. Из практики реализации данного института известно, что некоторые уголовные дела приходилось не один раз возвращать для производства дополнительного расследования, в том числе по причине того, что только в суде выяснялись обстоятельства, которые затем органам предварительного расследования позволяли установить обстоятельства так, как они имели место в действительности, установить лиц, действительно виновных в совершении преступления, и постановить законный и обоснованный приговор. В этом можно убедиться, обратившись к примерам из судебной практики в период действия исследуемого института.

Так, Томским областным судом в 1974 г. Фомченков был осужден к лишению свободы за совершение нескольких преступлений, в том числе по пп. «а» и «в» ст. 102 УК РСФСР за совершение умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в кассационном порядке 8 октября 1975 г. приговор отменила, а дело направила для производства дополнительного следствия, усомнившись в обоснованности осуждения Фомченкова. В процессе дополнительного расследования были установлены иные лица, виновные в совершении преступлений, которые инкриминировались Фомченкову. В отношении последнего уголовное дело было прекращено¹. Посредством реализации норм данного института устранялись существенные нарушения, допущенные должностными лицами органов предварительного расследования в отношении иных участников уголовного процесса. На основе полученных материалов решался вопрос о привлечении их к ответственности, в том числе к уголовной.

Следователь Русско-Полянского РОВД Ч., расследуя уголовное дело по обвинению Черешнева и других в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 144 УК РСФСР, из личных побуждений внес в официальные документы этого дела заведомо ложные сведения. «Допущенная следователем Ч. фальсификация основных процессуальных документов была выявлена в ходе судебного разбирательства. Это послужило основанием для возвращения дела на дополнительное расследование и возбуждения судом в отношении Ч. уголовного дела по ст. 175 УК РСФСР». Несмотря на то что Павлоградским районным судом Ч. был оправдан по ст. 175 УК РСФСР за отсутствием состава преступления, Омский областной суд данный приговор оставил в силе. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указанные решения по протесту заместителя Генерального прокурора РФ отменила и дело направила на новое судебное рассмотрение². Таким образом, и данные вопросы нередко решаются посредством реализации норм института возвращения судом уголовного дела для производства дополнительного расследования. Между тем действующий УПК РФ такой возможности суду, прокурору и органам предварительного расследования не предоставляет.

Анализ постановления Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П позволяет сделать вывод, что к настоящему времени ситуация с проблемой исправления ошибок, допущенных как органами предварительного расследования, так и судами, существенно изменилась. Изменилась в сторону расширения возможностей исправления ошибок и недостатков, допущенных прежде всего органами предварительного расследования. Однако данная проблема должна быть решена законодательно в полном объеме, объективно, на основе реальных условий правоприменительной практики и с учетом обоснованных, продуманных предложений, вносимых учеными и практическими работниками.

Например, следует обратить внимание на, представляется, убедительное обоснование необходимости возврата в закон и правоприменительную практику института возвращения уголовных дел для дополнительного расследования судом, изложен-

¹ Судебная практика к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М.: Спарк, 2005. С. 321–323.

² Из практики прокурорского надзора: По уголовным делам. Необоснованный оправдательный приговор отменен по протесту прокурора // Законность. 1999. № 1. С. 60–62.

ное В. П. Божьевым. При этом, по его мнению, необходимо дифференцировать возвращение уголовного дела прокурору, с одной стороны, действительно для устранения препятствий его рассмотрения судом, а с другой – для производства дополнительного расследования. «Совершенно очевидно, – пишет он, – что положения п. 1.2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ нельзя воспринимать упрощенно и дословно. Чтобы выполнить данные на их основе установки, необходимо провести ряд следственных действий: вынести постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого; осуществить это мероприятие, обеспечив участие защитника и разъяснив права обвиняемому; зафиксировать все это в протоколе; допросить лицо в качестве обвиняемого; разрешить ходатайства обвиняемого и его защитника и т. п. Как видим, – подводит итог ученый, – речь идет о новых, дополнительных следственных действиях. Практически их невозможно воспринимать, а тем более реализовать, иначе как путем проведения дополнительных следственных действий в рамках возобновленного расследования, так как имеет место не просто замена одного документа другим, а проведение предписанных законом следственных действий в порядке, предусмотренном УПК РФ»¹.

Доводы, приведенные В. П. Божьевым, очевидны, особенно для практических работников. К ним можно и нужно добавить и то обстоятельство, что при выполнении указанных следственных и иных процессуальных действий ни следователь, ни кто-либо другой не может предугадать, как «повернется» ситуация, например, при допросе обвиняемого при предъявлении нового обвинения. Не исключены ситуации, когда обвиняемый может назвать соучастников или привести данные, указывающие на то, что он вообще не причастен к каким-то эпизодам преступной деятельности. Эти данные между тем необходимо тщательно проверять. Вопрос: как? Ответ в общем-то прост: посредством производства всех необходимых следственных и иных процессуальных действий. Однако многие авторы, к сожалению, не задаются этим вопросом. Что может повлечь за собой предъявление нового обвинения, а возможно, привлечение в качестве обвиняемых иных лиц, ранее не привлекавшихся? Это необходимость производства ряда следственных и иных процессуальных действий, включая принятие соответствующих решений. Не исключено, что новое обвинение приведет к изменению подсудственности уголовного дела. А в этой ситуации однозначно не может быть и речи об устранении препятствий рассмотрения уголовного дела судом. В ней (ситуации) работать может только институт дополнительного расследования. Поэтому подводить сказанное под понятие «устранение препятствий для рассмотрения уголовного дела судом» – значит, просто говоря, заниматься лукавством, уходить от назревшей необходимости решить данную проблему в соответствии с требованиями юридической техники и здравого смысла.

Если этого не делать, то органы расследования оказываются в жестком процессуальном тупике. Каком – надеемся, понятно. Об этом автор статьи уже писал², но приведем доводы еще раз. Почему следователь, дознаватель могут оказаться в такой ситуации? А по той причине, что если строго руководствоваться нормами действующего УПК РФ, то проверять позицию обвиняемого нельзя, перепредъявлять обвинение с учетом новых обстоятельств запрещено, ибо допускается обвинение формулировать только исходя из обстоятельств, указанных в решении суда о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его (дела) рассмотрения судом. Таким образом, возникает непростой вопрос: как поступать в таких ситуациях «независимому» следователю? Выходить за рамки норм закона? К сожалению, в сложившейся ситуации другого варианта уголовно-процессуальный закон не предусматривает.

Между тем, исследуя данную проблему, ошибочно обойти еще два вопроса. Пожалуй, еще более серьезные, чем рассмотренные. Как пишет В. Ю. Стельмах, «для решения данного пробела (возвращения института дополнительного расследования. – *Пояснение автора*) необходимо проанализировать, как минимум, два вопроса. Во-первых, следует понять, насколько конституционна сама возможность возвращения из суда дела для проведения по нему каких-либо дополнительных процессуаль-

¹ Божьев В. П. П. А. Лупинская о доказывании и принятии решений по уголовным делам // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти д. ю. н., профессора Полины Абрамовны Лупинской. М.: Элит, 2011. С. 6–7.

² Балакшин В. С. Исправление ошибок в уголовном судопроизводстве // Законность. 2023. № 4. С. 63–64.

ных действий. Во-вторых, каковы в настоящий момент полномочия прокурора и органов предварительного расследования по направленному им судом делу»¹.

Принципиальный ответ на первый вопрос был дан еще в 1999 г. Конституционным Судом РФ. Как было отмечено ранее, в постановлении от 20 апреля 1999 г. № 7-П Конституционный Суд признал не соответствующими Конституции нормы УПК РСФСР, в которых предусматривалось право суда по своей инициативе возвращать уголовное дело, во-первых, для производства дополнительного расследования, во-вторых, для восполнения неполноты расследования. Что касается принятия таких решений судом по инициативе сторон и не для восполнения неполноты расследования, а по другим причинам, то оспариваемые нормы признавались соответствующими Конституции РФ. По каким причинам разработчики УПК РФ и затем законодатель изъяли данный институт из закона, можно объяснять по-разному. Возможно, под влиянием идеалистических настроений, сформировавшихся на базе западных идей о полной и безусловной состязательности в уголовном судопроизводстве. Или же из-за представления о новой роли суда при рассмотрении уголовных дел. Не исключаем и воздействие распространившегося в тот период мнения о том, что возвращение уголовного дела из суда органу предварительного расследования означает двойную ответственность обвиняемого.

Анализируя данное обстоятельство, В. Ю. Стельмах, представляется, обоснованно, пишет: «Этот аргумент не выдерживает критики. Безусловно, что двойная ответственность невозможна. Однако об этом в случае возврата уголовного дела для дополнительного расследования не идет и речи. Двойная ответственность наступала бы в том случае, когда лицо было один раз осуждено за совершение конкретного преступления, получило уголовное наказание, после чего без отмены этого приговора был бы вынесен еще один приговор за то же самое деяние, и по этому приговору лицу было бы назначено еще одно наказание. Возврат уголовного дела для дополнительного расследования, напротив, предпринимался, чтобы не допустить осуждения обвиняемого за то деяние, которое он фактически не совершал. Уголовное дело возвращалось, когда никакого обвинительного приговора не постановлялось...»²

Здесь следует уточнить, что уголовные дела для производства дополнительного расследования по УПК РСФСР могли возвращаться и из кассационной, и из надзорных инстанций после отмены обвинительных, оправдательных приговоров, решений о прекращении уголовного дела. Однако в любом случае ни о какой двойной ответственности речи быть не могло в принципе. Таким образом, принципиального запрета для возрождения анализируемого института в российском уголовном процессе нет.

Важный дополнительный вопрос состоит в том, не будет ли нарушением Конституции РФ предоставление суду полномочий возвращать уголовное дело для производства дополнительного расследования по инициативе самого суда. Отчасти ответ на него содержится в названной выше статье О. В. Волторнист³. Конституции противоречат нормы, предписывающие суду принимать заведомо незаконные решения не вследствие допущенной ошибки, а в силу следования предписаниям таких норм. Следует более тщательно проанализировать сформировавшийся в период принятия УПК РФ вывод о том, что возвращение уголовного дела судом по своей инициативе для дополнительного расследования с целью восполнения неполноты расследования – это проявление обвинительного уклона. Данное умозаключение весьма и весьма сомнительно только потому, что его авторы не задались вопросом о том, по каким причинам суд может и должен принимать такое решение, не попытались, исходя из имеющейся следственно-судебной практики, составить примерный перечень реальных ситуаций, которые не оставляют суду иного решения, кроме как вернуть уголовное дело прокурору для производства дополнительного расследования. Так, на одном из обсуждений введенного в действие УПК РФ с коллегами из Свердловской областной прокуратуры возник вопрос, как должен поступить суд, если лицо, совершившее убийство, и лицо, совершившее укрывательство преступления, на стадии

¹ Стельмах В. Ю. Возрождение института возвращения судом уголовного дела на доследование: плюсы и минусы // Проблемы оптимизации уголовно-процессуальной деятельности в современных условиях: материалы науч.-практ. конф. (22–23 марта 2024 г.). Екатеринбург, 2024. С. 246.

² Там же. С. 246–247.

³ Волторнист О. В. Указ. соч.

предварительного расследования по взаимной договоренности «поменялись» ролями. В суде это обстоятельство было установлено, совокупность доказательств дает основания осудить обоих, но поменяв их местами. Согласно УПК РСФСР для этого суд обязан был возвратить дело для дополнительного расследования с тем, чтобы первому лицу предъявить обвинение в совершении укрывательства тяжкого преступления, а второму – в совершении убийства. Между тем УПК РФ этого не допускал. В результате суд оказался бы при таком раскладе в тупиковой ситуации, когда любое решение (оправдание, осуждение за менее тяжкое преступление) являлось бы явно незаконным. Можно приводить и другие аналогичные ситуации. С учетом этого можно сделать вывод, что поспешные, не изученные и не проанализированные законодательные решения, пусть даже оправдываемые демократическими замыслами, не должны идти против здравого смысла и других норм, которые не позволяют их применять вопреки требованиям Конституции. Например, требованию, согласно которому осуществление прав и свобод одного человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции). А именно такие ситуации во многих случаях возникают, когда в современном уголовном судопроизводстве отдается приоритет защите прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, но не потерпевшего.

Сказанное содержит ответ на вопрос и умозаключение А. В. Смирнова о том, почему в нашей смешанной модели уголовного процесса необходим институт возвращения судом уголовного дела для производства дополнительного расследования. Здесь, однако, закономерно напрашивается и основной, почти наивный вопрос: почему законодатель и Конституционный Суд, несомненно не исключая названных и им подобных ситуаций в правоприменении и фактически перешагнув через планку, называемую не совсем понятным для многих определением «возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом», о чем автор писал ранее, до настоящего времени не восстановили в своих правах институт дополнительного расследования?¹ Не возродили именно в случаях, когда он работает и не может и не должен подменяться тем институтом, у которого другое процессуальное предназначение.

С учетом изложенного, представляется, для нормативного возрождения и практического применения института возвращения судом уголовного дела с целью производства дополнительного расследования имеются достаточные основания. При этом следует разграничить и нормативно закрепить, с одной стороны, основания для возвращения уголовного дела прокурору с целью устранения препятствий рассмотрения данного дела судом, а с другой – основания возвращения судом уголовного дела для производства дополнительного расследования. И здесь нужно рассмотреть другой вопрос, затронутый В. Ю. Стельмахом: каковы в настоящий момент полномочия прокурора и органов предварительного расследования по направленному им судом делу для производства дополнительного расследования? Таковые, как отмечает названный автор, действительно в УПК не предусмотрены. Для решения данной проблемы имеются достаточные основания предложить дополнить ст. 221 УПК РФ частью 6, в которой предусмотреть полномочия прокурора по уголовному делу, возвращенному ему судом по основаниям, указанным в ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса и ст. 237-1, которой дополнить действующий закон в следующей редакции:

«Статья 237-1. Возвращение уголовного дела прокурору для организации производства дополнительного расследования

1. Суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для организации производства дополнительного расследования в случаях:

1) неполноты и (или) необъективности произведенного дознания или предварительного следствия, которые не могут быть восполнены и устранены в судебном заседании;

2) существенного нарушения уголовно-процессуального закона, исключающего возможность постановления судом законного и обоснованного приговора или иного судебного решения;

¹ Балакшин В. С. Исправление ошибок в уголовном судопроизводстве. С. 64.

3) наступления после направления уголовного дела в суд новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления;

4) наличия оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении;

5) наличия оснований для уголовного преследования по данному делу других лиц при невозможности выделить о них материалы уголовного дела в отдельное производство;

6) наличия предусмотренных настоящим Кодексом оснований для соединения данного уголовного дела с другими уголовными делами, если их раздельное рассмотрение в судебном заседании невозможно.

2. При возвращении уголовного дела прокурору судья решает вопрос о мере пресечения в отношении обвиняемого. При необходимости судья продлевает срок содержания обвиняемого под стражей для производства следственных и иных процессуальных действий с учетом сроков, предусмотренных статьей 109 настоящего Кодекса».

Соответственно редакцию ст. 237 УПК изменить с учетом требований, предусмотренных в предлагаемой ст. 237-1.

В заключение хотелось бы отметить, что решение вопроса о судьбе института возвращения судом уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования следует исследовать глубоко и всесторонне, оценить все «за» и «против», преломляя их не только через призму принципа состязательности сторон, обеспечения права на защиту только стороны защиты, но и через принцип неотвратимости наказания, обеспечения самостоятельности и независимости суда, необходимости постановления законных и обоснованных судебных решений.

Список литературы

Балакшин В. С. Институт направления уголовных дел для производства дополнительного расследования: аргументы «за» и «против» // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 610–618.

Балакшин В. С. Исправление ошибок в уголовном судопроизводстве // Законность. 2023. № 4. С. 57–64.

Божьев В. П. П. А. Лупинская о доказывании и принятии решений по уголовным делам // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти д. ю. н., профессора Полины Абрамовны Лупинской. М.: Элит, 2011. С. 4–9.

Вицин С. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 54–56.

Волторнист О. А. Трансформация института возвращения уголовного дела прокурору // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 4. С. 54–57.

Гаврилов Б. Я. Возврат к институту доследования: за и против // Уголовный процесс. 2005. № 2. С. 28–29.

Кобзарь В. Отказ прокурора от обвинения // Законность. 2001. № 4. С. 24–26.

Козьявин А. А. Теория и практика отправления правосудия по уголовным делам и их оксиологическое противоречие // Мировой судья. 2011. № 9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Матейкович М. С. Реализация конституционных норм и защита прав человека в отечественном уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 26–35.

Смирнов А. В. Состязательные и инквизиционные элементы в современном уголовном процессе постсоветских государств Среднеазиатского региона (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан) // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Стельмах В. Ю. Возрождение института возвращения судом уголовного дела на доследование: плюсы и минусы // Проблемы оптимизации уголовно-процессуальной деятельности в современных условиях: материалы науч.-практ. конф. (22–23 марта 2024 г.). Екатеринбург, 2024. С. 246.

Трифонова К. А. Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 27 с.

References

Balakshin V. S. (2014) Institut napravleniya ugovolnykh del dlya proizvodstva dopolnitel'nogo rassledovaniya: argumenty «za» i «protiv» [Institute of referral of criminal cases for the production of additional investigation: arguments «for» and «against»]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 4, pp. 610–618.

Balakshin V. S. (2023) Ispravlenie oshibok v ugovolnom sudoproizvodstve [Correction of errors in criminal proceedings]. In *Zakonnost'*, no. 4, pp. 57–64.

Bozh'ev V. P. (2011) P. A. Lupinskaya o dokazyvanii i prinyatii reshenii po ugovolnym delam [P. A. Lupinskaya on proving and decision-making in criminal cases]. In *Dokazyvanie i prinyatie reshenii v sovremennom ugovolnom sudoproizvodstve: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora Poliny Abramovny Lupinskoi*. Moscow, Elit, pp. 4–9.

Gavrilov B. Ya. (2005) Vozvrat k institutu dosledovaniya: za i protiv [Return to the institute of further investigation: pros and cons]. In *Ugovolnyi protsess*, no. 2, pp. 28–29.

Kobzar' V. (2001) Otkaz prokurora ot obvineniya [Refusal of the prosecutor to charge]. In *Zakonnost'*, no. 4, pp. 24–26.

Kozyavin A. A. (2011) Teoriya i praktika otpravleniya pravosudiya po ugovolnym delam i ikh oksilogicheskoe protivorechie [Theory and practice of administration of justice in criminal cases and their oxyological contradiction]. In *Mirovoi sud'ya*, no. 9, access from SPS «Konsul'tantPlyus».

Mateikov M. S. (2018) Realizatsiya konstitutsionnykh norm i zashchita prav cheloveka v otechestvennom ugovolnom sudoproizvodstve [Implementation of constitutional norms and protection of human rights in domestic criminal proceedings]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 5, pp. 26–35.

Smirnov A. V. (2012) Sostyazatel'nye i inkvizitsionnye elementy v sovremennom ugovolnom protsesse postsovetskikh gosudarstv Sredneaziatskogo regiona (Kazakhstan, Kirgiziya, Tadjikistan, Turkmenistan) [Adversarial and inquisitorial elements in the modern criminal process of the post-Soviet states of the Central Asian region (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan)]. In *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, no. 1, access from SPS «Konsul'tantPlyus».

Stel'makh V. Yu. (2024) Vozrozhdenie instituta vozvrashcheniya sudom ugovolnogo dela na dosledovanie: plyusy i minusy [The revival of the institution of the court's return of a criminal case for further investigation: pros and cons]. In *Problemy optimizatsii ugovolno-protsessual'noi deyatel'nosti v sovremennykh usloviyakh: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (22–23 marta 2024 g.)*. Yekaterinburg, p. 246.

Trifonova K. A. (2012) *Pravovoi institut vozvrashcheniya ugovolnogo dela na dopolnitel'noe rassledovanie: problemy teorii i praktiki: avtoreferat dis. ... kand. jurid. nauk* [The legal Institute for the return of a criminal case for additional investigation: problems of theory and practice: abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Chelyabinsk, 27 p.

Vitsin S. (2003) Institut vobuzhdeniya dela v ugovolnom sudoproizvodstve [Institute of initiation of proceedings in criminal proceedings]. In *Rossiiskaya yustitsiya*, no. 6, pp. 54–56.

Voltornist O. A. (2014) Transformatsiya instituta vozvrashcheniya ugovolnogo dela prokuroru [Transformation of the institution of returning a criminal case to the prosecutor]. In *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii*, no. 4, pp. 54–57.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЗАВЕРШАЮЩЕГО ЭТАПА ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Кузнецова Елена Владимировна

Адъюнкт Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (Екатеринбург), ORCID: 0009-0005-0655-2257, e-mail: elenakuznetsova0002@mail.ru.

В статье рассматриваются особенности завершающего этапа предварительного расследования уголовных дел в сокращенной форме дознания. В ходе анализа особенностей прокурорского надзора и ведомственного контроля на данном этапе автор выявляет проблемы по обеспечению и защите прав и свобод участников уголовного судопроизводства. На основании отечественного и зарубежного законодательства, а также научных точек зрения автор предлагает возможные изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ с целью совершенствования ведомственного контроля и прокурорского надзора.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, завершающий этап, предварительное расследование, прокурорский надзор, ведомственный контроль, обвинительное постановление

Для цитирования: Кузнецова Е. В. О некоторых проблемах завершающего этапа дознания в сокращенной форме // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 3. С. 28–33. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_3_28.

SOME PROBLEMS OF THE FINAL STAGE OF INQUIRY IN ABBREVIATED FORM

Kuznetsova Elena

Adjunct, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0005-0655-2257, e-mail: elenakuznetsova0002@mail.ru.

The article discusses the specifics of the final phase of preliminary investigation in abbreviated inquiry. During the analysis of the prosecutorial supervision features and departmental control at this stage the author identifies problems in ensuring and protecting the rights and freedoms of participants in criminal proceedings. The author suggests possible changes to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the basis of domestic and foreign legislation, as well as scientific points of view of scientists, in order to improve departmental control and prosecutorial supervision and increase the level of protection and ensuring the participants in criminal proceedings constitutional rights.

Key words: inquiry in abbreviated form, final stage, preliminary investigation, prosecutor's supervision, departmental control, indictment

*For citation: Kuznetsova E. (2024) Some problems of the final stage of inquiry in abbreviated form. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 28–33, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_3_28.*

Дознание в сокращенной форме известно уголовному процессу России достаточно давно¹, однако теоретические и практические проблемы данного процессуального института до сих пор не исчерпаны, что требует продолжения соответствующих научных изысканий.

¹ Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ».

Статистика Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел РФ показывает, что за 2022 г. прокурорами в суд направлено 291 032 уголовных дел, из них 43 244 уголовных дела расследовано в сокращенной форме дознания и окончено с обвинительным постановлением. В 2023 г. в суд поступило 32 677 уголовных дел, оконченных с обвинительным постановлением¹.

Приведенные показатели свидетельствуют, что рассматриваемый процессуальный институт вполне жизнеспособен и достаточно активно применяется в практической деятельности, однако нельзя не заметить тенденцию уменьшения количества уголовных дел, расследуемых в сокращенной форме дознания, что в некоторой мере подтверждает проблемность данного производства. Анализ следственной и судебной практики показывает сложности, с которыми сталкиваются как правоприменители, так и лица, вовлеченные в уголовное судопроизводство. Изучению вопросов в данной сфере уделяли внимание Е. А. Артамонова, А. Н. Артамонов, Н. М. Журавлева, П. В. Седельников, А. В. Спирин и др.

По мнению ученых, дознание в сокращенной форме относится к одной из упрощенных (дифференцированных) форм уголовного судопроизводства². При этом, как утверждали Н. С. Алексеев, В. Г. Даев и Л. Д. Кокорев, любое изменение форм уголовного процесса непосредственно затрагивает права и интересы участников уголовного судопроизводства. Поэтому при реализации любых проявлений дифференциации формы уголовного судопроизводства необходимо обращать внимание на состояние гарантий участников уголовного процесса и, безусловно, недопустимо отступать от ключевых положений уголовно-процессуального закона³. Соглашаясь с приведенным утверждением, проанализируем правовое регулирование завершающего этапа дознания в сокращенной форме. При этом особое внимание уделим процессуальным гарантиям, обеспечивающим основные права участников уголовного судопроизводства.

Начнем наши рассуждения с рассмотрения вопроса: сказалось ли введение в досудебное производство нового вида дознания на обеспеченности прав основных участников уголовного судопроизводства, и если сказалось, то каким образом?

Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо проанализировать особенности сокращенной формы дознания, обратив особое внимание на завершающий этап предварительного расследования.

Оговоримся, что мы используем термин «завершающий этап расследования», а не более привычное понятие «окончание предварительного расследования» по ряду причин. Под «окончанием предварительного расследования» в науке уголовного процесса принято понимать совокупность процессуальных действий, направленных на проверку полноты, всесторонности, объективности собранных по делу доказательств, на восполнение пробелов проведенного следствия, окончательное в соответствии с требованиями закона оформление следственного производства⁴. Данный термин в некоторых своих работах использует И. В. Фоменко⁵, однако в других публикациях названный автор прибегает к термину «завершающий этап предварительного расследования»⁶. Я. А. Климова, В. А. Лазарева, А. Б. Мириев, М. Ю. Скоропупова, В. В. Яндышев также используют термин «завершающий этап предварительного расследования» в своих исследованиях. Таким образом, можно предположить, что рассматриваемые понятия соотносятся между собой.

¹ Статистика ГИАЦ МВД России // МВД РФ. Главный информационно-аналитический центр: офиц. сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 01.12.2023).

² Звонкова А. А., Днепровская М. А. Дознание в сокращенной форме // Молодежный вестник ИрГТУ. 2022. № 4. С. 888.

³ Очерк развития науки советского уголовного процесса: моногр. / под ред. Н. С. Алексеева. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. С. 33.

⁴ Курс уголовного судопроизводства: учеб. пособие / под ред. В. А. Михайлова. М.: Московский психолого-социальный ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2006. Т. 3. С. 395–396.

⁵ Фоменко И. В. Сущность, основание и формы окончания предварительного следствия // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2008. № 2. С. 126.

⁶ Фоменко И. В. Решения и действия следователя на завершающем этапе расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008. С. 13.

Учитывая точки зрения вышеперечисленных авторов, под «завершающим этапом предварительного расследования» предлагаем понимать относительно самостоятельный этап досудебного производства, начинающийся с момента принятия решения о том, что все следственные действия по делу произведены, пределы доказывания достигнуты, и завершающийся направлением материалов уголовного дела в суд либо принятием решения о прекращении уголовного дела. Содержание завершающего этапа состоит в ознакомлении заинтересованных участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела, вынесении итогового решения, его согласовании лицом, осуществляющим ведомственный контроль, и утверждении прокурором, выполнении иных действий правообеспечительного характера с целью обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, в рамках нашего исследования предпочтительным будет использование понятия «завершающий этап расследования», поскольку, на наш взгляд, оно более полно и содержательно отражает процессуальную деятельность следователя (дознателя), его процессуальных руководителей и прокурора, тогда как под окончанием расследования можно понимать исключительно само (одномоментное) итоговое решение досудебного производства. Между тем большое значение приобретает именно временная «протяженность» процессуальной деятельности.

Возвращаясь к поставленному выше вопросу, выразим свое мнение следующим образом: нет никаких оснований утверждать, что в рамках дознания в сокращенной форме положение подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего ухудшилось по сравнению с общей формой дознания. Напротив, можно заключить, что подозреваемый, например, получил дополнительные гарантии защиты его прав: только с его согласия может начаться дознание в сокращенной форме, в любое время, в том числе в судебном производстве, обвиняемый может отказаться от данной формы дознания. Кроме того, с момента подачи подозреваемым ходатайства он уже знает, в чем подозревается, ему незамедлительно назначается защитник, следовательно, надлежащее обеспечение защиты прав и свобод подозреваемого не вызывает сомнения.

Некоторые вопросы возникают относительно обеспечения прав участников уголовного судопроизводства на завершающем этапе расследования. Дело в том, что для расследования уголовных дел в форме дознания (в том числе для дознания в сокращенной форме) законодатель подробно не регламентировал процедуру уведомления сторон об окончании предварительного расследования. Существование такой процедуры предполагается, поскольку невозможно выполнить обязанность по ознакомлению с материалами уголовного дела и обвинительным постановлением, не уведомив, что расследование окончено. Нужно также отметить, что срок ознакомления участников с материалами уголовного дела и обвинительным постановлением при производстве дознания в сокращенной форме ограничен и фактически составляет 3 суток (ч. 4 ст. 226.7 УПК РФ), следовательно, своевременное уведомление участников об окончании предварительного расследования является чрезвычайно важным в плане обеспечения их прав.

Само ознакомление с материалами уголовного дела и обвинительным постановлением обвиняемого и защитника закреплено в УПК РФ как обязанность дознавателя (ч. 4 ст. 226.7 УПК РФ). Ознакомление потерпевшего и (или) его представителя с указанными процессуальными документами производится лишь в случае поступления соответствующего ходатайства. Можно предположить возможность возникновения следующей проблемы: дознаватель, экономя время, ненадлежащим образом выполняет обязанность по уведомлению потерпевшего либо не выполняет эту обязанность вообще, например подшивает в дело уведомление, которое фактически никуда не отправлялось. В данном случае потерпевший даже не узнает о том, что у него появилась возможность заявить ходатайство об ознакомлении с материалами уголовного дела и итоговым решением. А. Д. Пестов резонно полагает, что права потерпевшего и (или) его законного представителя при осуществлении дознания в сокращенной форме достаточным образом не гарантированы¹.

На практике дознаватели разрешают данную проблему, уведомляя как обвиняемого, так и потерпевшего путем составления документа – уведомления об оконча-

¹ Пестов А. Д. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 45.

нии предварительного расследования, несмотря на то что ни процедура уведомления, ни сам документ УПК не регламентированы. Полагаем, что следует легализовать сложившуюся практику и внести соответствующие изменения в УПК РФ. Необходимо прямо закрепить в УПК РФ обязанность дознавателя уведомлять заинтересованных участников уголовного судопроизводства об окончании предварительного расследования в форме дознания, проводимого как в общем порядке, так и в сокращенной форме, ориентируясь на сложившуюся практику процедуры уведомления участников уголовного судопроизводства на завершающем этапе расследования в форме предварительного следствия.

Действенными механизмами обеспечения прав участников уголовного судопроизводства являются ведомственный процессуальный контроль и прокурорский надзор. Обратимся к некоторым особенностям их реализации на завершающем этапе дознания в сокращенной форме.

Дознаватель, составив обвинительное постановление, подписывает его и направляет на утверждение начальнику органа дознания (ч. 2 ст. 226.7 УПК РФ). Позволим себе усомниться в оптимальности такой формы контроля. На наш взгляд, логичнее было бы возложить соответствующую обязанность на начальника подразделения дознания как непосредственного процессуального руководителя дознавателя, «процессуалиста». По результатам анкетирования начальников подразделений дознания Свердловской, Челябинской, Тюменской областей, Пермского края, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры можно заключить, что фактически обязанность по проверке уголовных дел, оконченных дознавателями, выполняют именно начальники подразделений дознания. Таким образом, полномочия начальника органа дознания по согласованию обвинительного постановления или возвращению уголовного дела для производства дознания в общем порядке, для пересоставления обвинительного постановления следует передать начальнику подразделения дознания.

Что касается прокурорского надзора, то, как показывает практика, данная деятельность в наибольшей степени проявляется именно на завершающем этапе предварительного расследования при проверке материалов уголовного дела и обвинительного постановления. Разумеется, на этом этапе устранение нарушений закона объективно уже не всегда возможно, поскольку упущено время.

Уголовно-процессуальный закон не закрепляет четкого алгоритма проверки прокурором материалов уголовного дела. Отдельные положения раскрывают ведомственные нормативные акты. Например, приказ Генпрокуратуры России от 19 января 2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» дает рекомендации прокурору, на что необходимо обращать внимание при проверке материалов уголовного дела. В ст. 226.8 УПК РФ закреплены только некоторые ориентиры для прокурора: какие обстоятельства могут служить основаниями для возвращения дела для производства дознания в общем порядке. Отметим, что это единственная форма окончания предварительного расследования в российском уголовном судопроизводстве, где законодатель закрепил (хотя бы частично) перечень обстоятельств, которые необходимо установить прокурору при проверке материалов уголовного дела. По другому пути идут законодатели некоторых стран бывшего Союза ССР. Так, в ст. 263 УПК Республики Беларусь предусмотрен конкретный перечень вопросов, подлежащих разрешению прокурором по уголовному делу, поступившему для направления в суд. Полагаем, что подобная детальная регламентация в УПК РФ определенного перечня обстоятельств, подлежащих проверке, несомненно повысила бы качество прокурорского надзора как в рамках дознания в сокращенной форме, так и при других формах окончания предварительного расследования.

Интерес представляет вопрос о возможности повышения значимости прокурора в досудебном производстве путем предоставления ему права (или даже возложения на него обязанности) составления итогового акта досудебного производства. По данному поводу в юридической периодике можно встретить достаточно смелые предложения. Так, А. В. Спириин, Н. М. Журавлева предлагают в рамках дознания в сокращенной форме наделить прокурора полномочием по составлению обвинительного постановления. При таком варианте корректировки законодательства ожидаются

определенные положительные последствия. Во-первых, повысится важность прокурорского надзора в процессе расследования, а во-вторых, в условиях ограниченности сроков дознания будет обеспечено формулирование обвинения в точном соответствии с предъявляемыми к нему требованиями (законность, индивидуализация, справедливость, публичность, обоснованность и мотивированность). Составляя итоговый процессуальный документ (формулируя обвинение), прокурор одновременно начнет подготовку к отстаиванию обвинения в суде¹.

Полагаем, что наделение прокурора данным полномочием нецелесообразно, вместе с тем предоставить прокурору право пересоставить обвинительное постановление (не исключить из обвинительного постановления отдельные пункты обвинения либо переqualificировать обвинение на менее тяжкое, как это предусматривается в ч. 2 ст. 226.8 УПК РФ, а именно пересоставить итоговый документ) было бы вполне разумным решением.

Завершая не претендующий на исчерпывающий характер анализ некоторых проблем завершающего этапа дознания в сокращенной форме, сформулируем выводы.

1. Правовая регламентация завершающего этапа дознания в сокращенной форме имеет определенные недостатки, которые могут негативно сказываться на обеспечении прав участников уголовного судопроизводства.

2. Одним из путей повышения обеспеченности прав участников уголовного судопроизводства, а также уровня законности при производстве дознания в сокращенной форме является совершенствование ведомственного контроля и прокурорского надзора.

На основании данных выводов предлагаем внести изменения в УПК РФ, предусматривающие:

1) законодательное закрепление обязанности дознавателя по обязательному уведомлению участников об окончании предварительного расследования;

2) передачу полномочий по окончанию уголовного делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, от начальника органа дознания начальнику подразделения дознания;

3) закрепление в ст. 226.8 УПК РФ не только обстоятельств, которые прокурор должен установить для направления уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке, но и в целом обстоятельств, подлежащих проверке по делу, поступившему с обвинительным постановлением;

4) наделение прокурора правом пересоставить обвинительное постановление.

Список литературы

Звонкова А. А., Днепровская М. А. Дознание в сокращенной форме // Молодежный вестник ИрГТУ. 2022. № 4. С. 887–892.

Курс уголовного судопроизводства: учеб. пособие / под ред. В. А. Михайлова. М.: Московский психолого-социальный ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2006. Т. 3. 575 с.

Очерк развития науки советского уголовного процесса: моногр. / под ред. Н. С. Алексеева. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. 251 с.

Пестов А. Д. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 222 с.

Спирин А. В., Журавлева Н. М. Особенности прокурорского надзора за дознанием в сокращенной форме // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1. С. 88–96.

Фоменко И. В. Решения и действия следователя на завершающем этапе расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008. 23 с.

Фоменко И. В. Сущность, основание и формы окончания предварительного следствия // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2008. № 2. С. 126–130.

References

Alekseev N. S. (Ed.) (1980) *Ocherk razvitiya nauki sovetskogo ugolovnogo protsesssa* [An essay on the development of the science of the Soviet criminal process]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 251 p.

Fomenko I. V. (2008) *Resheniya i deistviya sledovatelya na zavershayushchem etape rassledovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Decisions and actions of the investigator at the final stage of the investigation: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Stavropol, 23 p.

¹ Спирин А. В., Журавлева Н. М. Особенности прокурорского надзора за дознанием в сокращенной форме // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1. С. 95.

Fomenko I. V. (2008) Sushchnost', osnovanie i formy okonchaniya predvaritel'nogo sledstviya [The essence, basis and forms of the end of the preliminary investigation]. In *Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 2, pp. 126–130.

Mikhailov V. A. (Ed.) (2006) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [The course of criminal proceedings]. Moscow, Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, Voronezh, MODEK, 575 p.

Pestov A. D. (2016) *Protsessual'nye polnomochiya prokurora pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoi forme: dis. ... kand. yurid. nauk* [The procedural powers of the prosecutor in the conduct of an inquiry in an abbreviated form: a candidate of legal sciences thesis]. Krasnodar, 222 p.

Spirin A. V., Zhuravleva N. M. (2018) Osobennosti prokurorskogo nadzora za doznaniem v sokrashchennoi forme [Features of the prosecutor's supervision of the inquiry in an abbreviated form]. In *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, no. 1, pp. 88–96.

Zvonkova A. A., Dneprovskaya M. A. (2022) Doznanie v sokrashchennoi forme [An inquiry in an abbreviated form]. In *Molodezhnyi vestnik IrGTU*, no. 4, pp. 887–892.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ И ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ¹

Корсаков Константин Викторович

Старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0002-2967-9884, e-mail: korsakovekb@yandex.ru.

Серова Алена Вадимовна

Доцент кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0002-7444-9690, e-mail: a.v.serova@usla.ru.

Повышение эффективности мер регулирования численности привлекаемых иностранных работников, в том числе исходя из реальной ситуации на российском рынке труда и тенденций ее изменения с учетом потребностей экономики Российской Федерации и интересов ее граждан, является одним из важных направлений отечественной миграционной политики. Правовые инструменты – неотъемлемая часть системы таких мер, а от качества их правового регулирования напрямую зависит эффективность миграционной политики. Современные политико-экономические условия (цифровая трансформация сферы труда, проведение специальной военной операции, внешнее санкционное давление, оказываемое на Россию, и иные) предопределяют необходимость совершенствования правовых основ в области регулирования потоков внешней трудовой миграции в России. В статье проведен анализ качества нормативной регламентации классических механизмов регулирования масштаба привлечения иностранной рабочей силы, предусмотренных в законодательстве о правовом положении иностранных граждан. Отдельное внимание уделено развитию российского законодательства в части определения правовых условий осуществления организованного набора иностранной рабочей силы и развития дистанционной занятости, осложненной иностранным элементом. Сформулированы предложения по совершенствованию российского законодательства в сфере миграции, труда и занятости населения.

Ключевые слова: внешняя трудовая миграция, квоты на выдачу разрешений на работу, организованный набор иностранной рабочей силы, дистанционная работа, современные политико-экономические условия

Для цитирования: Корсаков К. В., Серова А. В. Социальные аспекты и правовые инструменты регулирования внешней трудовой миграции в России в современных условиях // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 3. С. 34–47. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_3_34.

SOCIAL ASPECTS AND LEGAL INSTRUMENTS FOR REGULATING EXTERNAL LABOR MIGRATION IN RUSSIA IN MODERN CONDITIONS

Korsakov Konstantin

Senior researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, associate professor, ORCID: 0000-0002-2967-9884, e-mail: korsakovekb@yandex.ru.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00032. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00032/>.

Serova Alena

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0002-7444-9690, e-mail: a.v.serova@usla.ru.

Improving the effectiveness of measures to regulate the number of foreign workers involved, including based on the real situation on the Russian labor market and trends in its changes, taking into account the needs of the economy of the Russian Federation and the interests of its citizens, is one of the important directions of domestic migration policy. Legal instruments are an integral part of the system of such measures, and the effectiveness of migration policy directly depends of the quality of their legal regulation. Modern political and economic conditions (digital transformation of the sphere of work, conducting a special military operation, external sanctions pressure exerted on Russia and others) determine the need to improve the legal framework for regulating the flows of external labor migration in Russia. The article analyzes the quality of normative regulation of classical mechanisms for regulating the scale of attracting foreign labor provided for in the legislation on the legal status of foreign citizens. Special attention is paid to the development of Russian legislation in terms of determining the legal conditions for the implementation of an organized recruitment of foreign labor and the development of remote employment complicated by a foreign element. Proposals have been formulated to improve Russian migration legislation, labor legislation and in the field of employment promotion.

Key words: external labor migration, quotas for issuing work permits, organized recruitment of foreign labor, remote work, modern political and economic conditions

*For citation: Korsakov K., Serova A. (2024) Social aspects and legal instruments for regulating external labor migration in Russia in modern conditions. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 34–47, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_3_34.*

Современная миграционная политика России преследует цель формирования миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного (межконфессионального) мира и согласия в российском обществе¹, а также в сфере «защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов Российской Федерации, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода»². С каждым новым этапом своего развития она приобретает более выраженные оттенки социальной направленности.

Вместе с тем в современных политико-экономических условиях, которые ставят под угрозу национальную безопасность России, как никогда необходимо следить за тем, чтобы избранный вектор совершенствования миграционной политики, носящий больше превентивный и гуманистический характер, учитывал новые вызовы и угрозы и, как следствие, своевременно корректировался и был более сбалансированным, а в необходимых случаях – избирательным. Соответственно этому должно совершенствоваться правовое регулирование, от качества которого зависит эффективность миграционной политики (п. 12 Концепции).

Так, проведение специальной военной операции, оказание на Россию внешнего санкционного давления со стороны ряда государств породили новые трудности с позиций как внутренних, так и внешних миграционных потоков. Очевидно, что они не могли обойти стороной российский рынок труда. В российской научной литературе в настоящее время отмечается беспрецедентный кадровый голод у российских работодателей. Как отмечается специалистами-демографами, сейчас мы находимся в том периоде, когда в целом проявляются последствия демографической ямы и естественной убыли населения. Но происходящие в жизни российского общества поли-

¹ Козаченко И. Я., Корсаков К. В., Лещенко В. Г. Церковно-религиозное воздействие на осужденных к лишению свободы. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. С. 27–28.

² Пункт 14 Указа Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 (в ред. от 12 мая 2023 г.) «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» (далее – Концепция).

тико-экономические процессы, безусловно, оказали на это влияние и обострили проблемы. Объявленная в сентябре 2022 г. частичная мобилизация оставила отечественных работодателей без определенной части рабочей силы. И в целом изменившиеся социально-экономические условия повлияли на увеличение миграционного оттока населения России за рубеж.

Отечественная миграционная политика не осталась в стороне от происходящих миграционных процессов: в мае 2023 г. в Концепцию были внесены изменения, появился ряд пунктов, в которых, во-первых, называются и характеризуются новые условия формирования и реализации миграционной политики, во-вторых, скорректировано или расширено содержание основных направлений миграционной политики. Тем самым государство не бездействует в этой части и старается провести точечную «донастройку» разработанного механизма. Одновременно мы имеем возможность проследить, в каких направлениях государство усиливает свои действия ввиду возникновения новых вызовов и угроз: создание условий для возвращения лиц с новых присоединенных территорий; совершенствование системы содействия адаптации иностранных граждан; контролирование внешнего миграционного потока; снижение диспропорции на отечественном рынке труда; активная информатизация и цифровизация деятельности уполномоченных органов при реализации миграционной политики.

Акцентируя свое внимание на вопросах регулирования баланса спроса и предложения на рынке труда в части именно внешней трудовой миграции, нельзя не отметить, что иностранная рабочая сила и раньше была одним из популярных источников восполнения трудовых ресурсов на национальном рынке труда. В современных условиях она не теряет актуальности и привлекательности. Вместе с тем государство заинтересовано в том, чтобы сделать поток внешней трудовой миграции еще более контролируемым и избирательным. При сохранении принципа запрещения дискриминации¹ на первый план все-таки выходят положения, определяющие правила дифференцированного отношения к внешней трудовой миграции: обеспечение национальной безопасности; поддержание оптимального баланса трудовых ресурсов; содействие в приоритетном порядке трудоустройству российских граждан².

С точки зрения регулирования доли внешних трудовых мигрантов на рынке труда происходит некоторая борьба между равноценными для государства потребностями: с одной стороны, существующая нехватка кадров на внутреннем российском рынке труда побуждает государство принимать меры по привлечению в Россию внешних трудовых ресурсов, с другой стороны, наоборот, государство защищает отдельные отрасли от присутствия в них таких кадров. Для решения проблемы активно задействуются созданные уже достаточно давно в миграционном законодательстве механизмы. В зависимости от того, какая ситуация складывается на рынке труда, государство либо ослабляет требования в рамках данных механизмов, делая их более доступными, либо, наоборот, начинает их ужесточать.

Классическим способом правового регулирования и контролирования потока внешней трудовой миграции является установление квот на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Россию в целях осуществления трудовой деятельности и разрешений на работу. Такой способ применяется в отношении тех трудовых мигрантов, кто прибывает на основании визы³.

Ежегодно Правительство РФ определяет потребность в привлечении иностранных работников. Так, на 2024 г. квота была установлена в размере 155 929, что на 31 986 больше, чем в 2023 г.⁴ Такое повышение количества квот еще раз подтверждает тезис о том, что внутренний, собственный трудовой резерв недостаточен для покрытия по-

¹ Пункт 23 Концепции, ст. 4 Федерального закона от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» (далее – Закон о занятости населения 2023 г.), ст. 3, 64 ТК РФ.

² Пункт 20 Концепции, ст. 3 ТК РФ.

³ Пункт 4 ст. 13, ст. 18 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 25 декабря 2023 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Закон о правовом положении иностранных граждан).

⁴ Постановление Правительства РФ от 30 ноября 2022 г. № 2171 «Об определении потребности в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, и утверждении квот на 2023 год».

требностей работодателей в кадрах. По мнению Правительства РФ, российский рынок труда более всего нуждается в работниках по такой профессионально-квалификационной группе, как «другие профессии квалифицированных рабочих крупных и мелких промышленных предприятий» (40 525, показатель вырос и составляет 171 % по отношению к 2023 г.). На втором месте – «рабочие, занятые на горных, горно-капитальных и на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах» (30 781, показатель немного снизился – 94 % к 2023 г.), на третьем – «операторы, аппаратчики, машинисты и слесари-сборщики стационарного оборудования» (22 188, 207 % к 2023 г.), на четвертом – «рабочие металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности» (15 585, 109 % к 2023 г.). Если посмотреть распределение квот в региональном разрезе, то наибольшее количество квот выделено для Дальневосточного федерального округа (47 563), далее следуют Центральный (33 770) и Северо-Западный (26 067) федеральные округа. Наименьший показатель – 531 – у Северо-Кавказского федерального округа¹.

Кроме того, привлечение иностранной рабочей силы для решения проблемы нехватки кадров дополнительно стимулируется с помощью исключения отдельных профессий для квалифицированных иностранных работников, на которых установленные Правительством РФ квоты распространяться не будут. Актуальная версия такого перечня была утверждена в мае 2023 г.² Он включает в себя 25 групп профессий. Самая большая группа – медицинские работники – включает 38 должностей специалистов с высшим профессиональным (медицинским) образованием (врачи) и 46 должностей специалистов со средним профессиональным (медицинским) образованием (средний медицинский персонал)³.

В условиях дефицита кадров государством не только предпринимаются меры по увеличению допустимой в целом доли внешних трудовых мигрантов на российском рынке труда с ориентацией при этом на два базовых показателя – региональный и принадлежность к определенной профессионально-квалификационной группе. Отдельное внимание уделяется проблеме нехватки высококвалифицированных работников. Остроту в этот вопрос внесла ситуация, связанная в том числе с оказываемым в последние годы внешним санкционным давлением на Россию со стороны ряда недружественных государств. Особенно заметно это сказалось в 2022 г., когда многие зарубежные компании покинули российский рынок. В связи с этим прямое иностранное инвестирование, ранее позиционируемое как один из важных каналов привлечения иностранных высококвалифицированных специалистов⁴, утратило свое значение. Чтобы восстановить прежние показатели и переориентировать российскую экономику и рынок труда на активное тесное сотрудничество с другими странами-партнерами, требуется время.

Одной из мер, которую уже предприняло государство в решении этого вопроса, является корректировка положений, устанавливающих правила признания иностранного гражданина в качестве высококвалифицированного специалиста.

Согласно ст. 13.2 Закона о правовом положении иностранных граждан признание иностранного гражданина в качестве высококвалифицированного специалиста осу-

¹ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 22 декабря 2023 г. № 884н (в ред. от 1 февраля 2024 г.) «О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденных Правительством Российской Федерации на 2024 год квот на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу и приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности».

² Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 15 мая 2023 г. № 459н «Об утверждении перечня профессий (специальностей, должностей) иностранных граждан – квалифицированных специалистов, трудоустраиваемых по имеющейся у них профессии (специальности), на которых квоты на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу не распространяются».

³ К слову, вопрос о катастрофической кадровой ситуации в сфере медицины был обсужден 3 апреля 2024 г. в ходе Ежегодного отчета Правительства РФ перед Государственной Думой РФ. В частности, было указано, что сейчас дефицит врачей в нашей стране достиг порядка 30 тыс., а медицинского персонала – 63,5 тыс. В районных больницах ситуация хуже: нехватка кадров составляет до 50 %. См.: Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе // Правительство России: офиц. сайт. URL: <http://government.ru/news/51246/> (дата обращения: 12.04.2024).

⁴ Хейфец Б. А. Привлечение квалифицированных специалистов из-за рубежа в Россию: проблемы и перспективы // Россия и мир в XXI веке. 2010. № 4. С. 156.

ществляется на основании профессионально-квалификационных характеристик, которыми обладает мигрант, и материального критерия. В рамках первого критерия оценивается наличие у него опыта работы, навыков или достижений в конкретной области деятельности. Под вторым критерием понимается получение им заработной платы (вознаграждения) определенного размера. И если первый критерий стабилен, поскольку он не менялся с момента появления в 2010 г. в данном Законе ст. 13.2, то второй – периодически изменяется. Суть таких новшеств – установление дифференцированного подхода к определению размера заработной платы (вознаграждения), который должен минимально получать мигрант, чтобы получить статус высококвалифицированного специалиста. Таким образом, государство, с одной стороны, понижая или, наоборот, повышая требования к его величине, а с другой – добавляя или исключая специальные требования в части материального критерия в отношении отдельных категорий иностранных граждан, одновременно и стимулирует приезд в наше государство таких кадров, и регулирует их количество в зависимости от текущего состояния рынка труда и потребностей государства в развитии конкретных территорий, категорий работодателей, отраслей экономики. В настоящее время дифференциация материального критерия установлена в отношении 7 категорий иностранных граждан¹. Самые последние изменения в этой части вступили в силу 1 марта 2024 г.: в отношении такой категории мигрантов, как «иные иностранные граждане», изменились требования к определению размера их вознаграждения. Если раньше было правило о том, что им признается иностранный гражданин, если он получает заработную плату в размере не ниже 167 000 руб. за один календарный месяц, то сейчас предполагается установление заработной платы в размере не менее 750 000 руб. из расчета за один квартал². Судя по обоснованию необходимости принятия таких изменений, они расцениваются именно как положения, способные повысить привлекательность России для иностранных высококвалифицированных специалистов³.

Если задуматься о конструировании дополнительных мер, направленных на стимулирование прибытия в Россию высококвалифицированных иностранных специалистов, то в этой части можно было бы рассмотреть следующие варианты.

Во-первых, одним из возможных вариантов является продолжение выбранного законодателем направления по углублению дифференциации правового регулирования в части расширения перечня категорий иностранных граждан с привлекательными для них условиями в части определения размера их вознаграждения. Вместе с тем такой подход отдельные специалисты называют «точечным» и характеризуют его как менее рискованный и дающий определенный эффект, но оказать системное воздействие на решение ситуации он вряд ли может⁴.

Во-вторых, следует стимулировать получение иностранными гражданами образования в российских образовательных организациях⁵. Сама по себе нормативная база для этого имеется, и она весьма активно реализуется на практике. В частности, данному вопросу посвящена ст. 78 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 25 декабря 2023 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (далее –

¹ К ним относятся: научные работники или преподаватели; привлеченные резидентами технико-внедренческой особой экономической зоны (за исключением индивидуальных предпринимателей); медицинские, педагогические или научные работники для выполнения работы на территории международного медицинского кластера; участвующие в реализации проекта «Сколково» или проекта создания и обеспечения функционирования инновационного научно-технологического центра; работающие у юридических лиц, осуществляющих деятельность на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя; работающие у юридических лиц, осуществляющих деятельность по приоритетным направлениям развития федеральной территории «Сириус», по представлению органов публичной власти федеральной территории «Сириус»; иные иностранных граждане.

² Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 316-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О правовом положении иностранных граждан в РФ“».

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 99721-8 «О внесении изменений в статьи 8 и 13.2 Федерального закона „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации“» // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/99721-8> (дата обращения: 12.04.2024).

⁴ Хейфец Б. А. Указ. соч. С. 158.

⁵ Данное направление прямо предусмотрено в подп. «а» п. 24 Концепции и активно поддерживается в научной литературе (см., например: Воронина Н. А. Интеллектуальная миграция: зарубежный и российский опыт регулирования // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 6. С. 158–183).

Закон об образовании). При этом согласно чч. 3 и 5 данной статьи иностранные граждане могут не только обучаться за счет средств физических и юридических лиц в соответствии с договорами об оказании платных образовательных услуг, но и получать профессиональное образование за счет бюджетных ассигнований с выплатой стипендии и предоставлением им жилых помещений в общежитиях. К примеру, Правительством РФ установлена квота на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: в 2021 г. – 18 тыс. человек, в 2022 г. – 23 тыс. человек, начиная с 2023 г. – 30 тыс. человек. Как мы видим, размер этой квоты с каждым годом увеличивается, что подтверждает наше предложение. Но чтобы эти меры дали должный результат именно в направлении решения проблемы нехватки кадров, такие положения следует модернизировать таким образом, чтобы иностранный гражданин, получив образование в России, смог использовать свой человеческий капитал на территории нашей страны, особенно тогда, когда он получил образование за счет бюджета. Допустим, установить дополнительное обязательство иностранного гражданина отработать на территории России определенный период времени, который можно дифференцировать в зависимости от полученной специальности и (или) длительности периода обучения. В качестве базы для таких положений можно использовать имеющиеся в российском законодательстве положения о договоре о целевом обучении (подп. «б» п. 2 ч. 2 ст. 56 Закона об образовании) и ученическом договоре (ст. 199 ТК РФ). Однако такое обязательство должно быть подкреплено иными взаимосвязанными положениями, касающимися в том числе того, каким образом иностранный гражданин сможет исполнить свое обязательство (возможно предусмотреть некий аналог договора о целевом обучении, установить специальные правила законного нахождения на территории Российской Федерации в целях трудоустройства после окончания обучения и иные).

В-третьих, актуально предоставление льготных условий: для получения законных оснований нахождения на территории России, получения российского гражданства, получения жилья на территории РФ, налогообложения и иных. При этом важно понимать, что целесообразно использовать не один из возможных дополнительных вариантов, а грамотно их комбинировать друг с другом¹.

Предложенные варианты стимулирования привлечения иностранных кадров, включая высококвалифицированных, на российский рынок труда касаются того случая, когда нам необходимо, чтобы они непосредственно прибыли на территорию России. Но с учетом нарастающей в геометрической прогрессии популярности и масштаба дистанционной занятости можно было бы для отдельных видов работ² развивать именно данный вид занятости для решения проблемы нехватки рабочей силы за счет иностранных трудовых ресурсов. В научной литературе совершенно справедливо отмечается, что в случае развития именно дистанционной занятости многие проблемы в сфере миграции отпали бы сами собой³. С одной стороны, отсутствие необходимости прибытия и нахождения на территории Российской Федерации внешних трудовых мигрантов исключило бы факты незаконной миграции, а также снизило бы риски для национальной безопасности РФ, связанные в том числе с криминогенными факторами, а с другой стороны, решило бы многие финансовые сложности, связанные, например, с необходимостью предоставления трудовым мигрантам жилья.

¹ К примеру, в отношении отрасли информационных технологий еще в 2013 г. Правительством РФ была утверждена Стратегия развития отрасли информационных технологий в РФ на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 г. В числе основных направлений реализации Стратегии в ней отдельно определено «стимулирование работы высококвалифицированных специалистов отрасли информационных технологий в России». В рамках этого направления указывается на необходимость стимулировать миграцию таких специалистов в нашу страну с помощью упрощения получения высококвалифицированными специалистами временного вида на жительство и разрешения на работу в России, а также льготных программ по обеспечению их жильем.

² Естественно, что потребность работодателей в физическом труде таким образом не восполнить, поскольку согласно ст. 312.1 ТК РФ дистанционной признается работа, если для ее выполнения и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, используются информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть Интернет, и сети связи общего пользования.

³ Хейфец Б. А. Указ. соч. С. 152.

В трудовом законодательстве правовое регулирование дистанционного труда закреплено с 2013 г. (гл. 49.1 ТК РФ). В 2020–2021 гг. в связи с необходимостью предотвращения распространения пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 оно было модернизировано, что позволило сделать его более гибким и доступным для применения в большем количестве случаев¹. Однако сегодня своего рода тормозом развития дистанционной занятости для внешних трудовых мигрантов может стать неоднозначность решения в российском трудовом законодательстве вопроса о допустимости заключения трудового договора о дистанционной работе, если работник будет находиться за пределами территории России.

Формально в ТК РФ отсутствует запрет на это. По общему правилу в трудовой договор любого работника должна быть включена информация о месте заключения трудового договора. Также в силу ч. 2 ст. 57 ТК РФ обязательным для включения в трудовой договор является условие о месте работы, а в случае, когда работник принимается для работы в филиале, представительстве или ином обособленном структурном подразделении организации, расположенном в другой местности, – месте работы с указанием обособленного структурного подразделения и его местонахождения. Однако спецификой дистанционного труда выступает то, что такая работа выполняется работником вне места, которое прямо или косвенно находится под контролем работодателя: места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения, стационарного рабочего места, другой территории или объекта (ч. 1 ст. 312.1 ТК РФ). При этом ТК РФ не предъявляет специальное требование к содержанию трудового договора с дистанционным работником в части указания в нем условия о местности выполнения работником трудовой функции. Данное положение может быть дополнительным условием трудового договора. Во всяком случае работник фактически не ограничен в возможности его изменения, в том числе потому, что его рабочее место изначально находится не под контролем работодателя. Поэтому даже если местность выполнения трудовой функции будет условием трудового договора, работодатель, не использующий специальное программное обеспечение, не всегда сможет проверить, где фактически работник выполняет работу. В связи с этим для дистанционных работников предусмотрели такое дополнительное основание прекращения трудового договора, как изменение работником местности выполнения трудовой функции, если это влечет невозможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору на прежних условиях (ч. 2 ст. 312.8 ТК РФ). Причем это правило распространяется только на работников, выполняющих дистанционную работу на постоянной основе.

Однако у разных федеральных органов государственной власти отсутствует единство во мнении о том, могут ли положения гл. 49.1 ТК РФ применяться в случаях, когда дистанционная работа выполняется лицом, находящимся за границей.

Так, в феврале 2022 г. Минтруд России, высказывая свою позицию на этот счет, ссылался на ст. 13 ТК РФ и ст. 1 Закона о правовом положении иностранных граждан и утверждал, что российское трудовое законодательство применяется в отношении трудовых мигрантов при условии выполнения ими работы на территории Российской Федерации. Далее Минтруд закрепил, что в случае заключения трудового договора о дистанционной работе с лицом, которое постоянно проживает на территории другого государства, считается, что работа выполняется на территории того государства, а не России. Соответственно, дистанционный труд в таком случае не может быть урегулирован нормами российского трудового законодательства². Более того, Министерство полагает, что в обозначенной ситуации надо заключать гражданско-правовые договоры. Об этом оно сказало спустя полгода – в сентябре 2022 г.³ Несколько непо-

¹ Прежняя редакция гл. 49.1 ТК РФ предполагала, что если заключается трудовой договор о дистанционной работе, то такой формат ее осуществления будет постоянным, а изменить его дополнительным соглашением будет нельзя. С 2021 г., во-первых, стало возможным дистанционную работу устанавливать не только трудовым договором изначально при приеме на работу, но и впоследствии либо с помощью дополнительного соглашения к трудовому договору, либо локальным нормативным актом работодателя, во-вторых, теперь допустимо предусматривать выполнение дистанционной работы как постоянно, так и временно, в том числе в комбинации с работой на стационарном рабочем месте.

² Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 15 февраля 2022 г. № 14-4/10/В-1848.

³ Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 9 сентября 2022 г. № 14-2/ООГ-5755.

следовательная логика Министерства, которое, в силу специфики своей деятельности, должно способствовать продвижению идеи заключения именно трудовых договоров. В научной литературе такая позиция Минтруда России была оценена крайне критично¹.

Другое ведомство – Министерство финансов России – считает иначе. Как указывает данное Министерство, ничего страшного нет в том, что работник работает дистанционно, находясь при этом за границей. Для целей налогообложения ведомством предлагается рассматривать доходы таких работников как доходы, полученные от источников в России². Более того, именно эта позиция получила законодательное закрепление: с 1 января 2024 г. вступили в силу положения нового подп. 6.2 п. 1 ст. 208 НК РФ³.

Таким образом, камнем преткновения в решении указанного ранее вопроса является определение местности выполнения дистанционной работы: нужно ли акцент делать на том, где фактически территориально находится работник⁴, или на том, где находится его работодатель. Да, физически работник выполняет трудовую деятельность на территории другого государства, но результаты этой деятельности используются работодателем на территории того государства, где расположен именно он. Вместе с тем очевидно, что для дистанционного труда классические правила определения юрисдикции становятся неразумными, поскольку при виртуализации труда географическое положение перестает иметь какое-либо отношение к интернет-коммуникациям⁵. Таким образом, мы переходим к полемике о том, какой коллизионный принцип следует использовать при осложнении дистанционной работы иностранным элементом⁶. Вероятнее всего, более эффективно в таком случае использовать в качестве основной ту коллизионную привязку, которая основывается на определении места заключения трудового договора и (или) места нахождения работодателя⁷. Как вариант, можно оставить возможность сторонам самостоятельно определять применимое право⁸. В любом случае такие законодательные дополнения необходимы для

¹ См., например: Черных Н. В. Особенности регулирования труда дистанционных работников // Трудовое право: национальное и международное измерение: в 2 т. Т. 2. Трансформация проблемы отдельных институтов трудового права. Нетипичная занятость / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. М.: Норма, 2022. С. 218. DOI: 10.12737/1859092.

² Информация Минфина России от 27 июля 2022 г. «Разъяснения особенностей налогообложения выплат дистанционным сотрудникам российских компаний, работающим за рубежом».

³ Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 389-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия абзаца второго пункта 1 статьи 78 части первой Налогового кодекса Российской Федерации».

⁴ Еще в 2013 г. Роструд в своем письме от 7 октября 2013 г. № ПГ/8960-6-1 со ссылкой на ст. 57 ТК РФ указал: «Трудовой договор о дистанционной работе должен содержать сведения о месте работы, в котором дистанционный работник непосредственно исполняет обязанности, возложенные на него трудовым договором». Однако это не является ответом на вопрос, что есть для дистанционного работника место выполнения работы. По мнению Минфина России, таковым является место нахождения работника (письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России от 8 августа 2013 г. № 03-03-06/1/31945).

⁵ Зайцева Л. В., Абакумова О. А. Виртуальная мобильность и трансграничная дистанционная работа: наступившая реальность и правовая неопределенность // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 240. DOI: 10.17223/15617793/464/27.

⁶ См., например: Коршунова Т. Ю. Договор о дистанционной работе как способ оформления нетипичных трудовых отношений // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 117. DOI: 10.12737/jrl.2020.021; Лютов Н. Л. Новые нормы о дистанционном труде: решены ли старые проблемы? // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 6. С. 43. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.036-045.

⁷ К слову, в редакции гл. 49.1 ТК РФ, действовавшей до 2021 г., в ст. 312 ТК РФ указывалось, что в качестве места заключения трудового договора о дистанционной работе, соглашений об изменении определенных сторонами условий трудового договора о дистанционной работе указывается место нахождения работодателя. В новой версии данной главы это правило отсутствует. Однако им по-прежнему оперирует Роструд (приказ Федеральной службы по труду и занятости от 11 ноября 2022 г. № 253 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства»).

⁸ Например, С. В. Шуралева в своей работе провела подробный анализ нескольких коллизионных привязок (принцип автономии воли, закон места работы, закон местонахождения работодателя, закон флага судна, личный закон работодателя, закон страны заключения контракта о найме) применительно к случаю определения юрисдикции государства при заключении трудового договора о дистанционной работе с иностранным работником, выполняющим трудовую функцию за границей. Как итог, она отметила,

обеспечения единства толкования положений о дистанционном труде, что автоматически сделает конструкцию дистанционной работы доступнее для мигрантов.

Приведенные выше правовые инструменты при необходимости реализации другой потребности государства, а именно защиты национального рынка труда и обеспечения приоритетного трудоустройства граждан, могут быть эффективно использованы государством и в другом направлении – снижения допустимой доли иностранных работников.

Например, недопущение переизбытка иностранных работников в отдельных отраслях экономики может быть осуществлено как с помощью уже рассмотренного механизма квотирования путем уменьшения на следующий календарный год размера квоты по профессионально-квалификационным группам и (или) по региональному параметру, так и с помощью корректировки допустимой доли иностранных работников по видам экономической деятельности¹.

Так, в текущей редакции п. 5 ст. 18.1 Закона о правовом положении иностранных граждан Правительству РФ предоставлено право устанавливать допустимую долю иностранных работников в различных отраслях экономики. Реализуется такое право им ежегодно. При принятии решения учитываются как региональные особенности рынка труда, так и необходимость трудоустройства в приоритетном порядке граждан России. Такое ограничение может быть установлено и в региональных рамках, и в масштабах всей территории РФ. Например, на 2024 г. в отношении строительства максимально допустимая доля работников-мигрантов установлена на уровне 80 % общей численности работников, что с 2019 г. стало уже традиционным положением. При этом она не распространяется на 5 субъектов Российской Федерации: Республику Бурятию, Республику Дагестан, Краснодарский край, Амурскую область и Москву². В целом в отраслевой юридической литературе данные положения оцениваются в качестве адекватного реагирования на потребность в законодательном решении вопросов, которые возникают при регулировании трудовых отношений с участием иностранцев³, с чем, безусловно, стоит согласиться.

При такой критической ситуации, когда работодатели остро нуждаются в работниках, несколько нелогичным выглядит предложение⁴ об ограничении в федеральном масштабе предельной доли иностранных работников в 5 % от общей численности занятых по каждому виду экономической деятельности, предусмотренному ОКВЭД, а по 10 видам экономической деятельности⁵ – полного запрета их привлечения к трудовой деятельности. Как указано в пояснительной записке, «реализация законопроекта позволит прекратить прирост мигрантов в указанных отраслях экономики,

что эффективнее было применять принцип страны заключения трудового договора или местонахождения работодателя с дополнением принципа автономии воли сторон (см.: Шуралева С. В. Регулирование дистанционной работы с иностранным элементом в эпоху глобализации: взгляд с позиций трудового права России // Вестник Пермского университета. Сер. Юридические науки. 2014. Вып. 3 (25). С. 156–163).

¹ В судебной практике отдельно подчеркивается, что такое ограничение касается именно вида экономической деятельности, а не отдельных видов профессии. Такой вывод, в частности, сделан Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда РФ в апелляционном определении от 23 марта 2016 г. по делу № 93-АПП6-2.

² Постановление Правительства РФ от 16 сентября 2023 г. № 1511 «Об установлении на 2024 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности».

³ Скачкова Г. С. Иностранная рабочая сила в России: вопросы эффективности правового регулирования // Кадровик. 2023. № 2. С. 25.

⁴ См.: Законопроект № 453077-8 «О внесении изменения в статью 18.1 Федерального закона „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации“» // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/453077-8> (дата обращения: 12.04.2024). Он был внесен в Государственную Думу РФ 6 октября 2023 г.

⁵ К их числу предложено отнести следующие виды экономической деятельности: торговля розничная лекарственными средствами в специализированных магазинах (аптеках); торговля розничная в нестационарных торговых объектах и на рынках; торговля розничная прочая вне магазинов, палаток, рынков; деятельность сухопутного пассажирского транспорта: перевозки пассажиров в городском и пригородном сообщении; деятельность легкового такси и арендованных легковых автомобилей с водителем; деятельность прочего сухопутного пассажирского транспорта; деятельность автомобильного грузового транспорта; строительство; деятельность в области здравоохранения и социальных услуг в учреждениях и организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения; образование начальное общее, основное общее, среднее общее.

предоставив дополнительные рабочие места гражданам Российской Федерации», а установление полного запрета на привлечение мигрантов к наиболее чувствительным социальным сферам, как считают авторы законопроекта, обусловлено тем, что «неквалифицированный труд иностранных работников может нанести больше вреда, чем пользы»¹.

Исходя из изложенного, мы понимаем, что такой подход противоречит реальной ситуации, складывающейся на отечественном рынке труда. Поэтому вполне логично, что законопроект предложено отклонить. Одним из мотивов решения как раз и является признание его не соответствующим основным современным направлениям государственной миграционной политики, указанным в Концепции². Правительство РФ в свою очередь также направило отрицательный отзыв на законопроект, указав следующее: во-первых, в условиях дефицита кадров ежегодное установление допустимой доли иностранной рабочей силы является более гибким механизмом, нежели предложенный в законопроекте; во-вторых, его принятие станет основанием для расторжения трудовых договоров и договоров гражданско-правового характера с большим количеством работников-мигрантов, но из-за низкого уровня безработицы заменить их быстро не получится, что создаст риск увеличения сроков реализации различного рода инвестиционных проектов³. Если это проиллюстрировать на ранее приведенном примере в отношении строительства, то в случае принятия такого законопроекта работодателям в срок, установленный Правительством РФ⁴, пришлось бы уволить⁵ 75 % своих работников-мигрантов, а в субъектах Российской Федерации, в которых допустимая доля не действует, – 95 %, и максимально быстро постараться их заменить внутренними трудовыми ресурсами.

Помимо доли, установленной Правительством РФ, в отдельном субъекте РФ может быть определена дополнительная допустимая доля иностранных работников. Такое полномочие предоставлено высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации и вполне активно ими реализуется. Однако в отличие от федерального уровня такая допустимая доля будет затрагивать иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов. Например, в Новосибирской области запрет установлен в отношении следующих видов экономической деятельности: торговля розничная напитками в специализированных магазинах; торговля розничная табачными изделиями в специализированных магазинах; деятельность легкового такси и арендованных легковых автомобилей с водителем⁶. В Челябинской области запрет установлен для регулярных перевозок пассажиров автобусами в городском, пригородном и междугородном сообщении, а также для деятельности легкового такси и арендованных легковых автомобилей с водителем⁷. Стоит отметить, что практика на региональном уровне исключать иностранных

¹ Пояснительная записка к законопроекту № 453077-8 «О внесении изменения в статью 18.1 Федерального закона „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации“» // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/453077-8> (дата обращения: 12.04.2024).

² Заключение Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/453077-8> (дата обращения: 12.04.2024).

³ Официальный отзыв Правительства РФ // Там же.

⁴ Обычно он определяется до начала следующего календарного года. Например, на 2024 г. допустимая доля была установлена 16 сентября 2023 г., а срок для расторжения трудовых договоров был определен до 1 января 2024 г.

⁵ Для этого в ТК РФ предусмотрено специальное основание прекращения трудового договора с иностранным работником (п. 9 ч. 1 ст. 327.6 ТК РФ), которое сформулировано следующим образом: приведение численности работников, являющихся иностранными гражданами и лицами без гражданства, в соответствие с установленными федеральными законами, указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ ограничениями на осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами и лицами без гражданства.

⁶ Постановление губернатора Новосибирской области от 15 апреля 2024 г. № 80 «Об установлении на 2024 год запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Новосибирской области, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности».

⁷ Постановление губернатора Челябинской области от 3 ноября 2023 г. № 273 «Об установлении запрета на 2024 год на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на терри-

граждан из сферы деятельности легкового такси широко распространена. Причем чаще всего это напрямую объясняется высоким уровнем преступности в этой сфере именно со стороны мигрантов¹.

Действительно, механизм квотирования в текущих условиях является эффективным способом корректировки допустимой доли внешней трудовой миграции на российском рынке труда. Вместе с тем он не лишен недостатков. В частности, установленной квоты может быть недостаточно реальным потребностям работодателей в рабочей силе. Кроме того, хоть в пп. 4.2 и 5 ст. 13 Закона о правовом положении иностранных граждан и установлено правило об ограничении территориальной и профессиональной мобильности внешних трудовых мигрантов, но такое положение, во-первых, касается только временно пребывающих и временно проживающих в России иностранных граждан, во-вторых, не распространяется на лиц, имеющих право в безвизовом порядке прибывать на территорию России, в-третьих, устанавливает границы осуществления ими трудовой деятельности в пределах конкретного субъекта РФ, а не административно-территориальной единицы или конкретного работодателя. Более того, данное правило при необходимости тоже может быть скорректировано уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти. Такое полномочие ему предоставлено на основании п. 6 ст. 13 Закона о правовом положении иностранных граждан. Сегодня в этой части действует документ, принятый еще в 2010 г. Министерством здравоохранения и социального развития РФ².

В рассмотренную ранее конструкцию дистанционной занятости также могут быть заложены положения, необходимые для регулирования доли внешних трудовых мигрантов. Более того, если допустить ее применение для привлечения иностранной рабочей силы без прибытия мигрантов на территорию России, то нужно будет установить для них некоторые ограничительные рамки. Такая потребность возникает потому, что в силу особенностей российской модели обязательного социального страхования на работников-мигрантов, трудящихся за пределами России, не будет распространяться обязанность работодателя по уплате обязательных страховых взносов. Тем самым они станут максимально выгодными для него работниками в сравнении с теми, кто территориально будет трудиться в РФ. Тем более что открытым остается вопрос о том, будут ли на них распространяться квоты, установленные Правительством России или в субъектах РФ, а также другие условия, ограничивающие долю иностранной рабочей силы, предусмотренные в российском миграционном законо-

тории Челябинской области, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности».

¹ Так, в постановлении губернатора Новосибирской области от 15 апреля 2024 г. № 80 введение этих ограничений обусловливается целями обеспечения национальной безопасности, безопасности жизни и здоровья населения Новосибирской области, приоритетного трудоустройства российских граждан.

К слову, это в целом соответствует общему курсу законотворческой деятельности. К примеру, с целью снижения уровня преступности среди водителей-таксистов были приняты положения о запрете заниматься данной деятельностью лицам, имеющим неснятую или непогашенную судимость за совершение следующих преступлений либо подвергающимся уголовному преследованию за следующие преступления: убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, похищение человека, грабеж, разбой, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также преступления против общественной безопасности, против основ конституционного строя и безопасности государства, против мира и безопасности человечества, относящиеся в соответствии с УК РФ к преступлениям средней тяжести, тяжким и особо тяжким преступлениям; преступления, предусмотренные законодательством другого государства-члена Евразийского экономического союза, соответствующие указанным преступлениям (ч. 1 ст. 328.1 ТК РФ). В п. 3 ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 580-ФЗ (в ред. от 24 июня 2023 г.) «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» указывается, что к управлению легковым такси для осуществления перевозок пассажиров и багажа не допускается лицо, которое имеет неснятую или непогашенную судимость за совершение преступлений, указанных в ст. 328.1 ТК РФ, или подвергается уголовному преследованию за эти преступления.

² Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 28 июля 2010 г. № 564н (в ред. от 19 октября 2011 г.) «Об установлении случаев осуществления трудовой деятельности иностранным гражданином или лицом без гражданства, временно пребывающими (проживающими) в Российской Федерации, вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого им выдано разрешение на работу (разрешено временное проживание)».

дательстве. Будет ли вообще в целом распространяться на них Закон о правовом положении иностранных граждан? Специалистами в области трудового права и права социального обеспечения предлагается «обсудить возможность введения солидарных страховых тарифов на доход, выплачиваемый российскими компаниями физическим лицам из числа иностранных граждан, работающих за рубежом дистанционно»¹. Данное предложение имеет целью обеспечение стабильности и устойчивости отечественной системы обязательного социального страхования и принципа всеобщности социального обеспечения. Но чтобы не допустить 100 %-ю замену российских работников на лиц этой категории, стоит также подумать о распространении системы квотирования на случаи использования работодателями дистанционного труда лиц, находящихся за границей.

Рассмотренные положения так или иначе касаются индивидуального и самостоятельного порядка привлечения иностранной рабочей силы. Но такой способ для государства менее контролируемый, стихийный. Однако для обеспечения национальной безопасности наиболее эффективными могли бы стать другие способы. В качестве варианта можно рассмотреть случаи и условия непосредственного участия третьих субъектов в процедуре трудоустройства внешних трудовых мигрантов. Для этих целей может быть задействована Государственная служба занятости населения с предоставлением ею государственных услуг в сфере содействия занятости населения в России для иностранных граждан в дистанционном формате, которые территориально находятся за границей. Еще один возможный и допустимый вариант – создание специализированных, аккредитованных миграционных центров или даже международной биржи труда. Кроме того, в законодательстве о занятости населения и в ТК РФ закреплена возможность предоставления труда работников (персонала) с помощью частных агентств занятости².

Вместе с тем в отечественной миграционной политике в настоящее время заметен явный интерес государства к другому способу – организованный набор внешних трудовых мигрантов. Это неслучайно, поскольку он представляет собой такой способ, в рамках которого государство в максимальной степени имеет возможность контролировать и регулировать поток в Россию внешних трудовых мигрантов. В целом он оценивается как один из основных инструментов эффективной миграционной политики³. Об особом интересе государства к организованному набору свидетельствуют, как минимум, следующие обстоятельства:

1) в мае 2023 г. в п. 22 Концепции появился подпункт «е» о таком направлении миграционной политики, как необходимость увеличения масштабов организованного привлечения иностранных граждан к осуществлению трудовой деятельности на территории Российской Федерации⁴;

2) Минтрудом России подготовлен проект изменений в Закон о правовом положении иностранных граждан о порядке целевого организованного набора⁵.

¹ Зайцева Л. В., Абакумова О. А. Указ. соч. С. 246.

² Глава 53.1 ТК РФ и ст. 18.1 Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 (в ред. от 25 декабря 2023 г.) «О занятости населения в Российской Федерации» (действует до 1 сентября 2024 г.), п. 7 ст. 15 Закона о занятости населения 2023 г. (действует с 1 января 2025 г.).

³ Комаровский В. В. Организованный набор трудовых мигрантов и факторы, влияющие на его развитие // Блог. 27 декабря 2023 г. URL: <https://vcot.info/blog/organizovannyj-nabor-trudovyh-migrantov-i-factory-vliausie-na-ego-razvitie> (дата обращения: 12.04.2024).

⁴ Стоит заметить, что в Концепции не говорится о том, в каких именно случаях следует увеличивать масштаб организованного набора трудовых мигрантов. Таким образом, предполагается, что он носит универсальный характер, не зависит от порядка въезда иностранного гражданина на территорию России – визовый или безвизовый. Отдельными специалистами в целях сокращения стихийного потока мигрантов, прибывающих в Россию в безвизовом порядке, предлагается сделать для них организованный набор обязательным, что позволит привлечь действительно востребованных работников (см., например: Рогачев Н. А. Организованный набор как форма привлечения иностранных работников // Правовое регулирование социально-трудовых отношений с иностранными гражданами: междисциплинарный подход / под общ. ред. Е. Б. Хохлова, Е. В. Сыченко. М.: Юстицинформ, 2019. С. 234).

⁵ Проект «О внесении изменений в Федеральный закон о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ID проекта: 145548) // Портал проектов нормативных правовых актов: сайт. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=145548> (дата обращения: 12.04.2024).

В настоящее время в России функционирует организованный набор для граждан Республики Узбекистан (с 2017 г.)¹ и Республики Таджикистан (с 2019 г.)². Минтрудом России предлагаются следующие изменения:

1) определить, что целевой организованный набор – комплекс мероприятий по организованному привлечению иностранных граждан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации, определяемый в соответствии с Законом о правовом положении иностранных граждан, иными федеральными законами и международными договорами Российской Федерации;

2) он будет считаться приоритетным механизмом осуществления их трудовой деятельности;

3) трудоустройству будут подлежать иностранные граждане, достигшие 18 лет и получившие разрешение на работу;

4) целевым организованным набором будет заниматься специально созданная публично-правовая компания – оператор целевого организованного набора, а его координатором будет Роструд;

5) максимальный срок действия трудового договора будет составлять 2 года;

6) иностранный работник будет обязан в течение 30 дней со дня выдачи ему разрешения на работу представить в территориальные органы МВД документы, которые подтвердят, что он владеет русским языком, а также знает историю России и основы законодательства РФ;

7) если трудовой договор будет расторгнут досрочно, то мигрант обязан будет покинуть территорию Российской Федерации в течение 30 календарных дней, но он сможет остаться, если за это время заключит новый договор с другим работодателем, который также будет являться участником целевого организованного набора.

Подводя итог, отметим, что в условиях возникшего острого дефицита кадров на российском рынке труда внешняя трудовая миграция является одним из важных источников его восполнения. Вместе с тем современные политико-экономические вызовы требуют от государства более избирательного подхода в реализации этого направления своей миграционной политики. С одной стороны, российский рынок труда нуждается в высококвалифицированной рабочей силе, а с другой стороны, в отдельных отраслях экономики наблюдается переизбыток иностранных работников, что создает препятствия для приоритетного трудоустройства российских граждан и ухудшает криминогенную ситуацию в обществе. В таких условиях требуется создать сбалансированную систему механизмов и инструментов, которые в зависимости от тенденций, складывающихся на рынке труда, могли бы группироваться государством в нужной комбинации и настраиваться им в нужной степени с точки зрения либо ужесточения определенных правил, либо их смягчения.

Проведенный нами научный анализ показал, что сегодня в миграционном законодательстве для указанных целей уже разработан достаточно обширный арсенал правовых инструментов. Стоит отметить, что в нем активно используются правовые возможности законодательства о занятости населения и трудового законодательства. Вместе с тем, как мы полагаем, действующая Концепция миграционной политики в современных условиях требует как модернизации и совершенствования отдельных элементов, так и разработки дополнительных.

Список литературы

Воронина Н. А. Интеллектуальная миграция: зарубежный и российский опыт регулирования // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 6. С. 158–183.

Зайцева Л. В., Абакумова О. А. Виртуальная мобильность и трансграничная дистанционная работа: наступившая реальность и правовая неопределенность // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 239–250. DOI: 10.17223/15617793/464/27.

Козаченко И. Я., Корсаков К. В., Лещенко В. Г. Церковно-религиозное воздействие на осужденных к лишению свободы. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. 256 с.

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации (Москва, 5 апреля 2017 г.).

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации (Москва, 17 апреля 2019 г.).

Комаровский В. В. Организованный набор трудовых мигрантов и факторы, влияющие на его развитие // Блог. 27 декабря 2023 г. URL: <https://vcot.info/blog/organizovannyj-nabor-trudovyh-migrantov-i-factory-vliausie-na-ego-razvitie> (дата обращения: 12.04.2024).

Коршунова Т. Ю. Договор о дистанционной работе как способ оформления нетипичных трудовых отношений // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 112–125. DOI: 10.12737/jrl.2020.021.

Лютов Н. Л. Новые нормы о дистанционном труде: решены ли старые проблемы? // *Lex Russica*. 2021. Т. 74. № 6. С. 36–45. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.036-045.

Рогачев Н. А. Организованный набор как форма привлечения иностранных работников // Правовое регулирование социально-трудовых отношений с иностранными гражданами: междисциплинарный подход / под общ. ред. Е. Б. Хохлова, Е. В. Сыченко. М.: Юстицинформ, 2019. С. 210–237.

Скачкова Г. С. Иностранная рабочая сила в России: вопросы эффективности правового регулирования // *Кадровик*. 2023. № 2. С. 20–25.

Хейфец Б. А. Привлечение квалифицированных специалистов из-за рубежа в Россию: проблемы и перспективы // *Россия и мир в XXI веке*. 2010. № 4. С. 144–161.

Черных Н. В. Особенности регулирования труда дистанционных работников // *Трудовое право: национальное и международное измерение: в 2 т. Т. 2. Трансформация проблемы отдельных институтов трудового права. Нетипичная занятость* / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. М.: Норма, 2022. С. 212–246. DOI: 10.12737/1859092.

Шуралева С. В. Регулирование дистанционной работы с иностранным элементом в эпоху глобализации: взгляд с позиций трудового права России // *Вестник Пермского университета. Сер. Юридические науки*. 2014. Вып. 3 (25). С. 156–163.

References

Chernykh N. V. (2022) Osobennosti regulirovaniya truda distantsionnykh rabotnikov [Features of the regulation of the work of remote workers]. In Golovina S. Yu., Lyutov N. L. (Ed.) *Trudovoe pravo: natsional'noe i mezhdunarodnoe izmerenie: in 2 vols. Vol. 2. Transformatsiya problemy otdel'nykh institutov trudovogo prava. Netipichnaya zanyatost'*. Moscow, Norma, pp. 212–246, DOI: 10.12737/1859092.

Kheifets B. A. (2010) Privlechenie kvalifitsirovannykh spetsialistov iz-za rubezha v Rossiyu: problemy i perspektivy [Attracting qualified specialists from abroad to Russia: problems and prospects]. In *Rossiya i mir v XXI veke*, no. 4, pp. 144–161.

Komarovskii V. V. (2023) Organizovannyi nabor trudovykh migrantov i factory, vliyayushchie na ego razvitie [Organized recruitment of migrant workers and factors influencing its development]. In *Blog*, 27 Dec., available at: <https://vcot.info/blog/organizovannyj-nabor-trudovyh-migrantov-i-factory-vliausie-na-ego-razvitie> (accessed: 12.04.2024).

Korshunova T. Yu. (2020) Dogovor o distantsionnoi rabote kak sposob oformleniya netipichnykh trudovykh otnoshenii [A remote work contract as a way to formalize an atypical employment relationship]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 2, pp. 112–125, DOI: 10.12737/jrl.2020.021.

Kozachenko I. Ya., Korsakov K. V., Leshchenko V. G. (2012) *Tserkovno-religioznoe vozdeistvie na osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [Church-religious influence on those sentenced to imprisonment]. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 256 p.

Lyutov N. L. (2021) Novye normy o distantsionnom trude: resheny li starye problemy? [New norms on remote work: have the old problems been solved?]. In *Lex Russica*, vol. 74, no. 6, pp. 36–45, DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.036-045.

Rogachev N. A. (2019) Organizovannyi nabor kak forma privlecheniya inostrannykh rabotnikov [Organized recruitment as a form of attracting foreign workers]. In Khokhlov E. B., Sychenko E. V. (Ed.). *Pravovoe regulirovanie sotsial'no-trudovykh otnoshenii s inostrannymi grazhdanami: mezhdistsiplinarnyi podkhod*. Moscow, Yustitsinform, pp. 210–237.

Shuraleva S. V. (2014) Regulirovanie distantsionnoi raboty s inostrannym elementom v epokhu globalizatsii: vzglyad s pozitsii trudovogo prava Rossii [Regulation of remote work with a foreign element in the era of globalization: a view from the perspective of Russian labor law]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Yuridicheskie nauki*, vol. 3 (25), pp. 156–163.

Skachkova G. S. (2023) Inostrannaya rabochaya sila v Rossii: voprosy effektivnosti pravovogo regulirovaniya [Foreign labor force in Russia: issues of effectiveness of legal regulation]. In *Kadrovik*, no. 2, pp. 20–25.

Voronina N. A. (2018) Intellektual'naya migratsiya: zarubezhnyi i rossiiskii opyt regulirovaniya [Intellectual migration: foreign and Russian regulatory experience]. In *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, no. 6, pp. 158–183.

Zaitseva L. V., Abakumova O. A. (2021) Virtual'naya mobil'nost' i transgranichnaya distantsionnaya rabota: nastupivshaya real'nost' i pravovaya neopredelennost' [Virtual mobility and cross-border remote work: the new reality and legal uncertainty]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 464, pp. 239–250, DOI: 10.17223/15617793/464/27.

О НАСЛЕДОВАНИИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Опря Михаил Викторович

Аспирант кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), магистр, ORCID: 0009-0008-4263-6409, e-mail: mikhailopria@gmail.com.

Автор, опираясь на доктринальные и практические подходы, исследует возможность и момент перехода по наследству исключительных прав на товарный знак (знак обслуживания) и коммерческое обозначение, а также условия их реализации в зависимости от осуществления наследником-правообладателем предпринимательской деятельности. Особо анализируется обоснованность последних изменений субъектного состава исключительного права на товарный знак.

Ключевые слова: средство индивидуализации, исключительное право, наследование, товарный знак, коммерческое обозначение, индивидуальный предприниматель

Для цитирования: Опря М. В. О наследовании исключительных прав на средства индивидуализации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 3. С. 48–56. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_3_48.

ON INHERITANCE OF EXCLUSIVE RIGHTS TO MEANS OF INDIVIDUALIZATION

Opria Mikhail

Postgraduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), master of science, ORCID: 0009-0008-4263-6409, e-mail: mikhailopria@gmail.com.

The author analyzes the possibility and the moment of inheritance of exclusive rights to trademark (service mark) and commercial designation, as well as the conditions for their further realization depending on the heir-owner's entrepreneurial activity, relying on doctrinal and practical approaches to the problems. The article particularly analyzes the validity of recent changes in the subject composition of the exclusive right to a trademark.

Key words: means of individualization, exclusionary right, inheritance, trade mark, commercial designation, individual entrepreneur

*For citation: Opria M. (2024) On inheritance of exclusive rights to means of individualization. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 48–56, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_3_48.*

Постановка проблемы

Наследование интеллектуальных прав – одно из востребованных направлений в юридических исследованиях. Развитие научного интереса в этой области делится на два неравных этапа. Первый связан с возникновением в постсоветской России полноценного оборота прав на интеллектуальную собственность. Правовые условия для этого были созданы с принятием в 1990-х гг. обновленного законодательства, ставшего основой для последующей кодификации. Второй этап берет начало с принятия части четвертой ГК РФ и продолжается по сей день.

Примечательно, что на обоих этапах ученые сосредоточились на наследовании интеллектуальных прав тех институтов, в нормах которых интересы наследников в силу исторических причин получили наиболее полное отражение. Конечно, исследовательский дисбаланс несколько сгладился после кодификации законодательства об интеллектуальной собственности и смены его терминологической парадигмы под воздействием идей В. А. Дозорцева. Обобщение прежде разрозненных прав в триаду исключительных, личных неимущественных и иных прав, вместе именуемых интеллектуальными, заставило по-новому взглянуть в том числе на проблемы наследования, характерные для всех институтов интеллектуальной собственности¹.

Однако это не коснулось средств индивидуализации, на которые возникает только исключительное право. Юридическое безразличие к лицу, чьим трудом создано обозначение, объясняется функцией индивидуализации. Более того, в отличие от произведений, чья имущественная ценность определяется их содержанием, обозначения становятся ценными исключительно благодаря последующей (для фирменных наименований, товарных знаков и географических указаний) или предшествующей (для коммерческих обозначений) деятельности правообладателя².

«Предрасположенность» исключительных прав на средства индивидуализации к наследованию обусловлена, как минимум, двумя причинами.

Во-первых, граждане могут приобретать исключительные права на средства индивидуализации. Сейчас такая возможность предусмотрена для прав на товарный знак и знак обслуживания (п. 1 ст. 1492 ГК РФ), географическое указание и наименование места происхождения товара (п. 1 ст. 1518 ГК РФ), а также на коммерческое обозначение (п. 1 ст. 1538 ГК РФ)³. Дело в том, что средства индивидуализации – особая составляющая предпринимательской деятельности, которой граждане могут заниматься наравне с юридическими лицами (ст. 34 Конституции РФ, ст. 2 и 23 ГК РФ), а значит, они не могут быть лишены возможности приобретать исключительные права на такие объекты.

Во-вторых, средства индивидуализации охраняются бессрочно; исключительные права на них либо также бессрочны (ст. 1474, 1539 ГК РФ), либо ограничены десятилетним сроком действия, который продлевается неограниченное число раз (ст. 1491, 1531 ГК РФ). Такой подход обусловлен специфическим публичным интересом к средствам индивидуализации, наиболее заметным в случае с товарными знаками. При предоставлении последним правовой охраны заявитель должен соблюдать требования ст. 1483 ГК РФ, в числе которых, например, запрет на введение потребителя в заблуждение (п. 3), а также требование не совершать действия, являющиеся злоупотреблением правом или недобросовестной конкуренцией. В противном случае предоставление правовой охраны такого товарного знака оспаривается и признается недействительным по подп. 1 и 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ. В остальном порядок не препятствует правообладателям, в том числе гражданам, использовать полезные свойства товарного знака в обороте максимально возможное время, не ограниченное персоной первоначального правообладателя. Этот вывод касается и коммерческих обозначений, и географических указаний, и наименования мест происхождения товаров.

В таких обстоятельствах очевидно, что закон должен допускать переход в порядке наследования исключительных прав на средства индивидуализации. Однако юридико-техническое воплощение этой возможности имеет ряд особенностей.

Интеллектуальные права – единственный вид имущества, наследование которого ГК РФ регулирует двучастно. Помимо разд. V «Наследственное право», устанавливающего общие условия наследственного перехода прав, некоторые особенности

¹ При этом триада обострила проблему наследования иных интеллектуальных прав из-за их нечеткой правовой природы и несоответствия ст. 1112 ГК РФ. Подробнее см.: *Шилов О. Ю.* Наследование прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Патенты и лицензии. 2008. № 1. С. 32–35; *Гаврилов Э. П.* О наследовании интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2011. № 10. С. 49–50.

² Это не касается наименований мест происхождения товаров, имущественная ценность которых (пересекающаяся с категорией «известности») складывается до государственной регистрации в качестве средства индивидуализации и необязательно благодаря деятельности возможного правообладателя.

³ Исключение составляют фирменные наименования, правовой режим которых по российскому законодательству нацелен исключительно на коммерческие юридические лица.

содержатся в разд. VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации», а не в гл. 65 «Наследование отдельных видов имущества». Между собой эти нормы соотносятся как общие и специальные. В доктрине такое разделение считается традиционным¹ и сохранившимся из-за позднего принятия части четвертой ГК РФ². Первое утверждение верно только для авторских, смежных и некоторых патентных прав. В отношении средств индивидуализации в прежнем регулировании специальные нормы о наследовании отсутствовали. В действующих положениях разд. VII наследование затрагивают нормы пп. 2, 5, 6 ст. 1232 и ст. 1241 ГК РФ, распространяющиеся на все виды интеллектуальной собственности, а также абз. 1 п. 4 ст. 1539 ГК РФ, касающийся коммерческих обозначений.

Именно этим объясняются некоторые проблемы наследования исключительных прав на средства индивидуализации, рассматриваемые наукой. В их числе – возможность наследования таких прав, момент их перехода к наследникам и дальнейшая реализация правопреемниками в зависимости от наличия права на ведение предпринимательской деятельности (п. 1 ст. 23 ГК РФ).

Предварительная проблема

Как именно закон должен устанавливать возможность наследования исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности? Здесь можно выделить два подхода: 1) наследование исключительного права на каждый вид интеллектуальной собственности допускается только при прямом указании специальной нормы в соответствующей главе разд. VII Гражданского кодекса РФ; 2) исключительное право на любой результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации наследуется в силу ч. 1 ст. 1112 ГК РФ, если отсутствует запрет в разд. VII ГК РФ.

В обоснование первой позиции можно привести два обстоятельства: а) ст. 1241 ГК РФ, допускающую переход исключительного права без заключения договора с правообладателем «в случаях и по основаниям, которые установлены законом»; б) специальные указания о наследовании исключительного права на произведение (п. 1 ст. 1283 ГК РФ), на объекты смежных прав (ст. 1308.1 ГК РФ) и на топологию (ст. 1457.1 ГК РФ), подтверждающие, что для наследования исключительных прав на другие объекты требуются такие же нормы. Тем самым ст. 1241 ГК РФ выступает специальным правилом, которое требует допущения наследования каждого средства индивидуализации.

Оба аргумента опровергаются при более пристальном взгляде на проблему. По верному указанию Э. П. Гаврилова³, п. 1 ст. 1283 не имеет юридического значения и лишь повторяет ч. 1 ст. 29 Закона об авторском праве и смежных правах⁴. В свою очередь, ст. 1308.1 и 1457.1 ГК РФ отсылают к п. 2 ст. 1283 ГК РФ, определяющему судьбу исключительного права после смерти одного из соавторов, поскольку и смежные права, и право на топологию допускают субинститут соавторства и не предполагают возникновения исключительного права с момента государственной регистрации.

Словосочетание «в случаях и по основаниям, которые установлены законом» (ст. 1241 ГК РФ) создает иллюзию разрешительного типа правового регулирования, которое законодатель по какой-то причине использовал в отношении наследования исключительных прав. На самом деле норма требует установления законом каждого способа перехода исключительных прав без договора, что составляет противоположность ст. 1233 ГК РФ, допускающей распоряжение исключительным правом любым способом, не обязательно упомянутым законом, но обязательно не противоречащим ему и существу исключительного права.

Наследование как основание для перехода исключительных прав на средства индивидуализации, являющихся имущественными (ст. 1226 ГК РФ), установлено ч. 1 ст. 1112 ГК РФ. Дополнительное подтверждение специальными нормами в гл. 76 ГК

¹ Шилохвост О. Ю. Указ. соч. С. 25.

² Э. П. Гаврилов подробно критиковал законодательные решения в этой области и предлагал включить в разд. V ГК РФ особую главу «Наследование интеллектуальных прав». Подробнее см.: Гаврилов Э. П. О наследовании интеллектуальных прав. С. 49–50.

³ Гаврилов Э. П. О наследовании интеллектуальных прав. С. 48–49.

⁴ О. Ю. Шилохвост, наоборот, считает п. 1 ст. 1283 служебной нормой, необходимой для обоснования включения в п. 2 ст. 1283 ГК РФ (Шилохвост О. Ю. Указ. соч. С. 26).

РФ не требуется. Единственным препятствием к наследованию таких прав является прямой запрет в силу ч. 2 ст. 1112 ГК РФ. В настоящее время не допускается переход в порядке наследования только географических указаний и наименований мест происхождения товаров (подп. 6 п. 2 ст. 1536, п. 6 ст. 1519 ГК РФ).

Статус индивидуального предпринимателя против наследования исключительного права

Наибольший интерес представляет столкновение наследования исключительных прав на средства индивидуализации с требованиями к статусу их правообладателя.

Эта коллизия наблюдается в двух аспектах. В первом наследование исключительного права сталкивается с требованием об обладании таким правом только индивидуальными предпринимателями. Может ли в таком случае исключительное право включаться в состав наследства и переходить к гражданину-наследнику, не имеющему на момент открытия наследства статуса индивидуального предпринимателя? Во втором этот вопрос осложняется прекращением правовой охраны средства индивидуализации при регистрации прекращения деятельности правообладателя в качестве индивидуального предпринимателя. В силу ч. 2 ст. 22.3 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» смерть гражданина является одним из оснований для регистрации прекращения его деятельности в качестве индивидуального предпринимателя. Отсюда возникает коллизия между ст. 1112 ГК РФ и нормами, косвенно исключающими возможность наследования.

В настоящее время эта проблема актуальна для коммерческих обозначений и нерелевантна для географических указаний и наименований мест происхождения товаров в силу запрета на наследование исключительных прав на такие объекты. Для товарных знаков этот вопрос важен в контексте неудачных изменений § 2 гл. 76 ГК РФ в 2022 г., которые будут детально рассмотрены далее.

Товарные знаки. Проблема возникла после изменений Закона РФ от 23 сентября 1992 г. № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», принятых в 2002 г. (далее – Закон о товарных знаках). До этого закон не связывал обладание (ст. 1), использование (ст. 22), распоряжение (ст. 25, 26) товарным знаком с занятием гражданином-правообладателем предпринимательской деятельностью. Исключение составлял п. 3 ст. 2 Закона о товарных знаках, требовавший осуществления предпринимательской деятельности на стадии госрегистрации товарного знака. Прежнее регулирование не создавало искусственных препятствий для наследования исключительного права физическими лицами без статуса индивидуального предпринимателя на момент открытия наследства.

С 2002 г. Закон о товарных знаках допускал обладание исключительным правом на товарный знак только при осуществлении гражданином предпринимательской деятельности (п. 3 ст. 2). Это требование касалось госрегистрации товарного знака (ст. 8) и распоряжения исключительным правом на него (ст. 25, 26).

Введенные ограничения были обусловлены инструментальной и коммерческой характеристиками товарного знака, его неразрывной связью с предпринимательской деятельностью. Это представление общепризнанно в доктрине¹ и соответствует международной практике².

С одной точки зрения, нововведения исключили наследование исключительного права на товарный знак лицом без статуса индивидуального предпринимателя на момент открытия наследства³. Другая точка зрения допускала переход права, но предполагала его бессубъектным⁴.

¹ См., например: Павлова Е. А. Четвертая часть ГК в процессе изменений (2014–2022) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 2. С. 77; Корнеев В. А. Исключительное право на товарный знак – право только предпринимателей? // Там же. 2019. № 26. С. 100; Стражевич Ю. Н. Правовая возможность наследования исключительного права на товарный знак (знак обслуживания) // Судья. 2016. № 2. С. 14.

² Зуйкова Л. П. Товарный знак и знак обслуживания // Экономико-правовой бюллетень. 2007. № 4. Доступ из СПС «Гарант».

³ Садовский П. Наследование интеллектуальной собственности // ЭЖ-Юрист. 2005. № 23. Доступ из СПС «Гарант»; Зуйкова Л. П. Указ. соч. С. 38.

⁴ Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Промышленные права. XXI век: сб. публикаций. М.: Юрсервитум, 2016. С. 227; Его же. О наследовании интеллектуальных прав в свете Постановления

Первая точка зрения неверна, поскольку не учитывает ранее изложенное обоснование наследования (ст. 1112 и 1241 ГК РФ). Второй подход с некоторыми изменениями стал общепризнанным в доктрине. Неудачно только обозначение права как бессубъектного, поскольку оно не существует в отрыве от правообладателя.

Особое внимание доктрины привлекло введение возможности прекращения правовой охраны товарного знака в случае прекращения предпринимательской деятельности гражданина-правообладателя (абз. 5 п. 1 ст. 29 Закона о товарных знаках). В доктрине норма считалась «принципиально неверной» в силу нескольких причин¹. Во-первых, из-за нечеткой формулировки она охватила смерть правообладателя, тем самым поставив под сомнение наследование исключительного права. Во-вторых, норма не учитывала правопреемство при прекращении деятельности индивидуального предпринимателя по своей воле или помимо нее (например, при банкротстве), из-за чего стало возможным безвозмездное и безусловное лишение правопреемника права, даже без возможности его передать другому лицу².

Можно предположить, что законодателю потребовался инструмент для прекращения охраны товарных знаков, невостребованных из-за невозможности «исчезновения» правообладателя. Таким исчезновением можно считать либо отсутствие оснований для универсального правопреемства (ликвидация юридического лица, отсутствие наследников), либо фактический отказ лица от исключительного права на товарный знак без надлежащего оформления – нежелание решить судьбу права при прекращении предпринимательской деятельности по своей или помимо своей воли. Обязанность использования товарных знаков (п. 3 ст. 22 Закона, ст. 1486 ГК РФ), а также интерес других участников оборота требуют очищения реестра от невостребованных товарных знаков, охрана которых блокирует использование сходных до степени смешения товарных знаков в отношении одного класса товаров.

Эти противоречия сохранились в части четвертой ГК РФ из-за дословного повторения абз. 5 п. 1 ст. 29 Закона о товарных знаках в подп. 4 п. 1 ст. 1514 ГК РФ. Более того, дальнейшая формализация обладания исключительным правом на товарный знак (теперь требовалось не осуществление предпринимательской деятельности, а наличие статуса индивидуального предпринимателя) лишь усилила проблему наследования такого права физическим лицом без статуса индивидуального предпринимателя.

В условиях правовой неопределенности Верховный Суд РФ поддержал представления доктрины о беспрепятственном наследовании исключительного права на товарный знак гражданином без статуса ИП (абз. 1 п. 85 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», далее – постановление Пленума ВС РФ № 9). В 2019 г. Верховный Суд РФ внес изменения в абз. 1 п. 85 постановления Пленума ВС РФ № 9 и ограничил действие подп. 4 п. 1 ст. 1514 ГК РФ в случае универсального правопреемства. Скорее всего, суд основывался на постановлении Конституционного Суда РФ от 3 июля 2018 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 1232 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам». На уровне ГК РФ коллизия между возможностью перехода по наследству и возможностью обладания исключительным правом на товарный знак только индивидуальными предпринимателями (ст. 1478 ГК РФ) была устранена в 2023 г.

Как и фирменное наименование, **коммерческое обозначение** получило правовую охрану в качестве средства индивидуализации только с 2008 г. В силу п. 1 ст. 1538 ГК РФ субъектами исключительного права признаются в том числе индивидуальные предприниматели. Такое право наследуется вне зависимости от статуса индивидуального предпринимателя на момент открытия наследства согласно ст. 1112, п. 4 ст. 1539 ГК РФ, а также из-за отсутствия запрета. Многие специалисты приходят к такому же выводу³. Однако эта возможность прямо исключается абз. 2 п. 85 постанов-

Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 года № 9 // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2012. № 9. С. 24–25.

¹ Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Промышленные права. XXI век. С. 224.

² Новоселова Л. А. О наследовании прав на средства индивидуализации // Хозяйство и право. 2014. № 3. С. 33.

³ Краткий обзор доктринальных мнений по этому вопросу см.: Свищева Е. И. Коммерческое обозначение как средство индивидуализации в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 131.

ления Пленума ВС РФ № 9¹. Такое толкование является необоснованным. Во-первых, оно разделяет наследование исключительного права на коммерческое обозначение и наследование предприятия, что недопустимо в силу п. 4 ст. 1539 ГК РФ². Во-вторых, Верховный Суд действовал за пределами своей компетенции (ст. 10, 126 Конституции РФ), установив норму-толкование с запретом гражданам без статуса индивидуального предпринимателя приобретать исключительное право на коммерческое обозначение по наследству. В-третьих, толкование противоречит нормам о предприятии (ст. 132 ГК РФ) и его наследовании (ст. 1178 ГК РФ), допускающим переход предприятия по наследству в том числе к гражданам без статуса индивидуального предпринимателя. Эти нормы касаются исключительного права на коммерческое обозначение в соответствии с п. 4 ст. 1539 ГК РФ. Следовательно, неразумно исключать наследственное правопреемство только по формальным основаниям. Такое решение влечет необоснованные преимущества для третьих лиц, которые смогут приобрести исключительное право на тождественное коммерческое обозначение после смерти правообладателя.

Момент перехода исключительного права по наследству

Поскольку исключительное право и на товарный знак, и на коммерческое обозначение наследуется вне зависимости от наличия статуса индивидуального предпринимателя, встает вопрос о моменте перехода такого права. В силу универсального правопреемства (п. 1 ст. 1110 ГК РФ) и правил принятия наследства (пп. 2 и 4 ст. 1152 ГК РФ) исключительное право переходит со дня открытия наследства и вне зависимости от государственной регистрации факта его перехода.

Однако требование о государственной регистрации унаследованного исключительного права на товарный знак (пп. 2 и 5 ст. 1232 ГК РФ), несоблюдение которого делает переход несостоявшимся (п. 6 ст. 1232 ГК РФ), вступает в коллизию с п. 4 ст. 1152 ГК РФ.

Исключительное право на товарный знак переходит с момента открытия наследства в силу: 1) п. 6 ст. 1232 ГК РФ, который не является специальным правилом по отношению к п. 4 ст. 1152 ГК РФ; 2) общей политико-правовой необоснованности исключения, поставленного в зависимость от усмотрения административного органа без достаточной законодательной регламентации³. Правоподтверждающий характер государственной регистрации перехода исключительного права на товарный знак без договора подтвержден Конституционным Судом РФ в постановлении № 28-П в отношении реорганизации юридического лица. Правовую позицию КС РФ Л. А. Новоселова обоснованно распространяет и на случаи наследования исключительного права гражданами⁴. Добавим, что разрыв между общим моментом приобретения прав по наследству и отложенным переходом отдельного права влек бы возникновение искусственного, не соответствующего теории права и вредного для оборота периода отсутствующего субъекта.

Для **исключительного права на коммерческое обозначение** неопределенность в моменте его перехода по наследству отсутствует в силу «неформальности» этого средства индивидуализации. Наследник приобретает такое право с момента открытия наследства в силу общих норм о наследовании.

Реализация исключительного права, перешедшего по наследству

Поскольку законом не предусмотрено иное, предполагается, что исключительное право при наследовании переходит с момента открытия наследства в полном объеме. Это означает, что правообладатель может осуществлять такое право без ограничений. Однако полнота приобретаемого права не означает, что не возникают особые условия его осуществления, обусловленные сущностью и правовым режимом товарных знаков или коммерческих обозначений.

¹ В отличие от разъяснения о наследовании исключительного права на товарный знак (абз. 1 п. 85 постановления Пленума ВС РФ № 9), утратившего юридическое значение с 2023 г., толкование о коммерческом обозначении актуально в силу п. 1 ст. 1538 ГК РФ.

² Новоселова Л. А. О наследовании прав на средства индивидуализации. С. 35.

³ Там же. С. 32.

⁴ Новоселова Л. А. О моменте перехода исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, подлежащие государственной регистрации // Хозяйство и право. 2018. № 10. С. 36–37.

Для **исключительного права на товарные знаки**, переход которого по наследству еще не зарегистрирован, условия осуществления касаются правового режима государственной регистрации. В силу ст. 1232 ГК РФ весьма затруднительно распоряжение таким исключительным правом, равно как совершение юридически значимых действий (например, продление срока действия права) или его защита в спорах с третьими лицами, которые не знали или не могли знать о смене правообладателя, полагаясь на достоверность реестра. В таких условиях вполне свободно только использование товарного знака правообладателем.

Представляется, что там, где осуществление исключительного права на товарный знак напрямую затрагивает интересы третьих лиц, оно возможно только в случае внесения в реестр записи о переходе, а там, где действия касаются сохранения правовой охраны или использования товарного знака самим правообладателем, не зависит от государственной регистрации.

Условия осуществления **исключительного права на коммерческое обозначение** зависят только от наличия статуса индивидуального предпринимателя, поскольку правовая охрана предоставляется без государственной регистрации этого средства индивидуализации (п. 1 ст. 1539 ГК РФ).

Упомянутая ранее неразрывная связь товарного знака с предпринимательской деятельностью верна и для коммерческих обозначений. Эта связь прежде всего определяет легальный перечень способов использования средств индивидуализации (п. 2 ст. 1484 ГК РФ, п. 1 ст. 1539 ГК РФ) и, как уже указывалось, требование к обладателям исключительных прав «осуществлять предпринимательскую деятельность» (до 2008 г.) или приобретать статус индивидуального предпринимателя.

Заметим, что для субъектов исключительного права на географическое указание и наименование места происхождения товара такое требование как в прежнем, так и в действующем законодательстве отсутствует, поскольку оно неполно отражало бы особую специфику этих средств индивидуализации. Куда важнее производство заявителем товара с особыми свойствами или иными характеристиками, обусловленными местом производства (ст. 1519, п. 3 ст. 1522, п. 2 ст. 1522.1 ГК РФ). Эти требования нехарактерны для товарных знаков и коммерческих обозначений, из-за чего связь с предпринимательской деятельностью, в том числе через функцию индивидуализации, становится для них самой главной.

Однако предшествующее правоприменение и доктринальные воззрения продемонстрировали, что легальная связь обладания исключительным правом с предпринимательской деятельностью через статус индивидуального предпринимателя не совсем корректна и создает в том числе рассматриваемые в статье проблемы. Именно поэтому необходимы гибкие юридические конструкции, которые бы учитывали **разницу в обладании, защите исключительного права, с одной стороны, и использовании товарного знака или коммерческого обозначения правообладателем – с другой**. Спорное положение здесь занимает распоряжение исключительным правом, отдельные способы которого (например, договор коммерческой концессии, лицензирование, отчуждение исключительного права для перепродажи) сами по себе могут составлять предпринимательскую деятельность, учитывая высокую коммерческую ценность ряда товарных знаков. Гибкость необходима прежде всего для прозрачности оборота, недопустимости злоупотребления правом и предотвращения недобросовестной конкуренции.

С 29 июня 2023 г. Федеральным законом от 28 июня 2022 г. № 193-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» изменен субъектный состав исключительного права на товарный знак. Из § 2 гл. 76 ГК РФ были убраны все упоминания индивидуальных предпринимателей, в том числе отменена ст. 1478. Эти изменения крайне неудачны.

Цель нововведений не соответствует их юридико-техническому воплощению. Изменения продиктованы, как следует из пояснительной записки к законопроекту¹, желанием допустить к обладанию исключительным правом на товарный знак граждан, занимающихся «отдельными видами предпринимательской деятельности» без реги-

¹ Законопроект № 63528-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения круга правообладателей товарных знаков)».

страции в качестве индивидуального предпринимателя (абз. 2 п. 1 ст. 23 ГК РФ). Единственным таким исключением в настоящее время является режим налога на профессиональный доход, неформально именуемый самозанятостью и установленный Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход“». Поскольку этот срочный правовой эксперимент в области налогового права, к участию в котором допускаются в том числе индивидуальные предприниматели, не имеет никакого отношения к гражданским правоотношениям, его отражение в ГК РФ возможно только в виде такой же срочной нормы, например, в вводящем законе. Другие допустимые варианты – дополнить перечень правообладателей исключительного права на товарный знак универсальной отсылочной нормой на основе абз. 2 п. 1 ст. 23 ГК РФ или объединить и индивидуальных предпринимателей, и самозанятых понятием «граждан (физических лиц), осуществляющих предпринимательскую деятельность».

Однако любой из обозначенных вариантов не отражает специфику положения правообладателя, важную для наследования исключительного права. Как уже говорилось, обладание исключительным правом, его защита, продление сроков действия и большая часть законных способов распоряжения могут происходить и вне осуществления предпринимательской деятельности. При этом больше всего с такой деятельностью связано использование товарного знака или коммерческого обозначения. **Для целей наследования стоит учесть такую особенность законодательно.** КС РФ в постановлении от 3 июля 2018 г. № 28-П применительно к государственной регистрации перехода исключительного права в результате реорганизации юридического лица указывал на необходимость установления как сроков государственной регистрации перехода права по наследству, так и «соразмерных последствий» их несоблюдения, не связанных с прекращением права помимо воли правообладателя (очевидно, прекращения в административном порядке).

Представляется, что эта правовая позиция применима и к наследнику, к которому перешло исключительное право на товарный знак или коммерческое обозначение и которому, как минимум, для использования этих средств индивидуализации необходимо соответствовать требованиям об осуществлении предпринимательской деятельности – зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя или встать на учет как налогоплательщику налога на профессиональный доход.

Для товарных знаков соразмерные последствия за несоблюдение требований об использовании средств индивидуализации могли бы определяться по правилам ст. 1486 ГК РФ, регуливающей прекращение правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования. Этот механизм представляется наиболее подходящим, тогда как прежние доктринальные разработки о возможности использования ст. 238 ГК РФ, устанавливающей порядок прекращения права собственности лица на имущество, которое не может ему принадлежать, или ст. 1180 ГК РФ, регуливающей наследование ограничено оборотоспособных вещей, а также их судебное выражение в виде абз. 1 п. 85 постановления Пленума ВС РФ № 9 не могут браться во внимание по ряду причин. Например, из-за запрета применения норм разд. II ГК РФ к отношениям по поводу интеллектуальной собственности (п. 3 ст. 1227 ГК РФ), а также из-за недостаточной теоретической обоснованности применения таких норм по аналогии¹.

Для коммерческих обозначений в силу их неформальности вопрос о механизме требует отдельного обсуждения. Это связано с тем, что нормы ст. 1178 ГК РФ, определяющие особенности наследования предприятия, не могут применяться по аналогии в силу недостаточной обоснованности, а ст. 1486 ГК РФ неприменима из-за иных представлений закона о действии исключительных прав на коммерческие обозначения (п. 2 ст. 1540 ГК РФ).

Список литературы

- Гаврилов Э. П. О наследовании интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2011. № 10. С. 46–57.
Гаврилов Э. П. О наследовании интеллектуальных прав в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 года № 9 // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2012. № 9. С. 22–32.

¹ Новоселова Л. А. О наследовании прав на средства индивидуализации. С. 32.

Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Промышленные права. XXI век. сб. публикаций. М.: Юрсервитум, 2016. 736 с.

Зуйкова Л. П. Товарный знак и знак обслуживания // Экономико-правовой бюллетень. 2007. № 4. Доступ из СПС «Гарант».

Корнеев В. А. Исключительное право на товарный знак – право только предпринимателей? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 26. С. 100–105.

Новоселова Л. А. О наследовании прав на средства индивидуализации // Хозяйство и право. 2014. № 3. С. 28–38.

Новоселова Л. А. О моменте перехода исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, подлежащие государственной регистрации // Хозяйство и право. 2018. № 10. С. 30–39.

Павлова Е. А. Четвертая часть ГК в процессе изменений (2014–2022) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 2. С. 69–82. DOI: 10.58741/23134852_2023_2_69.

Садовский П. Наследование интеллектуальной собственности // ЭЖ-Юрист. 2005. № 23. Доступ из СПС «Гарант».

Свищева Е. И. Коммерческое обозначение как средство индивидуализации в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 236 с.

Стражевич Ю. Н. Правовая возможность наследования исключительного права на товарный знак (знак обслуживания) // Судья. 2016. № 2. С. 14–18.

Шиловост О. Ю. Наследование прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Патенты и лицензии. 2008. № 1. С. 25–35.

References

Gavrilov E. P. (2011) O nasledovanii intellektual'nykh prav [On inheritance of intellectual rights]. In *Khozyaistvo i pravo*, no. 10, pp. 46–57.

Gavrilov E. P. (2012) O nasledovanii intellektual'nykh prav v svete Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29 maya 2012 goda № 9 [On inheritance of intellectual rights in the light of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012 № 9]. In *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava*, no. 9, pp. 22–32.

Gavrilov E. P. (2016) *Pravo intellektual'noi sobstvennosti. Promyshlennye prava. XXI vek* [Intellectual property law. Industrial rights. XXI century]. Moscow, Yurservitum, 736 p.

Korneev V. A. (2019) Isklyuchitel'noe pravo na tovarnyi znak – pravo tol'ko predprinimatelei? [Exclusive right to trademark – the right of entrepreneurs only?]. In *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam*, no. 26, pp. 100–105.

Novoselova L. A. (2014) O nasledovanii prav na sredstva individualizatsii [On inheritance of rights to means of individualization]. In *Khozyaistvo i pravo*, no. 3, pp. 28–38.

Novoselova L. A. (2018) O momente perekhoda isklyuchitel'nogo prava na rezul'taty intellektual'noi deyatel'nosti i sredstva individualizatsii, podlezhashchie gosudarstvennoi registratsii [About the moment of transition of the exclusive right to the results of intellectual activity and means of individualization subject to state registration]. In *Khozyaistvo i pravo*, no. 10, pp. 30–39.

Pavlova E. A. (2023) Chetvertaya chast' GK v protsesse izmenenii (2014–2022) [The Fourth part of the Civil Code in the process of changes (2014–2022)]. In *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam*, is. 2, pp. 69–82, DOI: 10.58741/23134852_2023_2_69.

Sadovskii P. (2005) Nasledovanie intellektual'noi sobstvennosti [Inheritance of intellectual property]. In *EZH-Yurist*, no. 23, access from SPS «Garant».

Shilokhvost O. Yu. (2008) Nasledovanie prav na rezul'taty intellektual'noi deyatel'nosti i sredstva individualizatsii [Inheritance of the rights to the results of intellectual activity and means of individualization]. In *Patenty i litsenzii*, no. 1, pp. 25–35.

Strazhevich Yu. N. (2016) Pravovaya vozmozhnost' nasledovaniya isklyuchitel'nogo prava na tovarnyi znak (znak obsluzhivaniya) [Legal possibility of inheritance of the exclusive right to a trademark (service mark)]. In *Sud'ya*, no. 2, pp. 14–18.

Svishcheva E. I. (2022) *Kommercheskoe oboznachenie kak sredstvo individualizatsii v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. jurid. nauk* [Commercial designation as a means of individualization in the civil law of the Russian Federation: a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 236 p.

Zuikova L. P. (2007) Tovarnyi znak i znak obsluzhivaniya [Trademark and service mark]. In *Ekonomiko-pravovoi byulleten'*, no. 4, access from SPS «Garant».

ПОНИМАНИЕ ТОТАЛИТАРИЗМА В НАУЧНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В КОНТЕКСТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Заднепровская Ариана Олеговна

Студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва),
ORCID: 0009-0005-0553-1630, e-mail: 231005@edu.fa.ru.

Работа посвящена поиску точек соприкосновения образов тоталитаризма в литературе и науке и определению аспектов, влияющих на формирование понимания тоталитарного государства. Важнейшим критерием, определяющим суть тоталитаризма, является источник этого политического режима. В данном контексте излагаются точки зрения В. Н. Войновича, Н. А. Бердяева, видящих достижение идеологии целью тоталитарного государства, и Дж. Оруэлла, Х. Арендт, Г. Б. Гутнера, Е. И. Замятина, считающих, что суть тоталитаризма заключается в захвате и безграничном использовании власти. Для выявления сопутствующих характеристик тоталитарного государства анализируются работы Дж. Оруэлла, М. Джиласа, Ж. Желева, Е. И. Замятина, О. Хаксли и соотносятся взгляды указанных авторов на тип экономической системы, характерный для тоталитаризма, специфику культуры, отношения между человеком и государством. Подчеркивается, что сходство всех рассмотренных научных и художественных образов состоит в акцентировании внимания на сущности психологического базиса, используемого идеологами тоталитарного государства. Делается вывод об аналогичности мнений авторов по большинству критериев тоталитарного государства, в то время как немногочисленные расхождения во взглядах объясняются спецификой изложения образов научным и литературным сообществом.

Ключевые слова: тоталитарное государство, идеология, источник тоталитаризма, права человека, психологический аспект тоталитаризма

Для цитирования: Заднепровская А. О. Понимание тоталитаризма в научной и художественной литературе в контексте прав человека // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 3. С. 57–66. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_3_57.

UNDERSTANDING OF TOTALITARIANISM IN SCIENTIFIC AND FICTION LITERATURE IN CONTEXT OF HUMAN RIGHTS

Zadneprovskaya Ariana

Student, Financial university under the Government of Russian Federation (Moscow),
ORCID: 0009-0005-0553-1630, e-mail: 231005@edu.fa.ru.

The article is dedicated to actual problem related to finding common aspects of the images of totalitarianism and the identification of aspects that influence the formation of an understanding of the totalitarian state. The most important criterion determining the essence of totalitarianism is the source of this political regime. In this context the points of view of V. N. Voinovich, N. A. Berdyaev, who see the achievement of ideology as the goal of a totalitarian state, and J. Orwell, H. Arendt, G. B. Gutner, E. I. Zamyatin, who believe that the essence of totalitarianism lies in the seizure and unlimited use of power are given. In order to identify the concomitant characteristics of the totalitarian state the works of G. Orwell, M. Djilas, J. Zhelev, E. I. Zamyatin, A. Huxley are analysed and views on the type of economic system characteristic of totalitarianism, the specifics of culture, the relationship between human and the

state are correlated. It is emphasized that the similarity of all the considered scientific and fiction images consists in focusing on the essence of psychological basis used by the ideologists of the totalitarian state. It is concluded that the authors' opinions are similar in most criteria of a totalitarian state, while the few differences in views are explained by the specifics of the presentation of images by the scientific and literary community.

Key words: totalitarian state, ideology, source of totalitarianism, human rights, psychological aspect of totalitarianism

*For citation: Zadneprovskaya A. (2024) Understanding of totalitarianism in scientific and fiction literature in context of human rights. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 57–66, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_3_57.*

С чем у большинства людей ассоциируется тоталитарный строй? С произволом власти, преследованием инакомыслия. Но неотъемлемым аспектом существования тоталитарного государства является нарушение прав и свобод человека. Несмотря на общие признаки режима, единое представление относительно образа тоталитаризма в обществе так и не сложилось. Представители литературы и науки до сих пор расходятся во мнениях о том, какие характеристики в полной мере описывают указанный политический режим. В данной статье будут проанализированы образы тоталитарного государства в научной и художественной литературе. Учитывая большое разнообразие авторов антиутопий, внимание читателя будет обращено именно на работу Джорджа Оруэлла, поскольку изложенные в ней взгляды на данную проблему можно признать доминирующими в литературе. Именно с его мнением будут сопоставлены мнения о проблеме других писателей. Цель настоящей статьи – соотнесение образов тоталитаризма, разработанных отечественными и зарубежными мыслителями, и нахождение сходства или отличий во взглядах, обусловленных спецификой изложения образов писателями и учеными.

В художественной литературе отражение тоталитаризма тождественно антиутопии. Чтобы приступить к анализу соответствующей литературы, необходимо разобраться в значении термина «антиутопия». Приставка «анти-» указывает на отрицание корня слова «-утопия». Утопией называют место, которого нет (от гр. *ou* – нет, *topos* – место)¹, иными словами, модель идеального, недостижимого для человечества общества. Таким образом, антиутопия – место, которое существует, попытка осуществления утопической идеи. В антиутопиях описывается общественный и государственный строй в рамках реализации идеологии, средства и методы ее достижения.

Однако стоит отметить, что далее речь пойдет именно о государственной идеологии. Поэтому следует упомянуть различия между государственной идеологией и обычной. Идеология – воображаемое отношение человека к реальным условиям своего существования, представляющее собой деформированное восприятие реальности². Можно говорить о том, что каждый человек имеет свою идеологию. Идеология абсолютно вездесуща и проявляется во всех действиях людей, предопределяя их поступки, так как лежит в их основе. Иное определение имеет государственная идеология. Ее можно охарактеризовать как систему идей, которая воплощается государством при поддержке репрессивного аппарата. Все действия властей направлены на реализацию «утопии», а существование альтернативных идей не допускается. Таким образом, носителем идеологии может быть любой человек, но, когда чья-либо идеология, представляющая субъективный взгляд на совершенную модель общества, превращается в государственную, она становится опасна для населения, так как сопряжена с применением насилия над теми, кто придерживается идеологии, отличной от идеологии власти.

Так, по мнению В. Н. Войновича, «любая утопия, будь она хорошая или плохая, непременно порождает мерзкие методы, потому что утопия неосуществима в принци-

¹ Толковый словарь Ефремовой. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 17.11.2023).

² Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения: 05.05.2024).

пе. Пытающиеся ее реализовать сталкиваются с невозможностью это сделать – и неизбежно применяют силу... Кажется, ну еще немного, пожертвуем этим, убьем еще вот этих, а потом все у нас будет хорошо... а в конце концов утопия вовлекает в преступление все большее количество людей»¹. Это определение способно кратко описать образ государства в произведении В. Н. Войновича «Москва 2042»². Основной целью государственной модели, разработанной автором, является сохранение господства коммунизма как идеальной стадии общественного развития. В то же время Н. А. Бердяев замечает: «...утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой вопрос, как избежать окончательного их осуществления...»³ Таким образом, он предостерегает от реализации утопии. Из этого можно сделать вывод, что, по мнению В. Н. Войновича и Н. А. Бердяева, антиутопия работает как предупреждение тех предпосылок в современном обществе, которые могут в будущем трансформироваться в жестокую диктатуру. В интервью В. Н. Войнович рассказывал о смысле названия своего произведения. Роман был написан в 1982 г., и автор хотел заглянуть на шестьдесят лет вперед. Автор умножил шестьдесят лет, время, которое успело пройти с начала социального эксперимента по введению социализма, на два. Писатель считал это достаточным сроком для проверки последствий советского эксперимента, и именно на описании этой проверки строится концепция романа-предупреждения⁴.

Интересно, что Г. Б. Гутнер, российский философ, также называет тоталитаризм как политический строй «социальным экспериментом», в котором человек помещается в «пыточную камеру», изымаются его естественные права, так как при их наличии и реализации не может быть достигнута идеальная утопическая модель общества⁵.

Е. И. Замятин, русский и советский писатель-публицист, в произведении «Мы» тоже пишет об опасных, пагубных последствиях разного рода социальных экспериментов, связанных с построением общества, соответствующего тому или иному социальному идеалу⁶.

Таким образом, каждый из перечисленных авторов считает реализацию идеологии, отражающей взгляды власть имущих на идеальное устройство общества, целью тоталитарного государства.

Другое мнение о сущности тоталитарного государства имеет Джордж Оруэлл, что ярко проявляется в его романе-антиутопии «1984»⁷. В основу романа легли события, происходившие в первой половине XX в., когда в мире преобладали государства с установившимся тоталитарным строем: с одной стороны – диктатура в СССР, а с другой – фашистская Германия. Не зря в своем произведении автор делает отсылку к этим двум государствам, отмечая, что у них не хватило смелости признаться, что это была власть ради власти, отнюдь не для достижения высшего блага, как это повсеместно заявлялось⁸. Сам писатель был свидетелем военных действий в Испании, где увидел противостояние идеологий Советского Союза и Германии, но при этом был поражен, что методы, которыми пользовались оба государства, одинаковы: убийства, аресты, пытки и заговоры совершались в это же время в тылу, и делали это люди, которые объявляли себя антифашистами. Таким образом, автор понял, что источником тоталитаризма выступает не идеология, а реализованное желание захватить и безгранично использовать власть. Личность Большого Брата в вымышленном диктаторском государстве Океания – собирательный образ диктаторов: Гитлера и Сталина. В описанном в произведении государстве власть не может являться средством,

¹ Войнович В. Н. Я вернулся... (Беседа с писателем / Записала И. Ришина) // Войнович В. Малое собр. соч.: в 5 т. М.: Фабула, 1993. Т. 3. С. 532.

² Войнович В. Н. Москва 2042. М.: ФТМ, 2020.

³ Бердяев Н. А. Новое средневековье // Бердяев Николай. Философия творчества, культуры и искусства. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 121.

⁴ Грекова В. В. Жанровая специфика антиутопии на примере романа В. Войновича «Москва 2042» // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 6. С. 77–96.

⁵ Гутнер Г. Б. Тоталитарный эксперимент над человеком // Тоталитаризм: причины, последствия, возможности преодоления: Памяти проф. Г. Б. Гутнера (1960–2018). М.: Свято-Филаретовский православно-христианский ин-т, 2019. С. 116.

⁶ Замятин Е. И. Мы. М.: Альпина. Проза, 2023.

⁷ Оруэлл Дж. 1984 / пер. с англ. В. Голышева. М.: ФТМ, 2021.

⁸ Там же. С. 249.

она – цель. В основу заключительной части «1984» лег сюжет романа «Слепящая тьма» Артура Кестлера¹, который основывался на собственном опыте, пройдя через лагеря узников диктаторского режима. Оруэлл не создает роман-предупреждение, он лишь гиперболизирует те события, которые имели место в мире, и проецирует их на будущее².

Схожие с Оруэллом взгляды имеет основоположница теории тоталитаризма Ханна Арендт. Прочитав ее работу «Истоки тоталитаризма»³ и сравнив с романом-антиутопией «1984», можно решить, что один из авторов воспользовался идеями другого. Но это совсем не так. Арендт описала и научно обосновала суть тоталитарного строя, а Оруэлл художественно изобразил его, показал реализацию модели на примере, хотя его роман вышел в свет на два года раньше «Истоков тоталитаризма».

Удивительно, но оба автора отсылают только к Германии и СССР. Есть повод задуматься, почему не берется во внимание, например, Италия при Муссолини. Прежде всего стоит разграничить понятия тоталитаризма и диктатуры. В тоталитарном государстве, в единственном в своем роде, происходит полное отрицание свободы человека. Причем человек добровольно отдает себя во власть государству. Он влюбляется и безумно верит в идеологию, и это достигается отнюдь не террором и насилием, а очень грамотной пропагандой. Сама природа человека используется государством для достижения своих целей. Человек не хочет думать, не имеет интересов, которые могут объединить его с другими людьми. Он не принимает плюрализм. При таком условии доминирующая идеология дает человеку все, чего он хочет. Ее содержание неважно, так как идеология должна удовлетворять потребность в единственной, абсолютной истине. Поэтому все, что произносится поддерживающей идеологию властью, воспринимается как «вселенский закон», который обещает земной рай. И человек добровольно отдает себя в рабство этой системе, готовый на все ради идеи. Человек может легко стать врагом народа, в таком случае он уничтожается, причем его убийца ни в чем не виноват. Он лишь исполнил вселенский закон. Здесь можно заметить аналогию с учением Дарвина, согласно которому выживает сильнейший. Арендт списывает это явление с убийства национальных меньшинств нацистской Германией и уничтожения «вражеских» классов в СССР. Другой путь для человека – стать инструментом этой системы, подчиниться ей, быть полностью лишенным спонтанности и сознания. Арендт проводит аналогию между тоталитарным государством и концлагерем. В концлагере человек перестает осознавать себя как человек. Рутинизация его деятельности приводит к полному уничтожению мышления и фантазии. Он становится мягким, податливым материалом для произвола государства⁴. Г. Б. Гутнер, анализирувавший в свое время труды Арендт, заметил также полное отсутствие морали в таком обществе. Шаблонная деятельность не оставляет места для «морального измерения действия», поэтому исчезает совесть, а с ней чувства⁵.

Похожее мнение высказывает Е. И. Замятин. Конечно, он немного преувеличивает, когда использует вместо имен людей номера, но этот прием очень хорошо показывает обезличение человека, превращение его в часть единого государственного механизма. Но прежде чем обезличить человека, необходимо лишить его всех прав, так как при их реализации становится видна индивидуальность каждой личности. Человеку не нужно думать, не нужно чувствовать. Душа сравнивается с тяжелым заболеванием. Человек не должен иметь душу в обществе, где все люди заражены единственной идеей – работать на благо государства⁶.

Резюмируя мнения Х. Арендт, Дж. Оруэлла и Е. И. Замятина, можно сделать вывод, что человек по отношению к государству имеет лишь обязанности, связанные с по-

¹ Жизнь как антиутопия: история и творчество Джорджа Оруэлла. Роман «1984» и другие произведения // Научно-философский и духовно-художественный журнал «Единое Знание». 2022. 10 апреля. URL: <http://jezmmm.ru/litart/shlemovana/2022/04/10/zhizn-kak-antiutopiya-istoriya-i-tvorchestvo-dzhordzha-oruella-roman-1984-i-dr-proizvedeniya/> (дата обращения: 16.11.2023).

² Оруэлл Дж. Указ. соч.

³ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова; послесл. Ю. Н. Давыдова; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996.

⁴ Там же. С. 575–577.

⁵ Гутнер Г. Б. Указ. соч. С. 119.

⁶ Замятин Е. И. Мы. С. 121.

строением утопического общества и с верой человека в благие намерения власти. В тоталитарном государстве обязанности не корреспондируют правам. Все права подменяются идеальной идеей, к которой граждане, добросовестно исполняя свои обязанности, должны стремиться. Учитывая факт, что ни разу утопия достигнута не была, а население свои обязанности исполняло, можно говорить о полном отсутствии прав и свобод человека в тоталитарном государстве.

Интересно мнение М. Джиласа, политика Югославии, литератора, дававшего оценку обществу СССР и стран Восточной Европы. Он писал о коммунистических революциях, причем сразу видел в них первостепенную цель – укрепление власти. В таких условиях уничтожаются даже сторонники революции, особенно те, кто наивно поверил в осуществление идей и лозунгов революции (здесь вижу сходство со взглядом Арендт). М. Джилас пишет: «Демагогия, уклончивость, непоследовательность характерны для коммунистических вождей, а тем более, когда им приходится обещать сверхидеальное общество»¹. А после захвата власти начинаются процессы, схожие с описанными у Дж. Оруэлла: духовное насилие, запрет на инакомыслие и навязывание официальной идеологии, а «идеальные цели нельзя осуществить неидеальными, негуманными средствами». Он говорит о том, что форма власти и содержание идей не разнятся в странах, где происходит попытка навязать коммунистическую идеологию, так как суть этого одна: тотальное господство. Отсутствие следования идеологии заметно даже в экономической сфере, которая обязана полностью отражать коммунистическую идеологию, но по факту служит интересам правящего класса. М. Джилас приводит примеры безнаказанного хищения «народной собственности». Таким образом, М. Джилас солидарен с Х. Арендт и Дж. Оруэллом, видя исток тоталитаризма не в осуществлении идеологии, а в завоевании власти².

Стоит подвести итог анализа образов тоталитаризма по главному критерию: источник этого политического режима. Рассматриваемые деятели делятся на два лагеря: одни видят основой концепции тоталитарного государства чистое желание осуществить идеологию, тогда как другие считают, что за осуществлением идеологии стоит стремление захватить и безгранично использовать власть. Но у Оруэлла по-другому описана концепция тоталитарного государства. В вымышленном им государстве можно увидеть абсолютно новый уровень, на который вышло гиперболизированное тоталитарное общество, автор показывает государство, где нет идеологии, поэтому население верит непосредственно во власть, а не в идею.

Далее следует анализ конкретных характеристик тоталитарного государства.

Кажется, что в тоталитарном государстве все члены общества несчастны и заслуживают сострадания. Но, анализируя антиутопии, можно прийти к выводу, что большинство населения чувствует себя счастливым, живя в таком обществе. Как это достигается? Борьбой с реальностью путем уничтожения истории и образования. Анализируя «1984», можно увидеть, что Оруэлл в романе отождествляет взгляды большинства граждан на государство, в котором они живут, с идеей симулякра, т. е. с тем, что не существует в действительности. Процветает идея идеала и непогрешимости партии, чего нет в реальной жизни. Но этой идеей одержимы члены общества, и это позволяет тоталитарному строю процветать. Главный объект контроля – язык. Оруэлл пишет об изобретении «новояза» (на описание новояза в романе Оруэлла вдохновил реальный «новояз» в СССР, который был призван внедрить в массы официальную идеологию³), который на уровне грамматики и лексики уничтожает свободомыслие. Словарный запас постоянно уменьшается, что сужает свободу мысли. В языке отсутствуют какие-либо оттенки смыслов, уничтожается индивидуальность и субъективизм, чтобы до невозможности сократить инакомыслие. Об этом же пишет и В. Н. Войнович, автор антиутопии «Москва 2042». Речь героев его произведения перенасыщена революционными аббревиатурами, делающими речь краткой, не допускающей возможности для слушателя что-либо домыслить⁴.

¹ Джилас М. Лицо тоталитаризма / пер. с серб.-хорв. О. Кирилова. М.: Новости, 1992. С. 192.

² Там же.

³ Фарапонова С. В. Особенности советского новояза на примере эпоса и лирики 20-х годов // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сб. ст. молодых ученых. Екатеринбург: УРФУ, 2019. С. 149.

⁴ Войнович В. Н. Москва 2042. 400 с.

С целью предупреждения инакомыслия государство Оруэлла построено по аналогии с паноптикумом, моделью идеальной тюрьмы И. Бентама, кругообразным зданием с комендантом в центре¹. При такой организации у заключенных складывается ощущение, что за ними наблюдают каждый момент времени. У граждан Океании – такое же ежесекундное ощущение контроля за их действиями, этим обеспечивается правоверность. Е. И. Замятин согласен с этим критерием тоталитарного государства, и у него в романе упоминаются дома с полностью прозрачными и идеально просматриваемыми стенами, обеспечивающими контроль над жизнью человека².

Необходимо отметить фальсификацию истории в тоталитарном государстве. В первую очередь, это делается для того, чтобы человеку было не с чем сравнить нынешний уровень жизни, чтобы он верил, что лучше того, как он живет, не было и быть не может. Кроме того, каждому государству свойственно предсказывать внешнеполитическую, демографическую, экономическую ситуации, и, чтобы не потерять доверие населения, предположения государства должны быть всегда верными. По мнению Оруэлла, прошлое живет лишь в документах и в сознании человека. Документы переделываются, а управление сознанием – процесс трудный, но Оруэлл показывает, что вполне осуществимый. Он приводит примеры средневековой инквизиции и сталинских репрессий, когда инакомыслие уничтожалось³, но инакомыслящие превращались в народных героев, и их идеи продолжали жить в обществе. В государстве Оруэлла инакомыслящего изматывают пытками, превращая его в правоверного. Только таким способом происходит искоренение прошлого.

Схожие процессы описываются в антиутопии «Мы» Е. И. Замятина. Инакомыслящие также уничтожаются или «распыляются», автор не зря использует описание фантастического процесса – превращение человека в дистиллированную воду. Неправоверные не оставляют свой след в обществе, отсюда и сравнение с кристально чистой водой, оставшейся после них⁴.

Таким образом, Джордж Оруэлл, солидарный с Е. И. Замятиным, показывает метод сохранения тоталитарного строя – путем искоренения инакомыслия, что обеспечивается в том числе лишением права на жизнь граждан, «неугодных власти», и уничтожения исторических фактов.

В ходе анализа произведений можно отметить, что не все авторы обращают внимание на экономику в таком государстве. Однако есть представители научного сообщества, которые выделяли состояние экономики отдельным критерием, по которому можно охарактеризовать тоталитарное государство. Ж. Желев в своей работе «Фашизм»⁵ отмечает, что для удержания монархии партией-государством необходим захват экономического базиса, превращение всей собственности в государственную. Идеальная модель тоталитаризма – в СССР, поскольку рыночная экономика была превращена в плановую. В пример неудавшегося тоталитарного государства Желев приводит Италию при Муссолини. Муссолини после длительного ареста совершил идейную эволюцию и понял свою главную ошибку: он не национализировал имущество в Италии: «Только государственная монополия на собственность может создать монолитный и незыблемый тоталитарный режим, способный дать фашистскому вождю и фашистской партии гарантии от всяких неожиданностей со стороны военных»⁶. Следствием этой фатальной ошибки стало свержение режима Муссолини военными силами. Этого не могло произойти в СССР, так как военные силы были лишены имущественной опоры, что делало их уязвимыми перед лицом власти. Ссылаясь на В. И. Ленина, Желев говорит: «Монополия в экономике неизбежно перерастает в монополию в политике и затем во всех остальных сферах общественной жизни. А известно, что монополия в политике имеет одну-единственную форму – диктатуру»⁷. Таким обра-

¹ Васильева С. А. «Паноптикум» И. Бентама: история одной идеи // Запад и Восток: история и перспективы развития: сб. ст. 30-й Юбилейной междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 18–19 апреля 2019 года / под ред. И. М. Эрлихсон, Ю. В. Савосиной, Ю. И. Лосева. Рязань: ИП Коняхин Александр Викторович, 2019. С. 507–510.

² Замятин Е. И. Мы. С. 24–25.

³ Оруэлл Дж. Указ. соч. С. 249.

⁴ Замятин Е. И. Мы. С. 107–108.

⁵ Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное государство / пер. с болг. М.: Новости, 1991.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Там же. С. 14.

зом, одним из важных критериев выделения тоталитарного государства, по мнению Ж. Желева, является тип экономической системы.

Яркий пример образа экономики в тоталитарном государстве приведен у Оруэлла, который тоже говорит, что захват экономики государством – важное условие организации тоталитарного общества. Он считает, что в связи с развитием новых технологий повышается общий уровень благосостояния. Создать тоталитарное государство, основанное на классовой борьбе, уже не получается, так как, став всеобщим, богатство перестает порождать различия. Нужен новый способ создания нищеты: этим способом выступает ведение бесконечной войны. Война работает как оправдание низкого уровня жизни и как приятный бонус для партии отвлекает от социальных проблем. Искусственное торможение темпов производства не решит проблему, так как это может породить революционные восстания, обусловленные явным противодействием власти народу. При ведении войны продукция выпускается, но не распределяется и не увеличивает количество материальных ценностей, которые могут повлечь за собой неравенство, а вслед за ним желание захватить власть¹.

Взгляды Дж. Оруэлла и Ж. Желева совпадают. Оба считают тип экономической системы важным критерием существования тоталитарного строя, причем оба видят плановую экономику условием развития тоталитаризма.

Стоит рассмотреть специфику неотъемлемой в жизни любого общества культурной сферы. Если говорить о роли культуры в диктаторском государстве, то в качестве наиболее яркого примера возьмем снова «1984». В описанном здесь государстве отсутствует культура в ее привычном понимании. Основная масса населения, не причастная к политике, не имеет какого-либо культурного разнообразия. Их музыка, книги создаются искусственно и автоматически, не содержат идей, вложенной в них «души» автора, необходимых для духовного развития человека. Цель – превратить низшие слои населения в необразованную массу, которая на самом деле и не нуждается в духовном развитии, так как эти люди в основном заняты лишь своим выживанием, обусловленным созданным государством дефицитом. Об этом говорил и Е. И. Замятин в рассказе «Пещера»². В послереволюционном Петрограде, представляющем собой пещеру, на смену былому образу жизни, духовным интересам, нравственным представлениям приходит одичавшая жизнь с убогими ценностями. «В центре этой вселенной – бог. Коротконогий, ржаво-рыжий, приземистый, жадный, пещерный бог: чугунная печка»³. В первую очередь, это связано с экономическими проблемами: голодом и нечеловеческими условиями жизни. Происходит утрата всех культурных и духовных ценностей, обусловленная необходимостью бороться за жизнь. Но это происходит в тотальной нищете. Если рассмотреть приближенных к власти, партийных работников, то Оруэлл считает, что для них культура – смотреть на боль и смерть других людей. Главное развлечение – публичная казнь пленных, о которой с восторгом в подробностях рассказывают друг другу члены партии, а дети мечтают посетить данное мероприятие. Государство поддерживает и поощряет это, такая политика направлена на деградацию общества, происходит лишение высоких слоев общества каких-либо чувств друг к другу, прежде всего чувства сострадания.

В этом контексте стоит рассмотреть и такой метод сохранения властями тоталитарного строя, как психологическое порабощение личности государством. Оруэлл считал, что добро, человечность порождают инакомыслие, так как они создают особые отношения между людьми, которые могут оказаться крепче, чем правоверность и любовь к государству, в таком случае политика правителей потерпит поражение. Поэтому концепция вымышленной Океании состоит в создании мира зла, ужаса, страданий. Отсутствует семья, основанная на теплых отношениях между ее членами. В таком государстве она представляет собой инкубатор, цель – воспроизводство населения, причем населения правоверного, любящего государство. Такими же видит отношения между людьми в подобном государстве Е. И. Замятин. В его «Государстве Благоденствия» понятия «семья» также не существует. Каждый гражданин вправе свободно выбрать себе человека для удовлетворения сексуальных потребностей. Дети не

¹ Оруэлл Дж. Указ. соч. С. 180–194.

² Замятин Е. И. Пещера // Литрес. URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/172056/25661870/&art=172056&user=1091515303&uilang=ru&catalit2&track_reading (дата обращения: 10.11.2023).

³ Там же. С. 1.

остаются с родителями, а помещаются в специальную организацию, где из них, как на конвейере, воспитывают правоверных граждан. Интересный факт описан в «1984»: Оруэлл обращает внимание на донос на родителей со стороны детей, причем это поощряется (здесь вижу сходство с реальной историей советского мальчика Павлика Морозова¹). Разорваны связи между родителем и ребенком, мужем и женой. В таком обществе люди не могут доверять друг другу. Также можно говорить о том, что государство побеждает личность, используя психологическую слабость, которая есть у каждого человека, – эгоизм. Как бы ни был убежден гражданин в своих взглядах, это можно разрушить, заставив его так страдать, что он откажется от всего, во что верил, в частности предаст любимого человека, лишь бы издевательские действия прекратились. В этом проявляется главный метод тоталитарного государства, отраженного в «1984»: лишить человека всех чувств, кроме чувства трепета по отношению к власти². Таким образом, Оруэлл показывает, что цель тоталитарного государства – заставить человека беспрекословно верить власти.

Слабости человека используются в государстве, модель которого разработана О. Хаксли в произведении «О дивный новый мир». Население Мирового Государства живет в полном комфорте: в обществе переизбыток социальных благ. Так же как в вышеописанных произведениях, отсутствуют семьи, дети принадлежат обществу, распространены беспорядочные половые связи. Лучшее всего развита сфера развлечений, но это не значит, что искусство находится на высоком уровне. Потребляется примитивная культура, которой достаточно для граждан. Довольное, развращенное население идеально для государства³.

Кажется, что «1984» и «О дивный новый мир» являются антиподами. О. Хаксли считает, что политика сапога на лице не может продолжаться долго⁴, но с этим нельзя согласиться. В обоих государствах политики используют слабости человека, а когда они используются, значит, это происходит по воле самого человека. В обоих видах тоталитарного государства население счастливо, а это главная психологическая уловка, на которой строится концепция процветающего государства.

На самом деле все авторы сходятся в одной и той же точке зрения: в том, что тоталитаризм насаждается насильно, но способствуют этому именно человеческие слабости. Идеологи тоталитаризма умело используют эти слабости, что позволяет сохранить выгодный для власти политический режим. В самом начале становления тоталитарного общества при смене государственной власти люди сами делают свой выбор: в пользу ли идеологии, или просто в пользу власти, или в пользу комфортных условий существования – неважно. Психологический подход один: человек сам выбирает, что хорошо для него и соглашается с властью. Конечно, нельзя говорить о том, что один человек, противостоящий действующему режиму, способен что-либо изменить, но на самом деле в начале становления тоталитарного общества опасные тенденции можно убить в зародыше и не допустить в будущем заманчивой пропаганды, которая поведет за собой массы, и что-либо изменить будет невозможно. Единственный критерий, мнения по которому у авторов расходятся, – это источник тоталитаризма: идеология или желание захватить и безгранично использовать власть. Этому есть объяснение: те деятели, которые опирались на личный опыт, проживая в СССР, чаще всего пишут о стремлении тоталитарного государства реализовать идеологию, тогда как люди, имевшие возможность сравнить СССР и нацистскую Германию, две тоталитарные державы, видят исток тоталитаризма в жажде власти. Мнения относительно остальных признаков в большинстве случаев совпадают, так как и писатели, и представители науки опирались на свой жизненный опыт, указывая на те условия существования тоталитарного государства, в которые они сами, вероятно, попадали. В любом случае все научные деятели так или иначе описывают исторический опыт,

¹ Евдокимова В. В. По стопам Павлика Морозова: доносительство в повседневной жизни советской деревни второй половины 1940-х гг. // Актуальные проблемы гуманитарных наук: материалы региональной науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей, Нижневартонск, 15 декабря 2018 года. Нижневартонск: Нижневартонский гос. ун-т, 2019. С. 34–36.

² Оруэлл Дж. Указ. соч.

³ Хаксли О. О дивный новый мир / пер. с англ. О. Сороки. М.: АСТ, 2023.

⁴ «Выбор без выбора»: Олдос Хаксли о будущих диктатурах // Моноклер. 2022. URL: <https://monocler.ru/oldos-haksli-intervyu/> (дата обращения: 17.11.2023).

тогда как писатели-антиутописты изображают государства, характеризующиеся гиперболизированными чертами и никогда в подобном виде не существовавшие в реальности.

Список литературы

«Выбор без выбора»: Олдос Хаксли о будущих диктатурах // Моноклер. 2022. URL: <https://monocler.ru/oldos-haksli-intervyu/> (дата обращения: 17.11.2023).

Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения: 05.05.2024).

Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова; послесл. Ю. Н. Давыдова; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.

Бердяев Н. А. Новое средневековье // Бердяев Николай. Философия творчества, культуры и искусства. М.: Искусство, 1994. Т. 1. 121 с.

Васильева С. А. «Паноптикум» И. Бентама: история одной идеи // Запад и Восток: история и перспективы развития: сб. ст. 30-й Юбилейной междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 18–19 апреля 2019 года / под ред. И. М. Эрлихсон, Ю. В. Савосиной, Ю. И. Лосева. Рязань: ИП Коняхин Александр Викторович, 2019. С. 507–510.

Войнович В. Малое собр. соч.: в 5 т. М.: Фабула, 1993. Т. 3. 532 с.

Войнович В. Н. Москва 2042. М.: ФТМ, 2020. 400 с.

Грекова В. В. Жанровая специфика антиутопии на примере романа В. Войновича «Москва 2042» // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 6. С. 77–96.

Гутнер Г. Б. Тоталитарный эксперимент над человеком // Тоталитаризм: причины, последствия, возможности преодоления: Памяти проф. Г. Б. Гутнера (1960–2018). М.: Свято-Филаретовский православно-христианский ин-т, 2019. С. 113–124.

Джилас М. Лицо тоталитаризма / пер. с серб.-хорв. О. Кирилова. М.: Новости, 1992. 544 с., ил.

Евдокимова В. В. По стопам Павлика Морозова: доносительство в повседневной жизни советской деревни второй половины 1940-х гг. // Актуальные проблемы гуманитарных наук: материалы региональной науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей, Нижневартовск, 15 декабря 2018 года. Нижневартовск: Нижневартровский гос. ун-т, 2019. С. 34–36.

Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное государство / пер. с болг. М.: Новости, 1991. 159 с.

Жизнь как антиутопия: история и творчество Джорджа Оруэлла. Роман «1984» и другие произведения // Научно-философский и духовно-художественный журнал «Единое Знание». 2022. 10 апреля. URL: <http://jezmmm.ru/litart/shlemovana/2022/04/10/zhizn-kak-antiutopiya-istoriya-i-tvorchestvo-dzhordzha-oruella-roman-1984-i-dr-proizvedeniya/> (дата обращения: 16.11.2023).

Замятин Е. И. Мы. М.: Альпина. Проза, 2023. 244 с.

Замятин Е. И. Пещера // Литрес. URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=download_book/172056/25661870/&art=172056&user=1091515303&uilang=ru&catallit2&track_reading (дата обращения: 10.11.2023).

Оруэлл Дж. 1984 / пер. с англ. В. Голышева. М.: ФТМ, 2021. 308 с.

Толковый словарь Ефремовой. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 17.11.2023).

Фарапонова С. В. Особенности советского новояза на примере эпоса и лирики 20-х годов // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сб. ст. молодых ученых. Екатеринбург: УРФУ, 2019. С. 149–152.

Хаксли О. О дивный новый мир / пер. с англ. О. Сороки. М.: АСТ, 2023. 352 с.

References

(2022) «Vybor bez vybora»: Oldos Khaksli o budushchikh diktaturakh [«A choice without a choice»: Aldous Huxley on future dictatorships]. In *Monokler*, available at: <https://monocler.ru/oldos-haksli-intervyu/> (accessed: 17.11.2023).

(2022) Zhizn' kak antiutopiya: istoriya i tvorchestvo Dzhordzha Oruella. Roman «1984» i drugie proizvedeniya [Life as a dystopia: the story and work of George Orwell. The novel «1984» and other works]. In *Nauchno-filosofskii i dukhovno-khudozhestvennyi zhurnal «Edinoe Znanie»*, 10 apr., available at: <http://jezmmm.ru/litart/shlemovana/2022/04/10/zhizn-kak-antiutopiya-istoriya-i-tvorchestvo-dzhordzha-oruella-roman-1984-i-dr-proizvedeniya/> (accessed: 16.11.2023).

Al'tyusser L. (2011) Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovaniya) [Ideology and ideological apparatuses of the state (research notes)]. In *Neprikosnovennyi zapas*, no. 3, available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (accessed: 05.05.2024).

Arendt H. (1996) *Istoki totalitarizma* [The origins of totalitarianism], transl. from English by I. V. Borisova, Yu. A. Kimelev, A. D. Kovalev, Yu. B. Mishkenene, L. A. Sedova. Moscow, TsentrKom, 672 p.

Berdyaev N. A. (1994). *Novoe srednevekov'e* [New Middle Ages]. In *Berdyaev Nikolai. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva*, Moscow, Iskusstvo, vol. 1, 121 p.

Dzhilas M. (1992) *Litso totalitarizma* [The face of totalitarianism], transl. from Serbo-Croatian by O. Kirilov. Moscow, Novosti, 544 p., il.

Evdokimova V. V. (2019) *Po stopam Pavlika Morozova: donositel'stvo v povsednevnoi zhizni sovetskoj derevni vtoroi poloviny 1940-kh gg.* [Following in the footsteps of Pavlik Morozov: whistleblowing in the daily life of the Soviet village of the second half of the 1940s]. In *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, magistrantov, aspirantov i преподаvatelei, Nizhneartovsk, 15 dekabrya 2018 goda*. Nizhneartovsk, Nizhneartovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 34–36.

Faraponova S. V. (2019) *Osobennosti sovetskogo novoyaza na primere eposa i liriki 20-kh godov* [Features of the Soviet newspeak on the example of the epic and lyrics of the 20s]. In *INITIUM. Khudozhestvennaya literatura: opyt sovremennogo prochteniya: sbornik statei*. Yekaterinburg, URFU, pp. 149–152.

Grekoa V. V. (2019) *Zhanrovaya spetsifika antiutopii na primere romana V. Voinovicha «Moskva 2042»* [Genre specificity of dystopia on the example of V. Voinovich's novel «Moscow 2042»]. In *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, vol. 11, no. 6, pp. 77–96.

Gutner G. B. (2019) *Totalitarnyi eksperiment nad chelovekom* [The totalitarian experiment on man]. In *Totalitarizm: prichiny, posledstviya, vozmozhnosti preodoleniya: Pamyati prof. G. B. Gutnera (1960–2018)*. Moscow, Svято-Filaretovskii pravoslavno-khristianskii institut, pp. 113–124.

Khaksl'i O. (2023) *O divnyi novyi mir* [About the brave new world], transl. from English by O. Soroka. Moscow, AST, 352 p.

Oruell Dzh. (2021) *1984*, transl. from English by V. Golyshev. Moscow, FTM, 308 p.

Tolkovy slovar' Efremovoi [Efremova's explanatory dictionary], available at: <https://gufo.me/dict/efremova> (accessed: 17.11.2023).

Vasil'eva S. A. (2019) «Panoptikum» I. Bentama: istoriya odnoi idei [I. Bentham's «Panopticon»: the story of an idea]. In Erlikhson I. M., Savosina Yu. V., Losev Yu. I. (Ed.) *Zapad i Vostok: istoriya i perspektivy razvitiya: sbornik statei 30-i Yubileinoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ryazan', 18–19 aprelya 2019 goda*. Ryazan': Individual'nyi predprinimatel' Konyakhin Aleksandr Viktorovich, pp. 507–510.

Voinovich V. (1993) *Maloe sobranie sochinenii: in 5 vols.* [Small collected works: in 5 vols]. Moscow, Fabula, 532 p.

Voinovich V. N. (2020). *Moskva 2042* [Moscow 2042]. Moscow, FTM, 400 p.

Zamyatin E. I. (2023) *My* [We]. Moscow, Alpina. Proza, 244 p.

Zamyatin E. I. *Peshchera* [Cave]. In *Litres*, available at: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/172056/25661870/&art=172056&user=1091515303&uilang=ru&catalit2&track_reading (accessed: 10.11.2023).

Zhelev Zh. (1991) *Fashizm. Totalitarnoe gosudarstvo* [Fascism. A totalitarian state], transl. from Bulgarian. Moscow, Novosti, 159 p.

К ВОПРОСУ О НЕДОПУСТИМЫХ ОСНОВАНИЯХ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Шарифулин Артём Артурович

Студент Института прокуратуры Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва), ORCID: 0009-0000-6924-6023, e-mail: sharifulinart@gmail.com.

Комплексное правовое исследование посвящено дискуссионным вопросам расширения Высшим Арбитражным Судом РФ и Верховным Судом РФ перечня оснований, которые могут принимать нижестоящие суды судебной системы России в процессе реализации ими такой самостоятельной стадии цивилистического процесса, как пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу. С использованием междисциплинарного подхода на основе исследования исторического развития института пересмотра решений судов по вновь открывшимся обстоятельствам, национально-законодательства, сложившейся по этому вопросу отечественной судебной практики, а также доктринальных положений гражданской процессуальной, уголовной и уголовно-процессуальной отраслей права автором сформулированы выводы, свидетельствующие о неконституционности данных разъяснений, поскольку ими нарушается презумпция невиновности – фундаментальный межотраслевой принцип российской системы права, закрепленный как в Конституции РФ, так и в иных нормативных правовых актах. Нарушение это выражено в допустимости признания совершения лицом преступления не на основании обвинительного приговора суда. По результатам проведенного исследования представлены рекомендации, при реализации которых возможно устранение несоответствия разъяснений высших судебных органов РФ данному конституционному принципу.

Ключевые слова: пересмотр, вновь открывшиеся обстоятельства, презумпция невиновности, освобождение от уголовной ответственности, судебная практика, гражданский процесс, арбитражный процесс

Для цитирования: Шарифулин А. А. К вопросу о недопустимых основаниях пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 3. С. 67–77. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_3_67.

ON THE ISSUE OF UNACCEPTABLE GROUNDS FOR REVIEWING COURT RULINGS ON NEWLY DISCOVERED CIRCUMSTANCES

Sharifulin Artem

Student, Institute of the Prosecutor's Office of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow), ORCID: 0009-0000-6924-6023, e-mail: sharifulinart@gmail.com.

This comprehensive legal study is devoted to the controversial issues of expansion by the Supreme Court of Arbitration of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation of the grounds that the lower courts of the judicial system of Russia can accept in the process of implementing such an independent stage of the civil process as the revision of judicial decisions that have entered into force due to newly discovered circumstances. Using an interdisciplinary approach based on the study of the historical development of the institute for reviewing court

decisions on newly discovered circumstances, national legislation, domestic judicial practice on this issue, as well as doctrinal provisions of civil procedure, criminal and criminal procedure branches of law the author formulated conclusions that indicate the unconstitutionality of these explanations, since they violate the presumption of innocence – a fundamental intersectoral principle of the Russian legal system, enshrined both in the Constitution of the Russian Federation and in other normative legal acts. This violation is expressed in the permissibility of recognizing the commission of a crime by a person not on the basis of a court conviction. Based on the results of the study recommendations are presented, the implementation of which may eliminate the inconsistency of the explanations of the supreme judicial bodies of the Russian Federation with this constitutional principle.

Key words: revision, newly discovered circumstances, the presumption of innocence, exemption from criminal liability, judicial practice, civil procedure, arbitration procedure

*For citation: Sharifulin A. (2024) On the issue of unacceptable grounds for reviewing court rulings on newly discovered circumstances. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 67–77, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_3_67.*

Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам – традиционный институт гражданского процессуального права, выступающий, как верно отмечала М. С. Шакарян, «самостоятельной, но исключительной стадией гражданского процесса»¹.

В юридической литературе по этому вопросу представлены и иные позиции. Например, С. Т. Багыллы считает, что данный правовой институт «является самостоятельным видом процессуального производства (здесь и далее выделено мной. – А. Ш.), а не стадией гражданского или административного судопроизводства»², поскольку для стадий характерно то, что они «поочередно сменяют друг друга, не меняя последовательности»³, а пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений «может возникнуть в суде любой инстанции»⁴.

То обстоятельство, что не в каждом процессе эта стадия присутствует, позволяет сделать вывод лишь о том, что стадия эта исключительная. Она невозможна без предшествующих стадий, в ходе которых было принято пересматриваемое решение. Пересмотр вступившего в законную силу судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствам – стадия экстраординарная (о ней говорят как о «неординарном виде пересмотра»⁵) и редкая, поэтому С. М. Ахмедов помимо исключительности данного института выделяет и его «чрезвычайный характер»⁶, который «состоит в том, что его участники обладают возможностью возврата к спору, разрешенному ранее без учета существенных для дела обстоятельств»⁷. С этим выводом можно согласиться. Но нельзя отрицать то обстоятельство, что пересмотр является стадией процесса. Если бы он не был стадией, то нечего было бы пересматривать.

Сегодня эта стадия регламентирована гл. 42 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 25 декабря 2023 г.). Вновь открывшимися обстоятельствами в соответствии с ч. 3 ст. 392 ГПК РФ признаются существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю (п. 1),

¹ Гражданское процессуальное право России: учеб. для вузов / под ред. М. С. Шакарян. М.: Былина, 1998. С. 382.

² Багыллы С. Т. Пересмотр вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском и административном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 10.

³ Багыллы С. Т. Правовая природа пересмотра судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам // Теория и практика общественного развития. 2015. № 15. С. 68.

⁴ Там же.

⁵ Ахмедов С. М. Новые реалии пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по новым обстоятельствам в гражданском и административном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 3. С. 87. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.083-091.

⁶ Ахмедов С. М. Производство по пересмотру судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам в системе пересмотра судебных актов в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9.

⁷ Там же.

и «криминальные обстоятельства»¹ (пп. 2 и 3), которые в силу дефинитивности п. 1 ч. 2 ст. 392 ГПК РФ также должны обладать признаком существенности для дела.

Законодатель в указанных нормах четко определил процессуальную форму криминальных обстоятельств – вступивший в законную силу *приговор суда*. Для российской системы права это не ново, поскольку является последовательным отражением исторически сложившейся теории и практики решения данного вопроса.

В дореволюционный период такая форма была выработана Правительствующим Сенатом, потому что в законе в то время основания пересмотра еще указаны не были. Сенат установил, что одно из оснований – «удостоверенный *уголовнымъ судомъ* подлогъ акта, на которомъ основано рѣшеніе»². Далее, уже на позитивном уровне, в ст. 251 ГПК РСФСР 1923 г. было установлено, что для пересмотра судебного решения нужен судебный приговор, которым установлены ложные показания свидетелей, преступные деяния сторон, их представителей или экспертов или преступные деяния членов суда, участвовавших в деле, или приговор суда по уголовному делу, которым документы, послужившие основанием решения, признаны подложными. Наблюдается расширение оснований при неизменности их формы – судебного приговора. В пп. 2 и 3 ч. 2 ст. 333 ГПК РСФСР 1964 г. были закреплены аналогичные сегодняшним криминальные обстоятельства в той же форме приговора суда.

Возникает вопрос: почему уже более века подряд законодатель выбирает именно такую форму закрепления оснований для пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам? Как представляется, связано это с тем, что только с момента вступления приговора в законную силу лицо действительно считается виновным, т. е. только тогда можно говорить о том, что оно совершило преступление, с которым закон связывает пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам. Это и есть не что иное, как проявление принципа презумпции невиновности, который также последовательно закреплялся в отечественных конституциях и сегодня установлен в ст. 49 Конституции РФ, а также в ряде других законодательных актов. До признания судом лица виновным через вступивший в законную силу обвинительный *приговор*, во-первых, совершившим преступление его считать нельзя, поскольку не установлена виновность, а во-вторых, как отмечает Т. Г. Морщакова, «формулируя требования к характеру взаимоотношений между личностью и государством в связи с уголовным преследованием, презумпция невиновности возлагает *обязанность обращаться с лицом... как с невиновным не только на органы уголовного судопроизводства, но и на все другие инстанции*, от которых, в частности, зависит реализация правового статуса личности в области социальных, трудовых, избирательных, жилищных и других прав»³.

Только в *приговоре* суд согласно ч. 1 ст. 299 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 25 декабря 2023 г.) разрешает такие значимые для данной стадии пересмотра вопросы, как: доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый (п. 1); доказано ли, что деяние совершил подсудимый (п. 2); является ли это деяние преступлением (п. 3); виновен ли подсудимый в совершении этого преступления (п. 4). Таким образом, в силу прямого указания закона никакой иной процессуальный акт не может устанавливать доказанность перечисленных обстоятельств. Полагаем, что это одно из проявлений действия принципа «сдержек и противовесов» ветвей государственной власти (ст. 10 и 11 Конституции РФ). Поэтому только суд обладает исключительной компетенцией в удостоверении и подтверждении подготовленных представителями органов исполнительной (следственные органы) и контрольной⁴ (прокуратура) ветвей власти обвинений, которые были предъявлены лицу.

¹ Казаков А. О. Пересмотр судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам на основании постановления об отказе в возбуждении уголовного дела // Российский юридический журнал. 2021. № 3. С. 107. DOI: 10.34076/20713797_2021_3_107.

² Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. Издание третье. М.: Типография Императорскаго Московскаго Университета, 1909. С. 303.

³ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 463.

⁴ Отметим, что автор данной статьи последовательно поддерживает идею существования и позитивного закрепления контрольной ветви государственной власти, однако это вопрос дискуссионный и не

Соответственно, основаниями для пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам не могут быть никакие иные процессуальные акты, кроме вступившего в законную силу приговора суда, даже если в этих актах, в их мотивировочной части, и сделаны выводы о совершении преступления. Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ) в абз. 2 п. 2 утратившего силу постановления от 15 октября 1998 г. № 17 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам вступивших в законную силу судебных актов арбитражных судов» правильно разъяснил, что криминальные обстоятельства, закрепленные в пп. 2 и 3 ч. 2 ст. 192 Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г. (утратил силу), «должны быть установлены вступившим в законную силу приговором суда. При невозможности привлечения указанных в этих пунктах лиц к уголовной ответственности, в частности в случаях амнистии, смерти, истечения срока давности для уголовного наказания, судебный акт арбитражного суда может быть пересмотрен *только в порядке надзора*». Итак, ВАС РФ буквально истолковал закон и признал, что акты, прекращающие уголовное преследование, не могут заменять приговор суда и быть основаниями подтверждения криминальных обстоятельств, с которыми закон связывает пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам. Как было отмечено ранее, это действительно так, поскольку соответствует реализации принципа презумпции невиновности.

Однако далее в указанных правилах была проделана брешь. В абз. 2 п. 6 постановления Пленума ВАС РФ от 12 марта 2007 г. № 17 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам» (утратило силу) было закреплено, что в случае, если криминальные обстоятельства «установлены определением или постановлением суда, постановлением прокурора, следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела за истечением срока давности, в следствии акта об амнистии или акта о помиловании, в связи со смертью обвиняемого, они могут быть основанием для пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам при условии признания их судом обстоятельствами, существенными для дела, в соответствии с пунктом 1 статьи 311 АПК РФ». Это разъяснение закона было подвергнуто критике. В. В. Блажеев верно отмечал, что «Высшим Арбитражным Судом РФ предложены *весьма сомнительные* трактовки давно устоявшихся в теории и практике представлений об отдельных группах вновь открывшихся обстоятельств»¹. Тем не менее Пленум ВАС РФ в абз. 2 п. 6 своего постановления от 30 июня 2011 г. № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам» вновь изложил такую же позицию.

Пленум Верховного Суда РФ занял сходную позицию, отразив ее в абз. 3 п. 10 постановления от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений», незначительно изменив набор уголовно-процессуальных актов и оснований их принятия: 1) не нашли своего отражения постановление прокурора и акт о помиловании; 2) было добавлено такое основание, как недостижение лицом возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

Невключение в постановление от 11 декабря 2012 г. № 31 постановления прокурора и акта о помиловании вполне обосновано. После реформирования прокуратуры РФ в 2007 г. прокурорские работники утратили полномочие по прекращению уголовного преследования (уголовного дела), сегодня этим занимаются дознаватель с согласия прокурора и следователь с согласия руководителя следственного органа. Акт же

являющийся непосредственным предметом настоящего исследования, поэтому далее нами он описан не будет.

¹ Блажеев В. В. Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам в механизме судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 11. С. 62.

о помиловании, являющийся видом освобождения от наказания¹, а не от уголовной ответственности, предусматривает наличие обвинительного приговора суда, так как применяется в соответствии с ч. 2 ст. 85 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 25 декабря 2023 г.) к лицу, осужденному за преступление. Именно поэтому в случае помилования лица основанием для пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам будет не указ о помиловании, а приговор суда. Представляется, что «постановление прокурора» и «акт о помиловании» целесообразно исключить и из постановления Пленума ВАС РФ от 30 июня 2011 г. № 52.

В итоге ВАС РФ и Верховный Суд РФ сказали, что процессуальную форму, которую требует закон, можно не соблюдать, отпадает строгая необходимость в приговоре суда, для пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам будет достаточно других уголовно-процессуальных актов, если они будут признаны судами существенными для дела. Такое же понимание данных положений восприняли и нижестоящие суды. Например, Седьмой кассационный суд общей юрисдикции, ссылаясь на абз. 3 п. 10 постановления от 11 декабря 2012 г. № 31, указал, что, «связывая возможность пересмотра судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам на основании (тех уголовно-процессуальных актов, которые перечислены в данном абзаце постановления Пленума Верховного Суда РФ. – А. Ш.)... Пленум Верховного Суда РФ придал данному разъяснению диспозитивный характер, позволив суду, реализуя свои дискреционные полномочия в рамках рассмотрения вопроса о наличии оснований для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам, определить, являются ли данные обстоятельства существенными для дела»². То есть суд понимает, что отказать в пересмотре судебных постановлений лишь на том основании, что основанием для пересмотра выступает не приговор, он не может. Вызвано это тем, что Верховный Суд РФ ему указал, что в такой ситуации этот иной конкретный уголовно-процессуальный акт (не приговор) он должен принять и оценить на существенность влияния на дело, и только тогда, когда он (суд) признает его несущественным, можно будет отказать в пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам.

Такое понимание судами разъяснений ВАС РФ и Верховного Суда РФ было подтверждено и позициями Конституционного Суда РФ. Гражданин А. А. Саяпин оспорил конституционность п. 3 ч. 3 ст. 392 ГПК РФ, полагая, что данное законоположение «не предусматривает возможности пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам в том случае, когда преступление стороны установлено постановлением следователя или суда о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию (в связи с истечением сроков давности уголовного преследования)»³. Конституционный Суд РФ процитировал п. 10 постановления от 11 декабря 2012 г. № 31 и на этом основании констатировал, что «оспариваемое законоположение не может рассматриваться как нарушающее конституционные права А. А. Саяпина, в удовлетворении заявления которого о пересмотре решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам было отказано также со ссылкой на пропуск им срока подачи этого заявления и отсутствие оснований для его восстановления»⁴. Как представляется, Конституционный Суд РФ сказал, что постановление следователя или суда о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования допустимо как основание для пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам, так как оно содержится в изложенном разъяснении Пленума Верховного Суда РФ, а гражданину А. А. Саяпину отказали в данном пересмотре, потому что он пропустил соответствующий процессуальный срок.

¹ См.: Клепицкий И. А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2018. С. 144. DOI: <https://doi.org/10.12737/24764>; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. / под ред. Ю. В. Грачевой. М.: Проспект, 2019. С. 339–340.

² Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 апреля 2023 г. № 88-6286/2023 по делу № 2-7955/2019.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 21 ноября 2022 г. № 3062-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Саяпина Анатолия Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части третьей статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

⁴ Там же.

По другому делу Конституционный Суд РФ использовал такой же прием юридической техники (через ссылку на п. 10 постановления от 11 декабря 2012 г. № 31), сделав вывод о том, что нельзя считать пп. 1 и 2 ч. 3 ст. 392 ГПК РФ неконституционными в том смысле, что они «препятствуют пересмотру судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам в том случае, если такие обстоятельства отражены в постановлении органа следствия о прекращении уголовного дела за истечением сроков давности уголовного преследования»¹. При этом «определение же того, могли ли обстоятельства... рассматриваться как существенные для дела и служить основанием для пересмотра судебного постановления... относится к компетенции судов общей юрисдикции»². То есть Конституционный Суд РФ также говорит, что данное постановление органа следствия судом общей юрисдикции безусловно принимается, а далее последний оценивает его существенность для дела.

Эта позиция, установленная ВАС РФ и Верховным Судом РФ, подтвержденная Конституционным Судом РФ, находит применение на практике. Например, Четвертый кассационный суд общей юрисдикции удовлетворил требования заявления о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам решения Хостинского районного суда г. Сочи Краснодарского края на основании постановления о прекращении уголовного дела, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ (халатность), в связи с истечением срока привлечения к уголовной ответственности. Суд действовал по ранее описанной схеме: 1) принял постановление о прекращении дела к рассмотрению его существенности, 2) оценил на существенность. Суд констатировал, что «следственными органами в приведенном постановлении *установлено* совершение судебным приставом Л. преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ»³. Далее суд отметил, что предыдущими судами «проигнорированы обстоятельства неправомерности действий... Л., нашедшие свое *доказательственное* (видим, что для суда преступление доказано не приговором суда. – А. Ш.) подтверждение в постановлении о прекращении уголовного дела (уголовного преследования)»⁴. Таким образом, суд принял к рассмотрению на существенность данное постановление следователя. Затем он признал, что «обстоятельства, установленные и изложенные в постановлении... имеют существенное (значение. – А. Ш.) для правильного разрешения спора по иску»⁵. В своем определении суд сослался на абз. 3 п. 10 постановления от 11 декабря 2012 г. № 31.

Представляется, что вышеизложенные позиции ВАС РФ и Верховного Суда РФ не в полной мере соответствуют принципу презумпции невиновности, закрепленному в ст. 49 Конституции РФ. Факт совершения лицом преступления может быть установлен только вступившим в законную силу приговором суда. Пока факт не доказан, пока не установлена его объективность, нельзя ставить вопрос о его существенности. А доказанность (объективность) совершения преступления может установить только суд своим приговором.

Рациональное объяснение отхода высших судов от означенной позиции, непосредственно основанной на Конституции РФ, объясняется внедрением «межотраслевой преюдиции», когда решению гражданских и арбитражных судов была придана преюдициальная сила в уголовном процессе (определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2008 г. № 193-О-П; Федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ). Такая преюдиция нарушает основополагающий принцип современного уголовного процесса – принцип свободной оценки доказательств⁶. Практическим следствием внедрения такой преюдиции стало использование гражданского судопроизводства для совершения преступлений, чаще всего мошенничеств. Конституционный Суд РФ

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2019 г. № 3495-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Романовой Инны Дмитриевны на нарушение ее конституционных прав пунктами 1 и 2 части третьей статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

² Там же.

³ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 сентября 2023 г. по делу № 88-32177/2023.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См.: Клепицкий И. А. Преюдиция и «дело решенное» в современном уголовном процессе // Закон. 2021. № 12.

в постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П показал выход из тупиковой ситуации, в которой оказывались потерпевшие от преступлений, права которых были нарушены решениями обманутых мошенниками судей, принятыми в гражданском судопроизводстве. Потерпевший, человек честный, не может играть на равных с мошенником в состязательном гражданском процессе, где он лишен какой-либо поддержки со стороны правоохранительных органов, обученных противодействовать преступникам.

Выход, обозначенный в постановлении от 21 декабря 2011 г., был тесным: констатировалось, что межотраслевая преюдиция не препятствует уголовному преследованию за фальсификацию доказательств; приговор по делу о фальсификации доказательств может быть основанием для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам. После такого пересмотра не исключено и уголовное преследование за преступления более серьезные, в том числе за мошенничество. При этом не было учтено то обстоятельство, что фальсификация доказательств по гражданскому делу – преступление небольшой тяжести, срок давности привлечения к уголовной ответственности за это преступление составляет всего два года. За это время даже рассмотрение дела в порядке гражданского судопроизводства может быть не завершено. При этом мошенники не склонны помогать правоохранительным органам в скорейшем их изобличении. При таких обстоятельствах отказ от пересмотра гражданского дела на основании постановления о прекращении уголовного дела за давностью лишает потерпевшего доступа к правосудию, обеспечивая торжество мошенника. Если же такое постановление признать основанием для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, то сложно объяснить, почему иные процессуальные акты (не приговоры) нельзя рассматривать в этом качестве. Таким образом, принципы права требуют бережного к себе отношения, инновации в праве возможны при условии, когда тщательно выверены и взвешены их последствия. Правовая система – сложный и хрупкий инструмент. В любом случае внедрение межотраслевой преюдиции не может быть основанием для отказа от принципа презумпции невиновности. Проблема требует другого решения, в частности представляется целесообразным отказаться от межотраслевой преюдиции и вернуться в уголовном процессе к принципу свободной оценки доказательств.

Конституционный Суд РФ, в свою очередь, неоднократно указывал, что решение о прекращении уголовного дела *не подменяет собой приговор суда* и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность¹, т. е. «при освобождении от уголовной ответственности лицо становится невиновным *уже в силу закона*»².

Сложно согласиться с Т. Т. Алиевым, который предлагает «дополнить ст. 392 ГПК РФ положением о том, что обстоятельства, указанные в ч. 2 ст. 392 ГПК РФ, могут быть установлены помимо приговора определением или постановлением суда, постановлением... следователя, дознавателя о прекращении уголовного дела за истечением срока давности, вследствие акта амнистии... в связи со смертью обвиняемого или недостижением лицом возраста, с которого наступает уголовная ответственность»³. Правильно не приводить закон в соответствие с судебной практикой, а приводить практику в соответствие с законом и, что не менее важно, в соответствии с принципами права. В противном случае мы получим неконституционный закон, противоречащий принципам права. По тем же причинам сложно согласиться с предложением А. О. Казакова о дополнении перечня оснований пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам постановлениями «об отказе в возбуждении уголовного дела за истечением срока давности, по причине смерти подозреваемого или обвиняемого»⁴.

С учетом современной практики можно прийти к выводу, что высшие суды вышли за пределы своей компетенции, фактически *создав новую норму права*. Подобные постановления Пленумов А. Т. Боннер справедливо относил к группе тех, «кото-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П; постановление Конституционного Суда РФ от 15 октября 2018 г. № 36-П.

² Шарифулин А. А., Шарифулин Г. А. Освобождение от уголовной ответственности в контексте презумпции невиновности // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 3. С. 82. DOI: 10.34076/2658_512X_2023_3_77.

³ Алиев Т. Т. Проблема классификации оснований пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам постановлений суда, вступивших в законную силу, в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Казаков А. О. Указ. соч. С. 115.

рые по своему содержанию выходят далеко за рамки толкования законодательства»¹. В этом контексте разумным представляется его предложение, согласно которому Конституционному Суду РФ «должно быть предоставлено право проверки соответствия Конституции РФ положений, содержащихся в постановлениях Пленума ВС РФ (и, соответственно, ВАС РФ. – А. Ш.), в тех случаях, когда они являются не актами официального нормативного толкования, а по существу нормами права, дополняющими или изменяющими положения закона»².

Новая, созданная высшими судами норма, помимо противоречия принципу презумпции невиновности, имеет и недостатки, связанные с юридической техникой, например, в силу того, что она имеет казуистично изложенный закрытый перечень уголовно-процессуальных актов, которые могут обусловить пересмотр дела. Нет единого образа при применении закона, неясно, в частности, может ли быть постановление следователя (дознателя) об отказе в возбуждении уголовного дела основанием для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам.

Судебная практика дает как положительный, так и отрицательный ответ. Судебная коллегия по гражданским делам Оренбургского областного суда, ссылаясь на абз. 3 п. 10 постановления от 11 декабря 2012 г. № 31 и соглашаясь с выводами Промышленного районного суда г. Оренбурга, отметила, что «результат проверки правоохранительными органами заявления Р. Е. по факту неправомερных действий С. (указанный в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела. – А. Ш.) правомерно в качестве основания для пересмотра судебного постановления не признан, поскольку не входит в перечень процессуальных актов, являющихся основанием для принятия такого решения»³. Суд таким образом по формальному основанию не стал оценивать существенность сведений, содержащихся в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела, поскольку такое постановление не указано в абз. 3 п. 10 постановления от 11 декабря 2012 г. № 31. Иное решение приняла судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда, также ссылаясь на абз. 3 п. 10 постановления от 11 декабря 2012 г. № 31, согласившись с выводами Измайловского районного суда г. Москвы, признала приведенные в заявлении ответчиков обстоятельства «существенными для дела, поскольку постановлением следователя (об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. – А. Ш.)... установлено, что в действиях П. усматриваются признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.2 УК РФ, учитывая что объективная оценка собранных в ходе проверки материалов позволяет сделать вывод о том, что действительно П. <...> незаконно получал пособия, компенсации и социальные выплаты»⁴. Используя одну и ту же правовую основу, суды поступили по-разному, что, во-первых, доказывает низкий уровень юридической техники созданной высшими судами нормы, и, во-вторых, как представляется, рождает несправедливость, поскольку при равных обстоятельствах имеется отличный итог, а ведь «согласно превосходному определению Цельса, право есть наука о добром и справедливом»⁵.

Выводы

1. Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам – это самостоятельная исключительная и чрезвычайная стадия гражданского процесса. Нельзя не признавать ее стадией лишь по той причине, что в рамках конкретного дела ее может не быть. В процессе может не быть и иных стадий пересмотра дела, как ординарных (пересмотр не вступивших в законную силу решений), так и экстраординарных (пересмотр решений, вступивших в законную силу).

¹ Боннер А. Т. О юридической природе постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Гражданский процесс. Практикум: сборник задач по гражданскому процессу и постановлениям Пленума Верховного Суда РФ по вопросам гражданского процессуального права: учеб. пособие / отв. ред. А. Т. Боннер, С. М. Михайлов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. С. 217.

² Там же. С. 221.

³ Определение Оренбургского областного суда от 6 сентября 2017 г. по делу № 33-6455/2017.

⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 24 октября 2019 г. по делу № 33-47362/2019.

⁵ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учеб. пособие: в 2 т. / под ред. К. И. Батыра и Е. В. Поликарповой. М.: Проспект, 2020. Т. 1. С. 131.

2. Вступивший в законную силу приговор суда как единственное уголовное основание для пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам, указанное в действующем законе, является логичным и разумным продолжением исторического развития гражданского процессуального законодательства по данному вопросу.

3. Поскольку только вступившим в законную силу обвинительным приговором суда устанавливается виновность лица и доказанность совершения им преступления, то только данным уголовно-процессуальным актом может быть подтверждено соответствующее основание для пересмотра.

4. «Постановление прокурора» и «акт о помиловании», указанные в постановлении Пленума ВАС РФ от 30 июня 2011 г. № 52, не могут быть основанием для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, поэтому подлежат исключению из данного постановления.

5. Высшие суды в своих разъяснениях вышли за пределы своей компетенции, фактически создав новую гражданско-процессуальную правовую норму, которая позволила нижестоящим судам не соблюдать установленный законом критерий относительно формы уголовных обстоятельств (в качестве оснований для пересмотра принимать не только приговоры судов).

6. Эта норма противоречит конституционному принципу презумпции невиновности, так как допускает, что подтверждение совершения лицом преступления, с которым закон связывает уголовные обстоятельства, может быть установлено не только обвинительным приговором суда, но и иными уголовно-процессуальными актами. Рождение данной нормы связано с внедрением межотраслевой преюдиции в уголовном процессе.

7. Юридическая техника этой нормы непротиворечива, нет единообразного ее толкования и применения судами, что не соответствует принципу справедливости.

Предложения

1. План «максимум» (решит проблему): исключить абз. 2 п. 6 из постановления Пленума ВАС РФ от 30 июня 2011 г. № 52 и абз. 3 п. 10 из постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31, дав буквальное толкование закона, для того чтобы нижестоящие суды, ранее применявшие данную норму, перестали это делать. Параллельно целесообразно упразднить межотраслевую преюдицию в уголовном процессе.

2. План «минимум» (не решит проблему, но заморозит ее): рекомендовать судам использовать дискреционные полномочия и не признавать изложенные в уголовно-процессуальных актах (кроме вступивших в законную силу приговоров) обстоятельства существенными для дела, так как по существу эти обстоятельства существенными не являются, ведь значимый факт совершения лицом преступления такие акты установить не могут, а прочие факты основанием для пересмотра судебных постановлений быть не могут.

Список литературы

Алиев Т. Т. Проблема классификации оснований пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам постановлений суда, вступивших в законную силу, в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 1. С. 36–39.

Ахмедов С. М. Новые реалии пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по новым обстоятельствам в гражданском и административном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 3. С. 83–91. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.083-091.

Ахмедов С. М. Производство по пересмотру судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам в системе пересмотра судебных актов в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 27 с.

Багыллы С. Т. Пересмотр вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском и административном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 31 с.

Багыллы С. Т. Правовая природа пересмотра судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам // Теория и практика общественного развития. 2015. № 15. С. 60–69.

Блажеев В. В. Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам в механизме судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 11. С. 61–72.

Боннер А. Т. О юридической природе постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Гражданский процесс. Практикум: сборник задач по гражданскому процессу и постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам гражданского процессуального права: учеб. пособие / отв. ред. А. Т. Боннер, С. М. Михайлов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. С. 208–221.

Гражданское процессуальное право России: учеб. для вузов / под ред. М. С. Шакарян. М.: Былина, 1998. 504 с.

Казаков А. О. Пересмотр судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам на основании постановления об отказе в возбуждении уголовного дела // Российский юридический журнал. 2021. № 3. С. 107–116. DOI: 10.34076/20713797_2021_3_107.

Клепицкий И. А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2018. 710 с. DOI: <https://doi.org/10.12737/24764>.

Клепицкий И. А. Преюдиция и «дело решенное» в современном уголовном процессе // Закон. 2021. № 12. С. 115–134.

Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 1040 с.

Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. Издание третье. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1909. 403 с.

Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. / под ред. Ю. В. Грачевой. М.: Проспект, 2019. 416 с.

Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учеб. пособие: в 2 т. / под ред. К. И. Батыра и Е. В. Поликарповой. М.: Проспект, 2020. Т. 1. 392 с.

Шарифулин А. А., Шарифулин Г. А. Освобождение от уголовной ответственности в контексте презумпции невиновности // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 3. С. 77–92. DOI: 10.34076/2658_512X_2023_3_77.

References

Akhmedov S. M. (2008) *Proizvodstvo po peresmotru sudebnykh aktov po vnov' otkryvshimsya obstoyatel'stvam v sisteme peresmotra sudebnykh aktov v arbitrazhnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Proceedings on the revision of judicial acts on newly discovered circumstances in the system of judicial acts review in the arbitration process: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 27 p.

Akhmedov S. M. (2023) *Novye realii peresmotra vstupidivshikh v zakonnyuyu silu sudebnykh aktov po novym obstoyatel'stvam v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve* [New realities of the revision of judicial acts that have entered into force under new circumstances in civil and administrative proceedings]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, vol. 18, no. 3, pp. 83–91, DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.083-091.

Aliev T. T. (2010) *Problema klassifikatsii osnovanii peresmotra po vnov' otkryvshimsya obstoyatel'stvam postanovlenii suda, vstupidivshikh v zakonnyuyu silu, v grazhdanskom sudoproizvodstve* [The problem of classifying the grounds for reviewing court rulings that have entered into force in civil proceedings based on newly discovered circumstances]. In *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, no. 1, pp. 36–39.

Bagylly S. T. (2015) *Pravovaya priroda peresmotra sudebnykh aktov po vnov' otkryvshimsya ili novym obstoyatel'stvam* [The legal nature of the review of judicial acts on newly discovered or new circumstances]. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 15, pp. 60–69.

Bagylly S. T. (2017) *Peresmotr vstupidivshikh v zakonnyuyu silu sudebnykh aktov po vnov' otkryvshimsya ili novym obstoyatel'stvam v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Review of judicial acts that have entered into force on newly discovered or new circumstances in civil and administrative proceedings: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 31 p.

Batyr K. I., Polikarpova E. V. (Ed.) (2020) *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran: uchebnoe posobie: in 2 vols.* [A textbook on the history of state and law of foreign countries: study guide: in 2 vols.]. Moscow, Prospekt, vol. 1, 392 p.

Blazheev V. V. (2008) *Peresmotr sudebnykh postanovlenii po vnov' otkryvshimsya obstoyatel'stvam v mekhanizme sudebnoi zashchity prav i zakonnykh interesov grazhdan i organizatsii* [Review of court rulings on newly discovered circumstances in the mechanism of judicial protection of the rights and legitimate interests of citizens and organizations]. In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no. 11, pp. 61–72.

Bonner A. T. (2022) *O yuridicheskoi prirode postanovlenii Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [On the legal nature of the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation]. In Bonner A. T., Mikhailov S. M. (Ed.) *Grazhdanskii protsess. Praktikum: sbornik zadach po grazhdanskomu protsessu i postanovlenii Plenuma Verkhovnogo Suda RF po voprosam grazhdanskogo protsessual'nogo prava: uchebnoe posobie*. 5th ed., reprint. and add., Moscow, Prospekt, pp. 208–221.

Gracheva Yu. V. (Ed.) (2019) *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast': uchebnik* [Criminal law of the Russian Federation. The general part: textbook]. Moscow, Prospekt, 416 p.

Kazakov A. O. (2021) *Peresmotr sudebnogo akta po vnov' otkryvshimsya obstoyatel'stvam na osnovanii postanovleniya ob otkaze v возбуждении уголовного дела* [Review of the judicial act on newly discovered circumstances on the basis of the decision on refusal to initiate criminal proceedings]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 107–116, DOI: 10.34076/20713797_2021_3_107.

Klepitskii I. A. (2018) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)]. 9th ed., Moscow, RIOR: INFRA-M, 710 p., DOI: <https://doi.org/10.12737/24764>.

Klepitskii I. A. (2021) *Prejuditsiya i «delo reshennoe» v sovremennom ugolovnom protsesse* [Prejudice and the «solved case» in modern criminal proceedings]. In *Zakon*, no. 12, pp. 115–134.

Nefed'ev E. A. (1909) *Uchebnik" russkago grazhdanskago sudoproizvodstva* [Textbook of Russian civil procedure]. 3rd ed., Moscow, Tipografiya Imperatorskago Moskovskago Universiteta, 403 p.

Shakaryan M. S. (Ed.) (1998) *Grazhdanskoe protsessual'noe pravo Rossii* [Russian civil procedure law]. Moscow, Bylina, 504 p.

Sharifulin A. A., Sharifulin G. A. (2023) *Osvobozhdenie ot ugolovnoi otvetstvennosti v kontekste prezumptsii nevinovnosti* [Exemption from criminal liability in the context of the presumption of innocence]. In *Ural'skii zhurnal pravovykh issledovaniy*, no. 3, pp. 77–92, DOI: 10.34076/2658_512X_2023_3_77.

Zor'kin V. D. (Ed.) (2013) *Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Constitution of the Russian Federation]. 3rd ed., reprint., Moscow, Norma: INFRA-M, 1040 p.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *О. Ю. Петрова*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная верстка *О. Ю. Петровой*

Подписано к использованию 19.08.24.
Уч.-изд. л. 7,56. Объем 1,93 МВ

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит